
ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
Мрачный Жнец
СМЕРТЬ УВОЛЕН.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ СМЕРТЬ.

Мрачный Жнец
Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт. Мрачный Жнец

Аннотация

Аудиторы Реальности увольняют Смерть за гнусное преступление: развитие личности. Теперь Мрачному Жнецу придётся доживать отмеренный ему срок, как обычным людям. Взяв новое имя, он решает поработать на ферме (в конце концов, коса у него уже есть).

А для обитателей Плоского мира Смерти пока просто… нет. Но что делать душам мёртвых, если их не встречают, чтобы проводить на ту сторону? Например, возвращаться в уже неживое тело и делать вид, что ничего не случилось.

Пока Смерть батрачит в полях, недавно почивший волшебник Ветром Сдумс честно пытается наслаждаться посмертием с товарищами по несчастью. И быстро выясняет: жизнь предназначена для живых…

Переиздание знаменитого цикла «Плоский мир» сэра Терри Пратчетта, который стал легендой и классиком еще при жизни. Оформление суперпопулярной в России художницы и писательницы Полины Граф. Внутри эскизы персонажей, динамичные

рисунки на полях, портрет автора и дополнительная цветная иллюстрация и черно-белые иллюстрации в тексте.

Самый популярный роман серии «Смерть» и бестселлер New York Times. Юмористическое фэнтези, ломающее шаблоны жанра.

Терри Пратчетт
Мрачный Жнец

Terry Pratchett
REAPER MAN
Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1991
First published by Victor Gollancz Ltd, London,
in association with Colin Smythe Ltd

Перевод с английского Александра Гагинского
Иллюстрации Полины Граф
Художественное оформление Екатерины Петровой

© Гагинский А. М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Танец моррис есть во всех обитаемых мирах мультивселенной.

Его танцуют под солнечным небом, приветствуя пробуждение земли весной, и под ясными звёздами, потому что на дворе весна и есть шансы, что двуокись углерода оттает. Тягу к нему ощущают даже глубоководные твари, ни разу не видавшие солнца, и горожане, которых с природными циклами связывает только тот случай, когда они сбили на своём «Вольво» овцу.

Его танцуют все. Кто невинно, как молодые математики с растрёпанными бородами, под неуклюжую обработку «Жильца миссис Виджери» для аккордеона. Кто сурово, как Ниндзя-Танцоры Нью-Анка, способные вытворять дикие, жуткие вещи при помощи простого полотенца и колокольчика.

Но нигде его не танцуют правильно.

Кроме как на Плоском мире — на диске, стоящем на спинах четырёх слонов, летящих сквозь космос на панцире всемирной черепахи, Великого А’Туина.

И даже тут в моррисе смыслят только в одном месте. В маленькой деревушке высоко в Овцепикских горах, где эту великую и простую тайну передают из поколения в поколение.

Тут мужчины скачут в первый день весны взад и вперёд — под коленями привязаны колокольчики, белые рубахи развеваются. Народ сходится посмотреть. Потом все жарят быка, и в целом это считается славным семейным праздником.

Но тайна не в этом.

Тайна — в *другом* танце.

И для него время пока не пришло.

Что-то тикает, словно часы. И в самом деле, в небесах есть часы, а из них льётся тиканье свежеотчеканенных секунд.

По крайней мере, выглядит это как часы. На самом деле это полная противоположность часов, а большая стрелка делает всего один оборот.

Под тусклым небом есть равнина. Она покрыта плавными изгибами, которые могут напоминать волны или дюны, если глядеть на них издали. А если вы глядите на них издали, радуйтесь, что не делаете этого вблизи.

Прямо над равниной парили три серые фигуры. Что они собой представляли, обычным языком не описать. Кто-то называет их херувимами, хотя ни крылышек, ни пухлых щёчек им не досталось. Они из тех, кто следит, чтобы притяжение работало, а время оставалось отделённым от пространства. Назовём их аудиторами. Аудиторами реальности.

Они вели беседу без единого слова. Им говорить и не требовалось. Они просто меняли реальность так, будто уже сказали.

Один из них сказал: *Такого прежде не случалось. Это возможно?*

Один из них сказал: *Должно быть. У него есть личность. А личности неизбежно приходят к концу. Вечны лишь безличные силы.* Сказано было с долей самодовольства.

Один из них сказал: *Кстати… уже начались странности. Когда возникает личность, странности случаются. Общеизвестный факт.*

Один из них сказал: *Что, он работал неэффективно?*

Один из них сказал: *Нет. На этом его не поймаешь.*

Один из них сказал: *В том-то и суть. В самом слове он. Стать личностью — уже неэффектив-*

но. Нельзя позволять этому распространяться. Что, если личность вдруг появится у гравитации? Вдруг ей начнут нравиться люди?

Один из них сказал: *Типа, она начнёт к ним тянуться?*

Один из них сказал, и можно было бы заметить, что тон его похолодел, если бы он уже не был ниже абсолютного нуля: *Нет.*

Один из них сказал: *Прошу прощения, я неудачно пошутил.*

Один из них сказал: *Кстати, он размышляет о своей работе. А подобные размышления опасны.*

Один из них сказал: *С этим не поспорить.*

Один из них сказал: *Итак, договорились?*

Один из них о чём-то задумался и сказал: *Погодите-ка. А вы случайно не использовали единственное число — «я»? Не завелась ли у вас случайно личность?*

Один из них сказал с невинным видом: *Кто? Мы?*

Один из них сказал: *Где личность, там всегда раздоры.*

Один из них сказал: *Да. Да. Совершенно верно.*

Один из них сказал: *Ладно. Осторожнее в будущем.*

Один из них сказал: *Так что, договорились?*

Они подняли глаза на лик Азраила, чьи черты проступали на небе. Если точнее, они *и были* небом.

Азраил медленно кивнул.

Один из них сказал: *Отлично. Что это за место?*

Один из них сказал: *Это Плоский мир. Летит через космос на спине гигантской черепахи.*

Один из них сказал: *А, один из этих. Я такие терпеть не могу.*

Один из них сказал: *Вот опять. Вы сказали «я».*

Один из них сказал: *Нет! Нет! Лично я ни за что не сказал бы «я»… ой, блинский…*

Один из них вспыхнул пламенем и сгорел, точь-в-точь как клуб газа — быстро и без останков. Почти сразу же на его месте появился другой. На вид он не отличался от исчезнувшего.

Один из них сказал*: Пусть это послужит уроком. Стать личностью — значит стать конечным. А теперь… пора.*

Азраил наблюдал, как они уплывают прочь.

Трудно постичь мысли создания столь исполинского, что в реальном пространстве его длина измерялась бы в световых годах. Но так или иначе, он повернул свою неизмеримую массу

и поискал глазами, в которых терялись звёзды, среди мириада миров тот, Плоский.

Который на спине черепахи. Плоский мир — зеркало прочих миров.

Звучало это интересно. А Азраил, заточённый в плену тысячелетий, заскучал.

А вот зал, в котором будущее вливается в прошлое сквозь воронку настоящего.

Вдоль стен выставлены часы. Не песочные, хотя форма у них та же. Не те часики, которые можно купить как сувенир, с названием вашего любимого курорта, начертанным тем, у кого чувства прекрасного не больше, чем у пончика с повидлом.

То, что в них сыплется, не песок. Это секунды, что без конца превращают «может быть» в «было».

Это часы жизней, и на каждых написано чьё-то имя.

Целый зал, наполненный лёгким шелестом утекающей жизни.

Только представьте…

А теперь добавьте к этому звонкий цокот костей по камню. Он приближается.

Тёмный силуэт проходит перед нами и направляется дальше вдоль бесконечных рядов этих пророческих склянок. Цок, цок. Ага, вот часы, в которых верхняя колба почти опустела. Костяные пальцы тянутся к ней. Забирают. И ещё одну. Забирают. И ещё. И ещё много, много других. Забирают, забирают.

И такая работа идёт целый день. Если можно так сказать, конечно, ведь дней тут никаких нет.

Цок, цок — тёмный силуэт терпеливо шагает вдоль рядов.

И останавливается.

И замирает в замешательстве.

Потому что перед ним — маленькие золотые часики, не больше наручных.

Вчера их тут не было — вернее, не было бы, будь тут «вчера».

Костяные пальцы обхватывают часы и поднимают на свет.

На них написано имя заглавными буквами. Это имя — СМЕРТЬ.

Смерть опустил часы, затем снова поднял. Пески времени уже бежали в них. Он перевернул часы — чисто ради эксперимента, посмотреть, что будет. Песок продолжил струиться, только теперь снизу вверх. Другого Смерть и не ожидал.

Это означало, что, даже существуй тут «завтра», его отныне всё равно не будет.

В воздухе за ним что-то пошевелилось.

Смерть медленно обернулся и обратился к смутной фигуре, парившей во мгле.

— ПОЧЕМУ?

Тот ответил ему.

— НО ЭТО… НЕПРАВИЛЬНО.

Тот ответил ему: *Нет, правильно.*

На лице Смерти не дрогнул ни единый мускул — их всё равно там не было.

— Я ПОДАМ ЖАЛОБУ.

Тот ответил ему, что *уж он-то* должен понимать: жалобы бесполезны.

Никаких жалоб. Никаких жалоб.

Смерть поразмыслил над этим, а затем сказал:

— Я ВСЕГДА ИСПОЛНЯЛ СВОЙ ДОЛГ ТАК, КАК СЧИТАЛ ПОДОБАЮЩИМ.

Фигура подплыла ближе. Она отдалённо напоминала монаха в серой рясе с капюшоном.

Она ответила: *Мы знаем. Поэтому разрешаем*

тебе оставить коня.

Солнце клонилось к закату.

Из всех созданий на Плоском мире самая коротая жизнь у мушек-подёнок — не более двадцати четырёх часов. Две самые старые мушки бесцельно кружили над рыбным ручьём, повествуя недавно вылупившимся о былых временах.

— Да, в наши часы солнышко уже не то, — сказала одна.

— И то верно. В старые добрые времена солнце было настоящее. Всё такое жёлтое, не то что это, красное.

— А ещё оно висело выше.

— Верно говоришь.

— А куколки и личинки уважали старших!

— И то верно! И то верно! — с жаром согласилась другая подёнка.

— Думается, ежели бы мушки в те времена вели себя получше, солнце не померкло бы.

Младшие подёнки уважительно внимали.

— А ещё помню, — сказала одна из старейших мушек, — кругом были поля, широкие, доколь хватает глаз.

Младшие огляделись.

— Тут и сейчас поля, — заметила одна из них, выдержав уважительную паузу.

— Да, но я помню времена, когда поля были *лучше*, — процедила старая подёнка.

— Верно! — согласилась её товарка. — А ещё тогда была корова.

— Совершенно точно! Вы правы! Я помню эту корову! Стояла прямо вот тут целых сорок, нет, пятьдесят минут. Бурая такая, как сейчас помню.

— Да уж, в нынешние часы таких коров не бывает.

— Их теперь вообще не встретишь.

— А что такое корова? — спросила одна из личинок.

— Видали? — торжествующе заявила пожилая подёнка. — Ничего-то они не знают, современные *ephemeroptera*. — Она задумалась. — Кстати, чем мы занимались до того, как заговорили о солнце?

— Бесцельно кружили над водой, — предположила мушка помладше. Тут было трудно

ошибиться.

— Нет, ещё раньше.

— Эм-м… вы рассказывали о Великой Форели.

— А, ну да. Форель. Видите ли, если б вы были достойными подёнками и кружили вверх-вниз, как подобает…

— …И слушались старших и мудрых…

— …Да, и слушались старших и мудрых, то однажды Великая Форель…

Плюх.

Плюх.

— …То что? — спросила мушка помладше.

Ответа не было.

— Великая Форель однажды что? — с тревогой переспросила другая мушка.

Они опустили глаза и увидели, как по воде расходятся круги.

— Священный знак! — воскликнула однодневка. — Помню, мне об этом рассказывали! Великий Круг На Воде! Сие есть знамение Великой Форели!

Старшая из младших мушек задумчиво всмотрелась в воду. До неё начало доходить, что, раз она старшая из присутствующих подёнок, именно ей выпадает честь летать ближе всех к поверхности.

— Есть предание, — сказала мушка сверху, — что, когда за тобою приходит Великая Форель, ты попадаешь в край, где реки текут… текут реки… — Однодневки ничего не едят, так что идей у неё не было. — Текут водой, — обречённо закончила она.

— Представляю, — сказала старейшая подёнка.

— Там наверняка очень хорошо, — сказала младшая.

— Да? С чего бы?

— Ну, раз оттуда никто не хочет возвращаться.

Ну а старейшие существа на Плоском мире — знаменитые Считающие сосны. Они растут у самой границы вечных снегов высоко в Овцепикских горах.

Считающие сосны представляют собой уникальный пример заимствованной эволюции. Большинство видов эволюционируют сами по себе, доходя до всего в процессе, как и заповедовала

Мать-Природа. Это очень естественно, органично и сочетается с загадочными космическими циклами, предполагающими, что только миллионы лет дико утомительных проб и ошибок позволят вашему виду обрести моральные устои, а то и позвоночник.

С точки зрения видов, это, может, и нормально, но с точки зрения участвующих в этом отдельных индивидов, им подложили свинью — или, как минимум, розовую ящерку, питающуюся корнями, которая со временем может эволюционировать в свинью.

Так что Считающие сосны избежали всего этого, позволив всяким прочим овощам эволюционировать за них. Семя сосны, оказавшись в любой части Плоского мира, сразу же заимствует самый успешный местный генетический код при помощи морфического резонанса и вырастает тем, что лучше всего подходит местной почве и климату. Как правило, у них это получается даже лучше, чем у самих местных деревьев, которых новички вскоре вытесняют.

Но в первую очередь Считающие сосны интересны тем, что умеют считать.

Они откуда-то узнали, что люди научились узнавать возраст деревьев по количеству годо-

вых колец. И тогда старейшие Считающие сосны возомнили, что именно ради этого люди спиливают деревья.

В ту же ночь каждая Считающая сосна поменяла свой генетический код так, чтобы на уровне глаз на её стволе бледными цифрами проступал её возраст. Не прошло и года, как их вырубили почти полностью работники компаний по производству табличек с номерами. Лишь немногие сосны уцелели в труднодоступных местах.

Шесть Считающих сосен из этой рощицы слушали седьмую, старейшую, чей узловатый ствол украшало число тридцать одна тысяча семьсот тридцать четыре. Разговор занял семнадцать лет, здесь он ускорен для удобства.

— Помню, в моё время вокруг не были сплошные поля.

Сосны оглядели тысячи вёрст окрестностей. Небо мигало, как плохой спецэффект из кино про путешествия во времени. Появлялся снег, лежал минуту-другую, затем таял.

— А что же было? — спросила ближайшая сосна.

— Лёд. Но не такой, как нынче. В те годы ледники были настоящие. Не то что нынешний снежок: зимой выпал, весной растаял. Те льды и снега не

таяли веками.

— И куда же они делись?

— Всё ушло.

— Куда ушло?

— А куда всё уходит. Вечно все куда-то спешат.

— Ого. Вот это сейчас жёстко было.

— Что именно?

— Да эта зима только что.

— И это вы называете зимой? Вот, помню, была я росточком, у нас были такие зимы…

И тут дерево исчезло.

После потрясённого молчания, длившегося несколько лет, молодая сосна сказала:

— Ну, дела! Она просто исчезла! Раз — и всё! День назад ещё была, а сегодня уже нет!

Будь остальные деревья людьми, они бы сейчас неловко переминались с ноги на ногу.

— Так случается, дружок, — ласково сказала одна сосна. — Её забрали в Лучшее Место[1], можешь не сомневаться. Она ведь была добрым деревом.

Младшенькая, которой едва стукнуло пять тысяч сто одиннадцать, спросила:

— А что это за Лучшее Место?

— Мы точно не знаем, — признала другая,

---

[1] Примечания: 1

В данном случае — целых три Лучших Места. Ворота домов № 31, 7 и 34 по улице Вязов, город Анк-Морпорк.

неуютно покачиваясь от метели недельной длины. — Но полагаем, что оно как-то связано… с опилками.

Деревья не способны замечать события, занимавшие менее дня, а потому не услыхали стука топоров.

Ветром Сдумс, старейший волшебник Незримого университета — всемирно известного центра магии, волшебства и сытных обедов, — тоже готовился к смерти. Он чуял её приближение всем своим слабым, дрожащим телом.

Конечно, думал он, катясь в кресле-каталке к своему кабинету на первом этаже, *в каком-то смысле все знают, что когда-нибудь умрут, даже не волшебники. Никто не знает, где был до рождения, но когда наконец рождаешься, то вскоре узнаёшь, что прибыл сюда уже с обратным билетом.*

Но волшебники действительно *чуяли* свою

смерть. Конечно, нельзя предсказать насильственную гибель вроде убийства, но если причина смерти — просто в том, что запас жизни кончился… что ж, такую они предчувствовали. Обычно предчувствие приходило заранее, чтобы было время вернуть книги в библиотеку, постирать свой лучший костюм и занять как можно больше денег у друзей.

Сдумсу уже исполнилось сто тридцать лет. Он осознал, что пробыл стариком большую часть своей жизни. Честно говоря, это казалось несправедливым.

И ведь никто ничего не сказал. Он упомянул о предчувствии в Негостиной на прошлой неделе, но никто будто не понял намёка. А сегодня за обедом с ним почти не разговаривали. Даже так называемые старые друзья, казалось, избегали его — а ведь он *даже не пытался* занять у них денег.

Ощущение такое, что все забыли про твой день рождения. Только хуже.

Ему предстояло умереть в одиночестве, и всем было плевать.

Он распахнул дверь, толкнув её колёсиком кресла, и пошарил на столе у двери в поисках огнива.

Вот ещё какое дело. Теперь уже почти никто не пользовался огнивом. Все покупали эти большие вонючие жёлтые спички у алхимиков. Ветром такого не одобрял. Огонь — это вам не игрушки. Нельзя его зажигать вот так, одним взмахом, без уважения. Люди теперь такие: всё-то у них суета, спешка… Да и огонь этот нынешний. В старые времена он был куда теплей. Этот их современный огонь не греет, пока на него практически верхом не сядешь. Видимо, всё дело в дровах… нынче дрова уже не те. Да всё нынче уже не то. Тонкое какое-то. Мягкое. Нет ощущения, что делали на века. А ещё дни стали короче. Хм-м… Что-то с нынешними днями не так. Один короче другого. Хм-м… И каждый день тянется как вечность, что очень странно, ведь дни, *во множественном числе*, неслись мимо как испуганная толпа. У 130-летнего волшебника оставалось мало обязанностей, а потому Сдумс взял за привычку приходить в столовую за два часа до обеда или ужина — просто так, убить время.

Дни тянутся бесконечно, а летят так быстро. Бред какой-то. Где логика? Хм-м… Мде, даже логика нынче уже не та, что в старые добрые времена.

А ещё теперь Университетом заправляют со-

всем уж мальчишки. В былые времена тут правили настоящие волшебники, здоровенные мужики с пропорциями баржи, на таких не посмотришь свысока. Но вот они все куда-то пропали, и на Сдумса теперь снисходительно глядели свысока юнцы, у которых даже зубы ещё не все выпали. Вроде этого сорванца, Чудакулли. Ветром хорошо его помнил. Тощий такой, лопоухий подросток с вечно сопливым носом, в первую ночь в общаге плакал и звал мамочку. И вечно хулиганил. Давеча кое-кто заливал Ветрому, что Чудакулли теперь аркканцлер. Ха! Видать, решили, что старый Сдумс совсем из ума выжил.

Да где же это чёртово огниво? Пальцы… эх, вот в моё время пальцы у людей были на совесть…

Кто-то сорвал покрывало с лампы. Кто-то другой сунул в его шарящие руки бокал.

— Сюрпри-из!

В вестибюле дома Смерти стоят часы с маят-

ником, подобным лезвию, но без стрелок, ведь в доме Смерти нет иного времени, кроме настоящего. (Конечно, *до этого* настоящего было другое, но оно тоже было настоящим. Просто чуть постарше.)

При виде такого маятника-лезвия сам Эдгар По бросил бы всё и ушёл в эстрадные юмористы, гастролировать по барам и склепам. Качается он со слабым «вжух-вжух», аккуратно нарезая окорок вечности на тонкие ломтики мгновений.

Смерть прошёл мимо часов в хмурый полумрак кабинета. Его дворецкий Альберт уже ждал с полотенцем и щёткой.

— Доброе утро, хозяин.

Смерть молча уселся в высокое кресло. Альберт накинул ему полотенце на костлявые плечи.

— Славный денёк, не правда ли? — Он пытался поддержать беседу.

Смерть ничего не ответил.

Альберт встряхнул тряпку для полировки и снял капюшон с головы Смерти.

— АЛЬБЕРТ.

— Да, сэр?

Смерть достал золотые часики.

— ВИДИШЬ?

— Да, сэр. Очень милые. Никогда ещё таких не

видал. А чьи они?

— МОИ.

Альберт покосился в сторону. На углу стола Смерти высились большие часы в чёрной раме. Песка в них не было.

— А разве не те — ваши, сэр? — спросил он.

— ТАК БЫЛО. ТЕПЕРЬ ЭТИ. ПОДАРОК К ОТСТАВКЕ. ОТ САМОГО АЗРАИЛА.

Альберт вгляделся в предмет в руке Смерти.

— Но там же… песок, сэр. Он *сыплется*.

— ИМЕННО ТАК.

— Но это значит… в смысле…?

— ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ОДНАЖДЫ ВЫСЫПЕТСЯ ВЕСЬ ПЕСОК, АЛЬБЕРТ.

— Я понимаю, сэр, но… вы же… я думал, время — это то, что бывает с другими, сэр. Разве не так? *Вас* же оно не касается, сэр… — Под конец голос Альберта звучал умоляюще.

Смерть сбросил полотенце и встал.

— СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ.

— Но вы же *Смерть*, хозяин! — Альберт вразвалку семенил за высокой фигурой, шагавшей наружу, в зал, и дальше вниз ко входу на конюшню. — Это что, шутка какая-то? — с надеждой добавил он.

— Я НЕ СЛАВЛЮСЬ ЧУВСТВОМ ЮМОРА.

— Нет-нет, конечно, не обижайтесь. Но, слушайте, вы же не можете умереть, ведь вы сами — Смерть, вы не можете случиться сами с собой! Это всё равно, что змея съест собственный хвост…

— И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ Я ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ. ЖАЛОБЫ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

— А что тогда будет со *мной*? — спросил Аль-

берт. В его словах блестел страх, как блики на острие клинка.

— БУДЕТ НОВЫЙ СМЕРТЬ.

Альберт взял себя в руки.

— Не думаю, что готов служить другому господину, — заявил он.

— ТОГДА ВОЗВРАЩАЙСЯ В МИР. Я ДАМ ТЕБЕ ДЕНЕГ. ТЫ ВЕРНО СЛУЖИЛ МНЕ, АЛЬБЕРТ.

— Но если я вернусь…

— ДА, — сказал Смерть. — ТЫ УМРЁШЬ.

В тёплом, пахучем полумраке конюшни бледный конь Смерти поднял голову от овса и приветственно заржал. Звали коня Бинки. Он был самой обычной лошадью. Смерть пробовал ездить на огненных жеребцах и скелетах, но нашёл их непрактичными. Особенно огненных: они поджигали стойло, а потом тупо стояли посреди пожара с виноватым видом.

Смерть взял седло с крюка и поглядел на Аль-

берта, которого мучила совесть.

Тысячелетия назад Альберт решил, что лучше служить Смерти, чем умереть. Он не был по природе своей бессмертен. Просто в доме Смерти реальное время не шло. Было лишь вечно меняющееся *сейчас*, но тянулось оно очень долго. В реальности Альберту оставалось жить менее двух месяцев, и последние дни он ценил как золотые слитки.

— Я, ну… — начал он. — Это…

— ТЫ БОИШЬСЯ УМЕРЕТЬ?

— Я не это хотел сказать… В смысле, я всегда… Просто жизнь уже вошла в привычку, и от неё трудно отказаться…

Смерть глядел на него с любопытством — словно на жука, который упал на спину и не может перевернуться.

Наконец Альберт умолк.

— ПОНИМАЮ, — сказал Смерть и взял уздечку Бинки.

— Но вы как будто совсем не волнуетесь! Вы правда готовы *умереть*?

— ДА. ЭТО БУДЕТ СЛАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

— Что, правда? И вы не боитесь?

— Я НЕ УМЕЮ БОЯТЬСЯ.

— Могу научить, если хотите, — предложил

Альберт.

— НЕ НАДО. ПРЕДПОЧИТАЮ САМ ВСЕМУ НАУЧИТЬСЯ. МНЕ НУЖНЫ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. ПОСЛЕДНИЕ.

— Хозяин… но если вы уйдёте, кто будет…

— Я УЖЕ СКАЗАЛ. НОВЫЙ СМЕРТЬ РОДИТСЯ ИЗ ВЕРЫ ЖИВУЩИХ, АЛЬБЕРТ.

— Ага. — Альберту как будто полегчало. — А вы, часом, не знаете, каким Он будет, этот Смерть?

— НЕТ.

— Может, мне стоит, знаете, прибраться тут немного, инвентаризацию провести, всё такое?

— НЕ ПОМЕШАЕТ, — сказал Смерть как можно ласковее. — КОГДА ВСТРЕЧУ НОВОГО СМЕРТЬ, СКАЖУ, ЧТО РЕКОМЕНДУЮ ТЕБЯ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА.

— Ой. А вы его точно встретите?

— О, *ДА*. А ТЕПЕРЬ МНЕ ПОРА.

— Что, уже?

— БЕЗУСЛОВНО. НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ ВРЕМЕНИ! — Смерть поправил седло, обернулся и с гордостью поднёс золотые часы прямо к крючковатому носу Альберта.

— ВИДИШЬ? У МЕНЯ ЕСТЬ ВРЕМЯ. НАКОНЕЦ-ТО У МЕНЯ ЕСТЬ *ВРЕМЯ*!

Альберт испуганно отпрянул.

— Ну, есть оно у вас, и что вы с ним будете делать? — спросил он.

Смерть взобрался на коня.

— Я НАМЕРЕН *ХОРОШО ПРОВЕСТИ* ЕГО.

Вечеринка была в самом разгаре. Транспарант с надписью «Пращай, Ветром — 130 прикрасных лет» слегка увял на жаре. Уже дошло до того, что нечего стало пить, кроме пунша, и нечего есть, кроме странного жёлтого соуса к очень подозрительным начос, — и всё равно никто не расстраивался. Волшебники болтали с преувеличенной весёлостью людей, которые и так обычно видятся целыми днями, а теперь им пришлось видеться ещё и весь вечер.

В центре этого празднества сидел Ветром Сдумс с большим стаканом рома и смешным колпаком на голове. Он был растроган до слёз.

— Настоящая Отходная вечеринка! — всё повторял он про себя. — Таких у нас не было с тех пор,

как Преставился Старый Чессал Подошва. — Он буквально произнёс эти Большие Буквы. — Это было, дай вспомню, в Год Зловещего… э-э-э… Дельфина. Я уж думал, все про них забыли.

— Библиотекарь нам рассказал, как их устраивают, — пояснил Казначей и указал на здоровенного орангутана, который пытался дуть в бумажную гуделку. — И банановую подливу он приготовил. Надеюсь, хоть кто-нибудь её съест.

Он наклонился к столу.

— Положить ещё картофельного салата? — спросил он громко и разборчиво, так говорят с имбецилами и большими чудаками.

Ветром поднёс дрожащую руку к уху.

— Что? Что?

— Ещё! Салата! Ветром?

— Нет, спасибо.

— А может, ещё колбаску?

— Что?

— Колбаску!

— Меня от них потом до утра пучит, — проворчал Ветром. Затем о чём-то вспомнил и взял пять штук.

— Эй, — крикнул ему Казначей, — а ты, случаем, не знаешь точное время, когда…

— Что?

— В какое! Время?

— Полдесятого, — сразу ответил Ветром с набитым ртом.

— Это славно, — сказал Казначей. — Значит, у тебя весь вечер, так сказать, свободен.

Ветром пошарил в зловещих глубинах своей каталки, служившей кладбищем старым подушкам, книгам с заломанными страницами и столетним недососанным леденцам. Оттуда он выхватил книжицу с зелёной обложкой и сунул в руки казначею.

Казначей перевернул книжку. На обложке были слова: «Ветром Сдумс: Ево Днивник». Сегодняшняя дата была отмечена закладкой из корочки от ветчины.

В разделе «Планы» дрожащей рукой было написано: «Умиреть».

Казначей не удержался и перевернул страницу.

Да. Под завтрашней датой было написано: «Планы: Радиться».

Его взгляд невольно скользнул к столику в углу комнаты. Хотя в комнате было весьма людно, вокруг этого столика образовалась пустота, своего рода заповедное пространство, в которое все старались не входить.

На Отходных церемониях соблюдались особые правила для такого столика. Его надо покрыть чёрной тканью, украшенной магическими символами. Поставить тарелку с набором лучших закусок. И бокал вина. После долгих обсуждений, волшебники добавили к этому списку забавный бумажный колпак.

Эти вещи как будто чего-то ждали.

Казначей достал часы и открыл крышку.

Часы были новые, карманные, из тех, что со стрелками. Они показывали четверть десятого. Он тряхнул их. Под числом 12 открылось окошко, крохотный демон высунул голову и сказал:

— Отвянь, начальник! Кручу я педали, куда уж быстрее?

Казначей закрыл часы и отчаянно огляделся вокруг. Больше никто не спешил пообщаться с Ветром Сдумсом поближе. Казначей понял, что именно ему выпала обязанность поддерживать беседу. Он обдумал возможные темы. Все они казались проблемными.

Ветром Сдумс сам пришёл ему на помощь.

— Я подумываю переродиться женщиной, — сказал он как бы между делом.

Казначей открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Жду не дождусь, — продолжил Сдумс. — Ду-

маю, это, м-м-м, будет очень увлекательно.

Казначей судорожно перебирал свой ограниченный набор тем для разговоров о женщинах. Наконец он нагнулся к сморщенному уху Сдумса.

— А разве им не приходится много стирать? — сказал он наугад. — И кровати заправлять, и готовить, и всё такое?

— Нет, *лично я* планирую вести другой, образ жизни, — твёрдо ответил Ветром.

Казначей закрыл рот. Аркканцлер побарабанил по столу ложкой.

— Братья мои, — начал он, когда воцарилось нечто отдалённо похожее на тишину. Ему откликнулся громкий нестройный хор радостных криков. — Как вы все знаете, сегодня мы собрались, чтобы проводить, кхм, в *отставку*, — раздались нервные смешки, — нашего старого товарища и коллегу Ветрома Сдумса. Знаете, гляжу я на старину Сдумса, сидящего перед нами, и мне невольно вспоминается одна история о корове с тремя деревянными ногами. Жила-была, значит, эта корова, и…

Казначей слушал его краем уха. Слыхал он этот анекдот. Аркканцлер не умел их смешно рассказывать, а у казначея совсем другое было на уме.

Он снова и снова глядел на столик.

Казначей был человеком добрым, хоть и нервным, и работу свою любил. Самое главное — ни один другой волшебник не мечтал об этой должности. Многие хотели, например, стать аркканцлером или главой одного из восьми факультетов магии. Но практически никто не хотел всё время проводить в кабинете, перебирая бумажки и считая расходы. Вся бухгалтерия Университета неизбежно копилась в кабинете казначея, а потому он порой ложился спать уставшим, зато спал спокойно. Ему не приходилось проверять, нет ли в его ночнушке внезапных скорпионов.

Убить вышестоящего волшебника — привычный способ делать карьеру в магических орденах. А вот казначея мог попытаться убить разве что тот, кто получал извращённое удовольствие от тщательно выстроенных столбцов цифр. Такие люди редко решаются на убийство[2].

[2] Примечания: 2

Конечно, если они не схватят нож для бумаг и не прорубят себе путь из бухгалтерии в криминальную хронику.

Он вспомнил своё детство, прошедшее давным-давно в Овцепиках. Они с сестрой на каждое Страшдество оставляли Санта-Хрякусу бокал вина и кексик. С тех пор всё изменилось. Тогда он был моложе, многого не знал и, пожалуй, был куда счастливей.

Например, не знал, что однажды станет волшебником и вместе с другими волшебниками будет оставлять бокал вина, кекс, сомнительного вида куриные волованы и смешной бумажный колпак для…

…кое-кого ещё.

Когда он был малышом, они устраивали страшдественские празднования. Они всегда проводились по определённому принципу. Когда всех детей уже начинало мутить от веселья, кто-то из взрослых должен был лукаво сказать: «Кажется, у нас скоро будет особенный гость!». И как нарочно в ту же минуту за окном раздавался звон колокольчиков на кабанах, и в дом входил…

…В дом входил…

Казначей тряхнул головой. Чей-нибудь дед с накладными усами входил, конечно. Старый весельчак с мешком игрушек, стряхивающий снег с башмаков. Тот, кто *дарил* тебе что-то.

А вот *сегодня*…

Конечно, старый Ветром Сдумс наверняка воспринимал это иначе. Он прожил сто тридцать лет, и смерть его скорее привлекала. Ему наверняка уже не терпелось узнать, что там дальше.

Аркканцлер кое-как дорассказал анекдот до скомканного финала. Слушавшие его волшебники вежливо посмеялись, а затем попытались понять, над чем именно.

Казначей украдкой поглядел на часы. Уже двадцать минут десятого.

Ветром Сдумс взял слово. Речь его была долгой и бессвязной: он всё лопотал о старых добрых деньках. Кажется, он возомнил, будто его окружают те, кто помер лет пятьдесят назад. Это никого не обидело — все привыкли пропускать болтовню старины Сдумса мимо ушей.

Казначей уже глаз не мог оторвать от часов.

Из них доносился скрип педалей — демон усердно крутил их навстречу вечности.

Двадцать пять минут десятого.

Казначей пытался представить себе, как это случится. «Кажется, у нас скоро будет особенный гость» — и цокот копыт за окном?

Распахнётся дверь или Он пройдёт прямо сквозь неё? Дурацкий вопрос. Он славится тем, что проникает даже в запертые помещения — особенно в запертые, если подумать логически. Запрись где-нибудь без еды и воздуха — и Он себя ждать не заставит.

Но всё же казначей надеялся, что Он войдёт в дверь как подобает. Нервы и так на пределе.

Разговоры постепенно стихали. Казначей заметил, что некоторые другие волшебники тоже поглядывают на дверь.

Ветром оказался в центре круга, который как бы невзначай расширялся. Никто его специально не избегал, просто случайное броуновское движение относило всех прочь.

Волшебники способны видеть Смерть. А когда умирает волшебник, Смерть лично приходит забрать его на Тот Свет. Казначей задумался, привилегия это или…

— Не понимаю, на что вы все уставились, — весело заявил Сдумс.

Казначей открыл часы.

Окошко под цифрой 12 распахнулось.

— Может, хватит меня уже трясти? — пропищал демон. — Я со счёта сбиваюсь.

— Прости, — шепнул казначей. На часах было девять двадцать девять.

Аркканцлер шагнул вперёд.

— Что ж, прощай, Ветром, — сказал он, пожимая руку старика, пожелтевшую и высохшую, как пергамент. — Университет без тебя уже не будет прежним.

— Даже не знаю, как мы справимся, — с благодарностью добавил казначей.

— Удачи тебе в следующей жизни, — сказал декан. — Заглядывай, если будешь мимо проходить и вдруг вспомнишь, кем был прежде.

— Не забывай нас, слышишь?! — воскликнул аркканцлер.

Ветром Сдумс растроганно кивнул. Он плохо слышал, что ему говорят, так что кивал просто на всякий случай.

Все волшебники как один повернулись к двери.

Окошко под цифрой 12 снова распахнулось.

— Дин-дон, дин-дон, — сказал демон. — Динги-донги дин-дин.

— Что? — встрепенулся казначей.

— Полдевятого, — пояснил демон.

Волшебники повернулись к Ветром Сдумсу. В их глазах читалось осуждение.

— На что это вы смотрите? — спросил он.

Длинная стрелка часов со скрипом сдвинулась.

— Как чувствуешь себя? — громко спросил декан.

— Как никогда лучше, — ответил Ветром. — А кстати, ром ещё остался?

Волшебное сообщество молча наблюдало, как он наливает себе изрядную порцию в бокал.

— Ты смотри, не переборщи с этим, — нервно сказал декан.

— Ваше здоровье! — ответил Ветром Сдумс.

Аркканцлер побарабанил пальцами по столу.

— Господин Сдумс, — сказал он, — а вы *ничего* не забыли?

— А можно ещё вот этих, как их, тортилл? — Ветром не слушал его. — Конечно, я такое за настоящую еду не считаю, это ж просто печеньки, которые окунаешь в жижу, ничего такого. Чего бы я сейчас и правда поел, так это знаменитых мясных пирожков господина Достабля…

И тут он умер.

Аркканцлер оглядел товарищей-волшебников, на цыпочках подошёл к каталке и приподнял жилистую, извитую венами руку Сдумса, проверить

пульс. Покачал головой.

— Вот так и я хотел бы умереть, — сказал декан.

— Как? Бормоча что-то о пирожках? — спросил казначей.

— Нет. С опозданием.

— Погодите-ка. Погодите, — сказал аркканцлер. — Это, знаете ли, непорядок. По традиции, когда волшебник умирает, Смерть *лично* должен явиться на…

— Может, он занят, — поспешно вставил казначей.

— Верно-верно, — подхватил декан. — Я слыхал, в Щеботане сейчас лютует эпидемия птичьего гриппа.

— А ещё буря была прошлой ночью. Наверняка много кораблекрушений, — добавил преподаватель современного руносложения.

— И кстати, сейчас же весна, а по весне в горах сходит много лавин.

— И чума ещё.

Аркканцлер задумчиво погладил бороду.

— Хм-м, — сказал он.

Из всех созданий в мире только тролли верят, что всё живое движется сквозь время, повернувшись задом. Если прошлое нам видно, а будущее скрыто, говорят они, значит, глаза у нас не в ту сторону. Всё живое летит по жизни вперёд затылком. Идея очень интересная, особенно учитывая, что додумался до неё народ, большую часть жизни занимающийся тем, что колотит друг друга камнями по голове.

Но задом там или передом, а у всех живых существ есть своё Время.

Смерть скакал галопом вниз сквозь грозовые облака.

Теперь у него тоже было своё Время.

Время его жизни.

Ветром Сдумс вгляделся в темноту.

— Здрасти? — сказал он. — Здрасти! Есть тут кто? Ау?

Вдали раздался одинокий шелест, словно порыв ветра в конце тоннеля.

— Выходи, выходи, не стесняйся, — сказал Ветром, его голос дрожал весёлым безумием. — Не волнуйся, я не против, даже заждался, по правде сказать.

Он хлопнул в призрачные ладоши и потёр их с наигранным энтузиазмом.

— Давай, пошевеливайся. Тут кое-кому пора в следующую жизнь, — сказал он.

Темнота оставалась безмолвной. Ни тени, ни звука. Пустота без формы. Лишь дух Ветрома Сдумса двигался во мраке.

— Божечки-кошечки, — пробормотал он, качая головой. — Так точно не должно быть.

Он повисел там немного, а потом, раз уж ничего другого не оставалось, полетел домой — в тот

единственный дом, что прежде знал.

Дом, в котором он прожил сто тридцать лет. Дома его не ждали и встретили отчаянным сопротивлением. Нужно быть или очень упорным, или очень могущественным, чтобы побороть такое, но Ветром Сдумс как-никак пробыл волшебником более столетия. К тому же куда проще взламывать собственный дом, старый и знакомый, в котором прожил много лет. Метафорически говоря, всегда знаешь, где окно не закрыто.

Короче, Ветром Сдумс вернулся в Ветрома Сдумса.

Волшебники не верят в богов — так же как простые люди не считают нужным верить, например, в столы. Нет, люди знают, что столы существуют, что у них есть предназначение, пожалуй, даже согласны, что столам уделено особое место в упорядоченной вселенной. Но они не видят смысла *верить* в них и говорить что-то

вроде «О, великий стол, без коего все мы ничто». Так же и с богами: они либо есть, независимо от веры, либо существуют как производная веры. В обоих случаях можно просто игнорировать их, как и столы — можно же есть сидя на диване.

И всё же в главном зале Университета есть часовня. Хотя волшебники и согласны с вышеописанной философией, успешным волшебником не станешь, если вечно тыкать богам фигу в нос — пусть даже этот нос эфирный и существует лишь метафорически. Волшебники не верят в богов, но отлично знают, что *сами боги* в себя верят.

Теперь в этой часовне лежало тело Ветрома Сдумса. Тело должно было пролежать на одре двадцать четыре часа до похорон. В Университете ввели такую процедуру тридцать лет назад после инцидента с Приссалем Театором по кличке «Мастер розыгрышей».

Тело Ветрома Сдумса открыло глаза. Две монетки с его век упали со звоном на каменный пол.

Руки, скрещённые на груди, разжались.

Ветром поднял голову. Какой-то болван положил ему лилию на живот.

Глаза метнулись туда-сюда. По обе стороны от головы стояло по свече.

Он приподнял голову посильней.

В ногах тоже было две свечи.

Спасибо старине Театору, подумал он. *Не то я сейчас разглядывал бы крышку дешёвого соснового гроба изнутри.*

Забавно, подумал он. *Я думаю. Причём связно.*

Ого.

Ветром снова откинулся на ложе, ощущая, как дух вновь наполняет его тело, словно сверкающий плавленый металл разливается по форме отливки. Раскалённые добела мысли проносились во мраке его мозга, вновь разжигая обленившиеся нейроны.

При жизни с ним никогда такого не было.

Но он и не мёртв.

Ни жив, ни мёртв.

Приходится не умирать, но и не жить.

Не-жить…

Ой, божечки…

Он вскочил рывком. Мышцы, не работавшие как надо уже лет семьдесят-восемьдесят, врубили полный форсаж. Впервые за всю жизнь — тут он поправил себя: за весь «период существования» — Ветром Сдумс полностью управлял своим телом. И дух Ветрома Сдумса не собирался давать спуску ни единому пучку мышц.

Итак, тело встало. Коленные суставы немного

покочевряжились, но их сопротивление смело порывом силы воли, как комара огнемётом.

Дверь в часовню была заперта. Однако Ветром обнаружил, что даже малейшего нажатия ему достаточно, чтобы вырвать замок из косяка и оставить вмятины от пальцев на металлической ручке.

— Ой, божечки, — повторил он.

Он скомандовал себе шагать в коридор. Судя по звону столовой утвари и шуму голосов вдали, в Университете как раз шла одна из четырёх ежедневных трапез.

Он задумался, вправе ли он тут столоваться, если умер. *Наверное, нет,* подумал он.

Да и способен ли он теперь есть? Дело даже не в том, что голода он не ощущал. Просто… ну, как думать, он разобрался, а за какие нервы дергать, чтобы ходить и двигаться, вообще очевидно. Но как именно устроен желудок?

До Ветрома начало доходить, что человеческим телом управляет не мозг, что бы там этот мозг о себе ни думал. На деле телом управляют десятки сложных автоматических систем, и все они крутятся и тикают с удивительной точностью, которой не замечаешь, пока они не сломаются.

Он устроил себе техосмотр из центра управле-

ния в черепе.

Заглянул в тихую химическую лабораторию печени с таким благоговейным ужасом, с каким простой лодочник взирает на контрольный пульт компьютеризированного супертанкера. Загадки почек тоже требовали от Ветрома мастерства управления. Так, стоп, а что это там пониже, селезёнка? А её как завести?

У него замерло сердце.

Точнее, и не начинало биться.

— Ой, божечки, — пробормотал Ветром и прислонился к стене.

Как им теперь управлять? Он подёргал пару подходящих на вид нервов. Вот так будет систола… диастола… систола… диастола… Ой, а ведь есть ещё лёгкие!

Ветром Сдумс заковылял вперёд, словно жонглёр, вращающий восемнадцать тарелочек на шестах одновременно, словно человек, пытающийся запрограммировать видеомагнитофон по инструкции, переведённой с японского на голландский корейской рисоваркой… короче, словно человек, познавший, что такое истинный самоконтроль.

Волшебники Незримого университета серьёзно относятся к сытным обедам и ужинам. Нельзя требовать от человека основательной волшбы, считали они, без супа, рыбы, птицы, нескольких больших тарелок мяса, пирога-другого, большой порции какой-нибудь нежнятины с кремом, пикантных канапешек, фруктов, орехов и чашечки кофе с кексом толщиной с кирпич. Волшебник не должен быть голодным. А ещё важно питаться регулярно. Считалось, что это приучает к режиму дня.

Казначей, впрочем, был исключением. Ел он мало, а жил на одних нервах. Он нашёл у себя нервное недоедание, потому что каждый раз, глядя в зеркало, видел там толстяка. А именно — аркканцлера, который стоял за спиной и орал на него.

Именно казначею выпала незавидная доля сидеть напротив дверей, когда Ветром Сдумс выбил их внутрь — ему это оказалось проще, чем

вертеть ручки.

Казначей прокусил деревянную ложку.

Волшебники развернулись на скамьях и уставились на новопришедшего.

Ветром Сдумс немного покрутил управление голосовыми связками, губами и языком и наконец произнёс:

— Думаю, спиртное я смогу переварить.

Первым в себя пришёл арккканцлер.

— Ветром! — воскликнул он. — Мы думали, ты помер!

Он и сам понимал, что фраза получилась не фонтан. Людей не кладут на одр в окружении свечей и лилий лишь потому, что у них вроде голова побаливает и им бы прилечь на часик.

Ветром сделал пару шагов. Ближайшие волшебники повалились навзничь, спеша убраться с его пути.

— Я и помер, глупый ты мальчишка, — пробормотал он. — Думаешь, я в таком виде всегда разгуливаю? Чёрта с два! — Он обвёл взглядом волшебное сообщество. — Кстати, кто-нибудь знает, зачем нужна селезёнка?

Он дошёл до стола и умудрился даже сесть.

— Наверное, что-нибудь для пищеварения, — сказал он. — Забавно, всю жизнь ходишь, и эта

штука в тебе тикает, или булькает, или что она там делает, а ты понятия не имеешь, для чего она. Например, лежишь себе в постели ночью и слышишь, как в животе у тебя «бульк-урк-урк». Для *тебя-то* просто бульк, но кто его знает, какие сложные химические реакции там идут…

— Ты что, *нежить*? — Казначей наконец выдавил из себя эти слова.

— Я об этом не *просил*, — проворчал покойный Ветром Сдумс, раздражённо глядя на еду и пытаясь понять, как же, ядрёна кочерыжка, она должна превратиться в клетки Ветрома Сдумса. — Я сюда вернулся только потому, что больше идти некуда. Что, думаешь, мне сюда очень хотелось?

— Но погоди, — сказал аркканцлер, — разве… ну ты знаешь, мрачный парниша с черепом и косой…

— Так и не явился, — отрубил Ветром, изучая ближайшие тарелки. — Поганой оказалась эта не-жизнь.

Волшебники отчаянно жестикулировали у него над головой. Он поднял глаза и поглядел на них.

— И не думайте, что я не вижу эти ваши отчаянные жесты, — сказал он. И с изумлением понял, что это правда. Его глаза последние шестьдесят

лет глядели как сквозь бледную муть, но теперь их пинком заставили работать как лучшую в мире оптику.

По сути, умы волшебников Незримого университета сейчас занимали две вещи.

Большинство волшебников думали вот о чём: *«Какой кошмар, а это точно старый Ветром, он же был таким милым старикашкой, как бы нам от него избавиться? Как нам от него избавиться?»*

А Ветром Сдумс в гудящей и мерцающей кабине мозга размышлял так: *«Так, значит, это правда. После смерти есть жизнь. И она та же самая. Вот уж повезло, называется».*

— Итак, — сказал он, — что вы собираетесь с этим делать?

Прошло пять минут. Полдюжины старейших волшебников разбегались перед арккансцлером, который шагал по промозглому коридору в раз-

вевающейся мантии. Разговор шёл такой:

— Это наверняка Ветром! Оно даже разговаривает как он!

— Это не старина Ветром. Старый Ветром был куда старше!

— Старше? Старше, чем мёртвый?

— Он сказал, что хочет себе обратно спальню, а я не понимаю, с чего бы мне её освобождать…

— Ты видал его глаза? Прямо как буравчики!

— Э-э, что? Хочешь сказать, как тот гном, что заправляет лавкой деликатесов на Тросовой?

— В смысле, они прямо буравят тебя!

— …там отличный вид на сад, я уже свои вещи перенёс, это просто нечестно…

— А такое уже случалось раньше?

— Ну, был случай с Театором…

— Ага, только он на самом деле не умирал, просто красился в зелёный, а потом сбрасывал крышку гроба и кричал: «Сюрприз!»

— У нас тут ещё не бывало *зомби*.

— А он зомби?

— Думаю, да…

— То есть начнёт бить в бубен и плясать мумбо-юмбо всю ночь?

— А зомби этим занимаются?

— Старина Сдумс-то? Не похоже на него. При

жизни он танцы не жаловал…

— Короче, нельзя доверять всем этим богам вуду. Не доверяй богу, который вечно лыбится и носит цилиндр, таков мой девиз.

— …и будь я проклят, если отдам свою спальню какому-то зомби, я *столько лет* её ждал…

— Правда? Чудной девиз.

Ветром Сдумс опять расхаживал в раздумье внутри собственной головы.

Странное дело. С тех пор, как он умер, или стал не-жив, или как это ещё назвать, его ум будто прояснился как никогда прежде.

Управлять собой становилось легче. Дыхание уже давалось практически на автомате, селезёнка вроде бы заработала как надо, чувства пахали на всю мощь. Правда, пищеварение всё ещё оставалось загадкой.

Он поглядел на своё отражение в серебряном блюде.

Всё ещё похож на мертвеца. Лицо бледное, багровые мешки под глазами. Труп. Ходячий и говорящий, но по сути всё же мёртвый. Разве это честно? Разве справедливо? Разве такой должна быть награда за твёрдую веру в реинкарнацию на протяжении почти ста тридцати лет? Возродиться *трупом*?

Неудивительно, что в легендах нежить обычно очень, очень злая.

Вот-вот случится что-то чудесное — если смотреть издали.

Если же смотреть вблизи или со средней дистанции, вот-вот случится что-то ужасное.

Разница — как между прекрасной новой звездой в зимнем небе и, собственно, взрывом сверхновой рядом с вами.

Разница между сиянием утренней росы на паутинке — и тем случаем, если вы муха.

Само по себе такое не должно было случаться

даже за тысячи лет.

А теперь это вот-вот случится.

Это вот-вот случится за заброшенным шкафом в захламлённом подвале в Тенях, старейшем и самом неблагополучном районе Анк-Морпорка.

Плюх.

Мягкий звук, словно первая капля дождя после столетия засухи.

— Может, возьмём чёрного кота и пустим по его гробу?

— У него и гроба-то нет! — взвыл казначей, чей рассудок и раньше-то держался на соплях.

— Ладно, значит, купим ему славный новенький гроб, а затем пустим по нему чёрного кота?

— Нет, это бред. Лучше заставим его перейти воду.

— Что?

— Перейти воду. Нежить этого не может.

Волшебники, столпившиеся в кабинете арк-

канцлера, со всем тщанием и упоением обдумали это заявление.

— Вы уверены? — спросил декан.

— Общеизвестный факт, — отрезал преподаватель современного руносложения.

— При жизни он запросто лужи переходил, — засомневался декан.

— А мёртвым не сможет.

— Правда? Логично.

— Текущую воду, — вдруг добавил преподаватель современного руносложения. — Вроде реки. Извините. Они её перейти не могут.

— Ну, я сам не перейду текущую реку, — заметил декан.

— Ты нежить! Нежить! — Крыша казначея уже держалась на последних гвоздях.

— Ой, хватит его дразнить. — Преподаватель похлопал дрожащего товарища по спине.

— Но я правда не могу, — возразил декан. — Я же утону.

— А нежить не может перейти текущую реку даже по мосту.

— А он пока один такой? У нас же не начнётся целый апокалипсис? — спросил преподаватель.

Аркканцлер побарабанил пальцами по столу.

— Мертвецам нельзя бродить туда-сюда. Это

негигиенично, — сказал он.

Остальные смолкли. Никто из них не смотрел на проблему под таким углом, но Наверн Чудакулли был именно из тех, кто смотрел. Наверн Чудакулли был то ли лучшим, то ли худшим арк-канцлером, какого Незримый университет видал за столетие, — смотря как судить.

Начнём с того, что он занимал слишком много места. Не потому, что был крупным сам по себе, просто его масштабная личность заполняла всё доступное пространство. За ужином он напивался до зелёных чертей и буянил, и по меркам волшебников это было нормальное поведение. Но потом, уйдя в свою спальню, он всю ночь метал дротики в мишень, а в пять утра отправлялся охотиться на уток. Он орал на людей. Он пытался *подбодрить их*. И вместо приличных мантий носил чёрт-те что. Он уговорил мадам Панарицию, завхоза Университета, внушавшую всем ужас, сшить ему своего рода мешковатый брючный костюм в ярко-красных и синих цветах. Дважды в день волшебники потрясённо наблюдали, как он демонстративно бегает вокруг зданий Университета, крепко привязав остроконечную шляпу к голове, и весело окликает их. Дело в том, что мировоззрение таких людей, как Наверн Чудакулли,

зиждется на железобетонной уверенности, что остальным всё это тоже понравится, они просто ещё не пробовали.

— А вдруг он от этого умрёт? — с надеждой перешёптывались они, наблюдая, как он проламывает корочку на реке Анк, чтобы поплавать с утра пораньше. — Этот здоровый образ жизни до добра не доведёт.

По Университету ходили дикие слухи. Говорят, аркканцлер выстоял два раунда в бою на кулаках против Детрита, огромного тролля-вышибалы из «Залатанного барабана». Аркканцлер на спор боролся на руках с библиотекарем — конечно, не выиграл, однако и не остался без руки. Аркканцлер даже собирался устроить в Университете футбольную команду, чтобы выступить на городском турнире на Страшдество.

Своё положение Чудакулли сохранял по двум простым причинам. Первая — если он что решил, то никогда, ни за что не передумывал. Вторая — у него всегда уходило несколько минут на осмысление новых идей, что очень ценный навык для лидера. Ведь если кто-то что-то пытается объяснять вам дольше двух минут, это наверняка важно, а если человек сдался за какую-то минуту, значит, дело и не стоило внимания.

В общем, в Наверне Чудакулли таилось больше, чем способно вместить человеческое тело.

Плюх. Плюх.

В тёмном шкафу в подвале наполнилась уже целая полка.

А вот в Ветроме Сдумсе было ровно столько, сколько может вместиться в то тело, которым он осторожно рулил, двигаясь по коридорам.

Вот уж чего я не ожидал, думал он. *И я этого не заслужил.*

Похоже, где-то случилась ошибка.

Он ощутил сквозняк в лицо и понял, что вышел под открытое небо. Перед ним высились запертые ворота Университета.

Внезапно Ветром Сдумс ощутил приступ клаустрофобии. Много лет он ждал смерти — и вот умер, но всё равно заперт в этом… мавзолее, полном глупых старикашек, и тут ему предстоит провести остаток не-жизни. Что ж, первое, что приходит в голову, — пойти и положить себе достойный конец…

— Вечерочек, господин Сдумс.

Он очень медленно обернулся и увидел невысокую фигуру Модо, садовника-гнома в Университете. Тот сидел в полумраке, покуривая трубочку.

— Ой. Привет, Модо.

— Говорят, вы померли, господин Сдумс.

— Ну… это правда.

— Но, я смотрю, вы поправились.

Сдумс кивнул и в отчаянии оглядел стены. Ворота Университета всегда запирали на закате каждый вечер, запоздавшим студентам и сотрудникам приходилось лазать через стены. Он весьма сомневался, что ему это по силам.

Он сжал и разжал кулаки. Ну, ладно…

— Модо, а есть другой выход отсюда? — спросил он.

— Нету, господин Сдумс.

— Может, стоило бы проделать?

— Вы о чём, господин Сдумс?

Раздался звук жестокого насилия над каменной кладкой, и в стене образовалась дыра примерно в форме Сдумса. Из неё высунулась рука Ветрома и подобрала шляпу.

Модо снова разжёг трубочку. *Чего только не насмотришься на такой работе,* подумал он.

Где-то в переулке, укрывшись от глаз прохожих, покойник по имени Редж Башмак огляделся, достал из кармана кисть и банку краски и начертал на стене слова:

МЫ МЁРТВЫЕ! МЫ НЕ УЙДЁМ!

…и убежал, точнее, очень быстро уковылял прочь.

Арккканцлер открыл окно в ночь.

— Слушайте, — велел он.

Волшебники прислушались.

Залаяла собака. Где-то свистнул вор, ему ответили с соседней крыши. Вдали ссорились супруги — так задорно, что соседи по всей улице открыли окна, слушали и подмечали яркие моменты. Но всё это были лишь отдельные темы в бесконечном гуле большого города. Анк-Морпорк урчал в ночи, продвигаясь к рассвету, словно исполинское живое существо, хотя, конечно, это лишь метафора.

— И что? — спросил главный философ[3]. — Не слышу ничего особенного.

— О том-то и речь. В Анк-Морпорке десятки людей умирают ежедневно. Если бы они начали

---

[3] Примечания: 3

Понятие «философ» в разных учебных заведениях означает разное. Где-то так называют преподавателей натурфилософии, сиречь естествознания, а где-то — мужей, с глубокомысленным видом изрекающих банальности. Главный философ Незримого университета умудрялся сочетать обе трактовки.

оживать, как старина Сдумс, разве мы бы об этом не услышали? Да весь город стоял бы на ушах. На большем количестве ушей, чем обычно, в смысле.

— Хоть *сколько-то* нежити всегда везде найдётся, — неуверенно произнёс декан. — Вампиры, зомби, баньши и всё такое.

— Да, но они *от природы* нежить, — возразил аркканцлер. — Они справляются со своей ролью. Они рождены для этого.

— Нельзя родиться нежитью, — отметил главный философ.

— Я хотел сказать, для них это традиция, — огрызнулся аркканцлер. — В моих родных местах были очень почтенные вампиры. У них в роду это передавалось столетиями.

— Да, но они же кровь пьют, — напомнил главный философ. — Как по мне, звучит не очень почтенно.

— А я читал, что им не обязательно пить саму кровь, — встрял декан, которому не сиделось спокойно. — Только что-то, что содержится в крови. Гемоглобины, как-то так они зовутся.

Прочие волшебники недоумённо уставились на него.

— Честное слово. Гемоглобины, — декан пожал

плечами. — Так и называются. Как-то связано с тем, что у людей есть железо в крови.

— Вот уж дудки, в *моей* крови нет никаких железных гоблинов, — отрезал главный философ.

— Эти хотя бы лучше, чем зомби, — сказал декан. — Гораздо более уважаемые люди. Вампиры не ковыляют всё время там и сям.

— Говорят, люди могут превращаться в зомби, — как бы между делом вставил преподаватель современного руносложения. — Даже магия не нужна. Только печень определённой рыбы и экстракт определённого корня. Одну ложечку примешь, утром просыпаешься — а ты зомби.

— А какой именно рыбы? — уточнил главный философ.

— Мне-то почём знать?

— Тогда откуда это кто-то узнал? — съязвил главный философ. — Что, кто-то проснулся однажды утром и такой: о, идея, превращу кого-нибудь в зомби? Только надо поймать одну редкую рыбу и откопать корень, главное — угадать какой. Представляете, сколько вариантов пришлось бы перепробовать? Номер девяносто четыре: печень краснопёрки и корень крассавы… не сработало. Номер девяносто пять: печень рыбы-ежа и корень дум-дум… провал. Номер девяносто шесть…

— Что ты там несёшь? — перебил арккансцлер.

— Просто указываю, сколь маловероятно по сути…

— Заткнись уже, — небрежно отмахнулся арккансцлер. — Я думаю… думаю… слушайте, смерть же никуда не девается, да? Смерть должна случаться. В этом смысл житья. Живёшь-живёшь себе, а потом помираешь. Не может же смерть взять и прекратиться.

— Но за Сдумсом Смерть не пришёл, — напомнил декан.

— Смерть то и дело происходит. — Чудакулли его не слушал. — Всё и все рано или поздно умирают. Даже овощи.

— Не слышал, чтобы Смерть приходил за картошкой, — усомнился декан.

— Смерть приходит ко всем, — отрезал арккансцлер.

Волшебники многозначительно кивнули.

После паузы главный философ заявил:

— А знаете, я как-то читал, что все атомы нашего тела меняются каждые семь лет! Новые атомы то и дело присоединяются, а старые отлетают. Это постоянно происходит. Чудеса, да и только.

Философ обладал талантом влиять на беседу примерно так, как густая патока — на шестерни

хронометра.

— Ага, а что со старыми происходит? — неожиданно даже для себя заинтересовался Чудакулли.

— Без понятия. Наверное, просто летают в воздухе, пока к чему-нибудь ещё не прилепятся.

Аркканцлера это будто бы оскорбило.

— Что, даже у волшебников?

— Ну да. Конечно. У всех. Это одно из чудес природы.

— Да ну? А по мне, звучит негигиенично, — проворчал аркканцлер.

— И никак нельзя это предотвратить?

— Боюсь, никак, — неуверенно ответил главный философ. — Не думаю, что можно предотвратить чудеса природы.

— Но это значит, что всё сделано из… всего остального! — сказал Чудакулли.

— Верно. Разве не *чудесно*?

— Противно это, вот что, — отрезал Чудакулли. — Ладно, так я хотел сказать… сказать я хотел… — Он умолк, пытаясь вспомнить. — Ага. Нельзя отменить смерть, вот что. Смерть не может умереть. Это как если бы скорпион сам себя ужалил.

— По правде говоря, — вставил главный философ, у которого всегда имелось наготове по

ценному факту, — скорпион *может* себя…

— Заткнись, — перебил аркканцлер.

— Но нельзя же, чтобы по округе слонялся неупокоенный волшебник, — сказал декан. — Кто знает, во что он вляпается. Надо как-то… остановить его. Ради его же блага.

— Верно, — согласился Чудакулли. — Ради его же блага. Вряд ли это будет трудно. Наверняка есть десятки способов борьбы с нежитью.

— Чеснок, — сухо вставил главный философ. — Нежить не выносит чеснок.

— Можно понять. Сам его ненавижу, — добавил декан.

— Он нежить! Нежить! — возопил казначей, обвиняюще указуя перстом на коллегу. Его никто не слушал.

— Да, а ещё всяческие святыни, — продолжил главный философ. — Типичная нежить рассыпается в прах при одном их виде. Ещё они не терпят солнечного света. А если совсем туго приходится, надо похоронить нежить на перекрёстке дорог. Это прямо вернейший метод. А ещё пронзить колом, чтобы точно больше не встала.

— С чесноком на колу, — добавил казначей.

— А что, почему нет. Думаю, можно и чеснока на колу добавить, — неуверенно согласился глав-

ный философ.

— Кто же кладёт чеснок в колу? — возмутился декан. — Там сахар должен быть!

— По мне, вместо сахара лучше ваниль, — охотно добавил преподаватель современного руносложения.

— Заткнулись все! — воскликнул аркканцлер.

Плюх.

Дверцы шкафа наконец не выдержали, и его содержимое хлынуло в погреб.

Сержант анк-морпоркской Городской Стражи

Колон стоял в карауле. Он охранял Бронзовый мост, основную артерию, соединяющую Анк и Морпорк. Чтобы не украли.

В деле предупреждения преступлений сержант Колон предпочитал мыслить масштабно. Традиционная точка зрения гласила, что блюститель закона в Анк-Морпорке может заслужить признание, патрулируя улицы и переулки, подкупая стукачей, преследуя подозреваемых и всё такое.

Сержант Колон был оппонентом этой философии. *Не потому*, спешил добавить он, что бороться с преступностью Анк-Морпорка — всё равно, что бороться с солёностью моря, а единственное признание, на которое может рассчитывать честный блюститель закона, — это опознание: «Глянь, тот труп в канаве, это часом не старина Колон?» Нет, дело в том, что современный, прогрессивный страж порядка должен всегда оставаться на шаг впереди современного преступника. Однажды кто-нибудь непременно попытается похитить Бронзовый мост, а сержант Колон будет тут как тут, подкарауливая вора.

А пока у него было тихое местечко, укрытое от ветра, где можно отдохнуть, покурить и ничто тебя не побеспокоит.

Он облокотился на парапет, рассуждая о смыс-

ле жизни.

Из тумана вышла, ковыляя, фигура. Сержант Колон заметил на ней остроконечную шляпу волшебника.

— Добрый вечер, офицер, — прокряхтел носитель шляпы.

— Доброе утро, вашесть.

— Не будете ли вы столь любезны подсадить меня на парапет?

Сержант Колон засомневался. Но всё-таки этот дед — волшебник. А если отказывать в помощи волшебникам, могут быть серьёзные неприятности.

— Испытываете новую магию, вашесть? — радостно спросил он, подсаживая тощее, но на удивление тяжёлое тело на ветхое каменное ограждение.

— Нет.

Ветром Сдумс шагнул с моста. Раздался звук «чавк»[4].

Сержант Колон поглядел вниз, как медленно затягиваются воды Анка.

---

[4] Примечания: 4

Это правда, что нежить не может перейти текущую воду. Однако река Анк, и без того мутная от грязи с равнин, после протекания через город (с миллионным населением) уже не вполне подпадает под определение «текущей», да и «воды», честно говоря.

«Ох уж эти волшебники. Чего только не выдумают».

Он продолжил наблюдать за рекой. Через несколько минут в жиже и мусоре у подножия одной из опор моста, возле лестницы, спускающейся к воде, возникло движение.

Из-под поверхности показалась остроконечная шляпа.

Сержант Колон услышал, как волшебник медленно топает по ступеням, вполголоса ругаясь.

Наконец Ветром Сдумс снова взобрался на мост. Он промок до костей.

— Вам бы пойти переодеться, — предложил сержант Колон. — В таком виде можно до смерти замёрзнуть.

— Ха!

— Посушите ноги у камина, я так обычно делаю.

— Ха!

Сержант Колон оглядел Ветрома Сдумса, стоящего в своей персональной луже.

— Пробуете какую-то особую подводную магию, вашесть? — предположил он.

— Не совсем, офицер.

— Всегда хотел узнать, каково там, под водой, — развил тему Колон. — Все эти тайны глубин,

удивительные и чудесные создания… мамочка мне когда-то рассказывала сказку про мальчика, который превратился в русалочку, то есть в *русальчика*, и про его приключения на дне…

Его голос иссяк под ужасающим взором Ветрома Сдумса.

— Там скучно, — сказал Ветром. Он повернулся и заковылял прочь в туман. — Очень-очень скучно. Ужасно скучно.

Сержант Колон остался один. Дрожащей рукой он закурил новую сигарету и поспешил в сторону участка Стражи.

— Ну и лицо, — бормотал он под нос. — А глаза… прямо как эти… как их… ну как тот чёртов гном из лавки деликатесов на Тросовой…

— Сержант!

Колон застыл. Затем опустил глаза. С уровня земли на него смотрело лицо. Взяв себя в руки, он распознал носатую физиономию Себя-Без-Ножа-Режу Достабля, ходячего живого аргумента в пользу гипотезы, что человечество произошло от грызунов. С.Б.Н.Р. Достабль называл себя купцом-приключенцем; все остальные называли его бродячим торговцем, чьи способы заработка неизменно отличал небольшой, но роковой недостаток. Например, он продавал вещи, ко-

торые ему не принадлежали, или не работали, или, в некоторых случаях, вообще не существовали. Говорят, золото фей исчезает поутру, но по сравнению с товарами Достабля это просто железобетонное вложение.

— Привет, Достабль.

— Ты не мог бы спуститься сюда на минутку, Фред? Мне тут нужна помощь закона.

— Какие-то проблемы, Достабль?

Достабль почесал нос.

— Слушай, Фред… Если тебе что-то подсунули, это преступление? В смысле, если ты об этом не знал?

— А тебе кто-то что-то подсунул, Достабль?

Тот кивнул:

— Бес его поймёт. Ты же знаешь, я тут, внизу, товары храню, — сказал он.

— Знаю.

— Так вот, понимаешь, я тут спустился переучёт сделать, и… — Он беспомощно махнул рукой. — Короче… сам посмотри…

Он открыл дверь погреба.

В темноте что-то издало «*плюх*».

Ветром Сдумс бесцельно ковылял по тёмному переулку в Тенях, вытянув перед собой руки и свесив кисти. Он не знал зачем. Ему просто казалось, что именно так и надо.

Спрыгнуть с крыши? Нет, без толку. Ходить и так трудно, а со сломанными ногами проще не станет. Яд? Он представил, какая его ждёт боль в животе. Петля? Висеть наверняка будет ещё скучней, чем сидеть на дне реки.

Наконец он дошёл до зловонного двора, на котором пересекались несколько переулков. Крысы разбегались от него. Кошка взвыла и ускакала на крышу.

Он стоял, размышляя, где он, почему он тут и что будет дальше, как вдруг ощутил острие ножа у своего хребта.

— Лады, папаша, — сказал ему чей-то голос сзади, — кошелёк или жизнь.

Губы Ветрома Сдумса сложились во мраке в зловещую ухмылку.

— Я тут не в игрушки играю, старик! — напомнил голос.

— Вы из Гильдии Воров? — уточнил Ветром, не оборачиваясь.

— Не, мы… типа, самозанятые. Ладно, покажика, какого цвета твои денежки.

— А у меня их нету, — ответил Ветром и обернулся. Позади стояли два грабителя.

— Боги мне в ноги, глянь на его глаза, — сказал один из них.

Ветром поднял руки над головой.

— У-у-у-у-у, — провыл он.

Грабители отпрянули. К сожалению, позади них оказалась стена. Они прижались к ней спинами.

— У-у-у-У-У-У-у-у-у-би-ра-а-ай-те-есь-у-у-у-У-У-У, — продолжил Сдумс, не понимая, что их единственный путь к побегу лежит сквозь него. Глаза он закатил для пущей жути.

Обезумев от ужаса, незадачливые головорезы нырнули ему под руки, но на бегу один из них всадил Ветрому нож по рукоять в выпяченную грудь.

Тот опустил глаза.

— Эй! Это была моя лучшая мантия! — воскликнул он. — Я хотел в ней похорониться, а теперь

только поглядите! Вы хоть представляете, как трудно штопать шёлк? А ну, вернитесь и поглядите, на самом видном месте…

Он прислушался. Ни звука, только вдалеке стук поспешно удаляющихся шагов.

Ветром Сдумс извлёк нож.

— Эдак и убить можно, — пробормотал он, отбрасывая оружие.

Спустившись в погреб, сержант Колон поднял один из предметов, валявшихся на полу огромными кучами.

— Их тут, похоже, тысячи, — сказал Достабль из-за его спины. — Я понятия не имею, кто их

сюда засунул[5].

Сержант Колон всё вертел и вертел находку в руках.

— Никогда таких не видел, — сказал он и потряс эту штуку. Его лицо посветлело: — А красивенькие, правда?

— Дверь была заперта и всё такое, — продолжил Достабль. — И перед Гильдией Воров у меня долгов нет.

Колон снова потряс штучку.

— Миленько, — сказал он.

— Фред?

Заворожённый Колон наблюдал, как крохотные снежинки падают внутри стеклянного шарика.

— М-м-м?

— Что мне с ними *делать*?

— Чёрт разберёт. Полагаю, Достабль, они твои. Не пойму, правда, с чего бы кто-то решил от такой прелести избавиться.

---

[5] Примечания: 5

На Плоском мире совершаются, хоть и редко, антипреступления — в строгом соответствии с законом бытия, по которому у всего во вселенной должна быть противоположность. Конечно, просто дать кому-то что-то — это не антиограбление. Чтобы считаться антипреступлением, деяние должно быть сопряжено с оскорблением и/или унижением жертвы. Среди примеров — украшение дома со взломом, непристойное деловое предложение (например, от пенсионного фонда) и антишантаж (например, угроза раскрыть врагам добрые дела мафиози, вроде благотворительных пожертвований). По понятным причинам антипреступления не снискали популярности.

Он повернулся к двери. Достабль заслонил ему путь.

— Тогда с тебя двенадцать пенсов, — ласково сказал он.

— Чего?

— За тот, что ты сунул в карман, Фред.

Колон выудил шарик из кармана.

— Да *ладно*! — возмутился он. — Ты ж их просто нашёл! Тебе они не стоили ни пенни!

— Да, но стоимость хранения… упаковки… обслуживания…

— Два пенса, — простонал Колон.

— Десять.

— Три.

— Семь, и учти, это я себя без ножа режу.

— Идёт, — неохотно согласился сержант. Он встряхнул шарик ещё раз. — Миленько, правда? — сказал он.

— Стоит каждого пенни, — признал Достабль и радостно потёр руки. — Разлетятся как горячие пирожки, — продолжил он, подобрал горсть шариков и сложил в ящик.

Когда они вышли, он запер дверь за собой.

В темноте что-то издало «*плюх*».

В Анк-Морпорке традиционно рады представителям любых рас, видов и цветов кожи, если у них есть лишние деньги и обратный билет.

Согласно знаменитому изданию Гильдии купцов «Бобро поржаловать в Анк-Морпорг, город тыщи сурпризов», «гастям обиспечен тёплый преём в бестчисленных гостинницах и ночлешках Древнево Города, где издовна удавлетворяют изыстканные вкусы гастей. Так шо, будь вы чел, троль, гном, гоблин али лепреконн, Аннк-Морпорг подымит за вас бокал и скажет: „Выпьем за твоё здаровье! И за твой счёт!“».

Ветром Сдумс не знал, куда нежить ходит развлекаться. Он только знал, зато наверняка, что, если они вообще где-нибудь развлекаются, в Анк-Морпорке такое место точно есть.

Он с трудом шагал глубже в Тени. Только шаг становился всё легче.

Более столетия Ветром Сдумс прожил в стенах Незримого университета. С точки зрения про-

житых лет это долго. С точки зрения житейского опыта ему было лет тринадцать.

Он видел, слышал и чуял то, чего прежде и представить не мог.

Тени были старейшей частью города. Если сделать своего рода рельефную карту грехов, коварства и полной аморальности, примерно как изображают гравитационное поле вокруг чёрных дыр, то даже на фоне Анк-Морпорка Тени придётся рисовать как шахту. Говоря прямо, Тени очень напоминали вышеупомянутый астрономический феномен: обладали мощным притяжением, не выпускали никакой свет и поистине могли стать для вас воротами в иной мир. В загробный.

Тени были городом в городе.

Улицы кишели народом. Молчаливые фигуры шныряли тут и там по своим делишкам. Из ветхих подъездов доносилась странная музыка. А ещё острые и интересные запахи.

Сдумс шёл мимо гоблинских кулинарных лавок и гномьих баров, откуда доносились звуки песен и драк — гномы по традиции совмещали одно с другим. А вот и тролли, они шагали сквозь толпу как… как высокие люди среди низких. Впрочем, эти были не такие неуклюжие.

Ветром до сих пор видел троллей только в бо-

лее респектабельных районах города[6], где они ходили с особой осторожностью, чтобы случайно никого не пристукнуть и не съесть. А в тенях они широко шагали, ничего не боясь, и держали головы гордо, чуть ли не выше плеч. Ветром Сдумс брёл в толпе, бесцельно шарахаясь, словно шарик в пинболе. То волна дыма и шума из бара отбросит его обратно на улицу, то неприметная дверь посулит странные и запретные наслаждения и поманит его, как магнит. В жизни Ветрома Сдумса маловато случалось даже обычных и разрешённых наслаждений. Он не был толком уверен, что это вообще такое. У одной двери под розовым фонарём висели такие картинки, что он совсем озадачился, но воспылал удивительной жаждой познания.

Он вертелся туда и сюда в радостном потрясении. Что за место! И ведь каких-то десять минут ходьбы — или пятнадцать минут ковыляния — от Университета! А он даже не подозревал о нём! Что за народ! Что за шум! Что за *жизнь*!

Несколько прохожих разных форм и национальностей натолкнулись на него. Кто-то из них открыл было рот, но тут же захлопнул и поспе-

---

[6] Примечания: 6
То есть в любом районе, кроме Теней.

шил прочь.

…Ну и глаза, думали они. *Как буравчики!*

А затем из тени раздался голос:

— Привет, здоровяк! Хочешь хорошо провести время?

— О, *да*! — воскликнул заворожённый Ветром Сдумс. — О, да! Да!

Он обернулся.

— Чёрт побери! — Раздался звук, будто кто-то убегал по переулку.

Ветром понурился.

Жизнь явно предназначалась только для живых. Похоже, вся эта затея с возвращением в тело оказалась ошибкой. Глупо было и думать иначе.

Он развернулся и пошёл обратно в Университет, даже не утруждая своё сердце биться.

Ветром проковылял по двору в Главный зал. Аркканцлер уже знал, что делать…

— Вот он!

— Попался!

— Держи!

Поток сознания Сдумса упёрся в плотину. Он огляделся и увидел пять раскрасневшихся, тревожных, а главное, знакомых лиц.

— Ой, привет, декан, — сказал он хмуро. — А это у нас кто, главный философ? Ой, и аркканцлер, какая…

— Хватай его за руку!

— В глаза не гляди!

— За другую руку держи!

— Это для твоего же блага, Сдумс!

— Он не Сдумс! Он тварь из мрака ночи!

— Уверяю вас…

— Ноги держите?

— Хватай за ногу!

— За другую тоже!

— Ну что, все всё схватили? — рявкнул аркканцлер.

Волшебники закивали.

Наверн Чудакулли покопался в бескрайних глубинах своей мантии.

— Итак, бес в человечьем обличье, — прорычал он, — что ты думаешь об этом? А-га!

Ветром прищурился, разглядывая вещицу, которой аркканцлер торжествующе тыкал ему

в нос.

— Ну, я… эм-м… — промямлил он. — Скажу… эм-м… что… да… хм-м… да, запах весьма и весьма узнаваемый, правда… да, определённо. Allium sativium, он же чеснок обыкновенный. Я угадал?

Волшебники поглядели на него. Затем на белый зубчик. Затем снова на Ветрома.

— Я угадал, верно? — сказал он и попытался улыбнуться.

— Ну… — протянул аркканцлер. — Да. Да, ты угадал. — Чудакулли огляделся, думая, что добавить. — Молодец, — сказал он.

— Отличная загадка, — сказал Ветром. — Мне правда понравилось. — Он шагнул вперёд. Волшебники пытались удержать его — но с тем же успехом можно пытаться сдержать ледник.

— А теперь мне надо прилечь, — сказал он. — День был долгим.

Он проковылял вглубь здания, со скрипом прошёл по коридорам и добрался до своей комнаты. Кто-то уже, похоже, въехал в неё со своими вещами, но Сдумс решил эту проблему, просто схватив их в охапку и вышвырнув в коридор.

Затем он улёгся на кровать.

Спать… что ж, он устал. Неплохо для начала. Но чтобы спать, надо было перестать контроли-

ровать себя, а он ещё не был уверен, что всё в организме работает как надо.

По правде говоря, а нужно ли ему вообще спать? Он мёртв, в конце концов. А это всё равно, что спать, только поглубже. Говорят, смерть похожа на сон, вот только у тебя что-нибудь может сгнить и отвалиться, если не следить за телом.

Чем там полагается заниматься во сне? Видеть сны… во снах вроде бы упорядочиваются воспоминания? С чего начать?

Он уставился в потолок.

— Никогда не думал, что быть мёртвым так утомительно, — сказал он вслух.

Через некоторое время слабый, но назойливый скрип вынудил его обернуться.

Над камином висел узорный канделябр, прикованный к кольцу в стене. Сдумс так привык к этому предмету обстановки, что не разглядывал его уже пятьдесят лет.

А теперь он отвинчивался. Он медленно поворачивался вокруг своей оси, издавая скрип при каждом обороте. После полудюжины оборотов он вывалился и с лязгом упал на пол.

Необъяснимые феномены сами по себе не ред-

кость в Плоском мире[7]. Но как правило, в них чуть больше смысла или они поинтереснее.

Всё остальное как будто не двигалось. Ветром расслабился и вернулся к перебиранию воспоминаний. В них оказалось много такого, о чём он ранее абсолютно забыл.

Снаружи коротко пошептались, а затем дверь распахнулась…

— Хватай за ноги! За ноги хватай!

— Держите его руки!

Ветром попытался сесть.

— Ой, привет, народ, — сказал он. — В чём дело?

Аркканцлер встал в ногах его кровати, поковырялся в мешочке и достал крупный тяжёлый предмет. Поднял его на весу.

— А-*га*! — воскликнул он.

Ветром пригляделся.

— И что? — уточнил он.

— А-*га*… — повторил аркканцлер, уже не столь уверенно.

— Это… обоюдоострый топорик, символ культа

---

[7] Примечания: 7

Например, в маленькой, удалённой от морей деревеньке Сосновые Комоды так часто случались дожди из рыбы, что тут расцвели промыслы копчения, потрошения и консервирования. А в горах Сиррита овец, оставленных ночью на пастбище, поутру обнаруживают стоящими *в другую сторону*, безо всякого видимого вмешательства человека.

Слепого Ио, — вспомнил Ветром.

Аркканцлер недоумённо поглядел на него.

— Ну да, — сказал он, — угадал. — Он бросил символ через плечо, чуть не отрубив при этом ухо декану, и снова порылся в мешке.

— А-*га*!

— Отличный образец Мистического Зуба Оффлера, бога-крокодила, — ответил Сдумс.

— А-*га*!

— А это… дайте погляжу поближе… точно, это пара священных Летящих Уток Ордпора Безвкусного. Слушайте, а это весело!

— А-*га*…

— А это… нет, не подсказывайте, не подсказывайте… священный *лин-лон* зловещего культа Сутти, угадал?

— А-*га*?

— Кажется, одна из трёхглавых рыб Очуднозем-ского культа трёхглавых рыб.

— Мы выглядим как полные *чудаки*, — вздохнул аркканцлер и отбросил рыбу.

Волшебники поникли. Оказалось, что святыни не так уж надёжно защищали от нежити.

— Простите, если разочаровал, — сказал Ветром.

Декана вдруг осенило.

— Солнечный свет! — воскликнул он. — Это сработает!

— Хватай штору!

— Вторую тоже!

— Раз, два, три… давай!

Ветром Сдумс заморгал, когда комнату залило солнце.

Волшебники затаили дыхание.

— Извините, — сказал он. — Похоже, и это не сработало.

Они снова поникли.

— Ты совсем *ничего* не чувствуешь? — спросил Чудакулли.

— Не тянет, например, обратиться в прах и развеяться по ветру? — уточнил с надеждой главный философ.

— Ну, когда я долго загораю, у меня нос шелушится, — сказал Ветром. — Даже не знаю, считается это или нет. — Он попытался улыбнуться.

Волшебники переглянулись и пожали плечами.

— На выход, — скомандовал аркканцлер. Толпа поспешила наружу, Чудакулли за ней. В дверях он остановился и погрозил Ветрому пальцем.

— Подобное упрямство, Сдумс, тебе *даром* не

пройдёт, — сказал он и захлопнул за собой дверь.

Через несколько мгновений четыре болта, на которых держалась ручка двери, очень медленно открутились. Затем они взлетели под потолок, покружили там по орбите какое-то время и упали.

Ветром поразмыслил об этом.

Воспоминаний у него было полным-полно. Сто тридцать лет одних воспоминаний. При жизни он не мог вспомнить даже сотую долю из них, но теперь, после смерти, его стройную, сияющую нить мыслей ничто больше не захламляло, и он обнаружил, что всё это ещё при нём. Всё, что он когда-либо читал, видел, слышал. Всё было тут, разложено по полочкам. Ничто не забыто. Всё на местах.

Три необъяснимых феномена за сутки. Четыре, если считать его собственную не-жизнь. Вот это поистине необъяснимо.

Это требовало объяснения.

Но это больше не его проблема. Всё на свете больше не его проблема.

Волшебники сгрудились за дверью спальни Сдумса.

— Всё принесли? — спросил Чудакулли.

— Почему обслуга не может этим заняться? — проворчал главный философ. — Это недостойно нас.

— Потому что я желаю, чтобы всё было сделано с достоинством, — огрызнулся аркканцлер. — Если надо похоронить волшебника на перекрёстке дорог, вбив ему в грудь кол, пусть его хоронят волшебники. В конце концов, мы его друзья.

— Кстати, это что за штука? — спросил декан, изучая прибор в своих руках.

— Это называется «лопата», — пояснил главный философ. — Я такие видел у садовников. Острым концом тыкаешь в землю, а дальше дело техники.

Чудакулли, прищурившись, глянул в замочную скважину.

— Опять лежит, — сказал он. Затем встал, стрях-

нул пыль с колен и взялся за ручку. — Ладно. По моему сигналу. Раз… два…

Садовник Модо катил полную тачку срезанных веток к костру позади здания Факультета Высокоэнергетической магии. Мимо него прошло полдюжины волшебников — по меркам волшебников, практически пробежало. На руках они несли Ветрома Сдумса.

Модо услышал, как тот спрашивает:

— Минуточку, аркканцлер, а это *точно* сработает?..

— Всё это ради твоего же блага, — ответил Чудакулли.

— Конечно, но…

— Скоро ты снова станешь прежним, — добавил казначей.

— Нет, не станет, — шикнул декан. — В том-то и суть!

— Скоро ты перестанешь быть прежним, в этом и суть, — промямлил казначей, и они завернули за угол.

Модо снова взялся за ручки тачки и задумчиво покатил её в ту уединённую часть сада, где обычно жёг костёр, сваливал компост и сухие листья и сидел в сарае во время дождя.

Когда-то он был младшим садовником при

дворце, но тут работа оказалась намного интересней. Позволяла повидать жизнь.

Общество Анк-Морпорка живёт улицами. На них всегда что-нибудь интересное да происходит. Вот сейчас, например, возница двуколки, везущей фрукты, поднял декана на три вершка в воздух за шиворот мантии и угрожал пробить деканом лицом его же спину.

— У меня персики, ясно? — вопил он. — А знаешь, что бывает с персиками, если они залежатся? Они *мнутся*. Щас и вам тут чё-нибудь помнём!

— Я, знаете ли, волшебник, — произнёс декан, болтая остроконечными туфлями. — И если бы правила не запрещали мне использовать магию иначе как для защиты, вас ждали бы серьёзные неприятности.

— Да что вы там вообще делаете? — спросил возница, опуская декана так, чтобы тот мог украдкой глянуть через плечо.

— И верно, — добавил бригадир, пытавшийся управлять лошадьми, запряжёнными в фургон с брёвнами, — что там творится? Тут люди работают, вообще-то, время — деньги!

— Эй, впереди, проезжай уже!

— Я пытаюсь! — Лесовоз обернулся на козлах и обратился к выстроившейся за ним очереди телег: — Я-то тут при чём? Тут кучка волшебников роет посреди чёртовой улицы!

Над краем ямы выросло чумазое лицо арк-канцлера.

— Небеса тебе на голову, декан, — воскликнул он, — я же велел со всем разобраться!

— Да я как раз попросил этого джентльмена развернуться и езжать другой дорогой, — ответил полупридушенный декан.

Развозчик фруктов повернул его, чтобы показать, сколько народу запрудило улицу:

— Когда-нибудь пробовал развернуть одновременно шестьдесят телег? — вопросил он. — Это непросто. Особенно когда никто не может тронуться с места, потому что из-за вас, ребята, телеги встали по всему кварталу. Никто не может никуда тронуться, потому что все друг у друга на пути, ясно?

Декан попытался кивнуть. Он и сам засомне-

вался, мудро ли было рыть яму на перекрёстке Улицы Малых Богов и Широкой, двух самых людных дорог Анк-Морпорка. На тот момент это казалось логичным. Даже самая упорная нежить будет надёжно похоронена, если над ней такое движение. Единственная проблема была в том, что никто всерьёз не подумал, как трудно будет рыть посреди двух центральных улиц в час пик.

— Ладно, ладно, что тут у вас творится?

Толпа зевак расступилась, пропуская грузную фигуру сержанта Колона из Стражи. Он неудержимо шагал сквозь толпу, прокладывая себе путь животом. При виде волшебников, стоящих по пояс в яме посреди дороги, его багровое лицо просияло.

— Так, что это у нас? — спросил он. — Банда международных похитителей перекрёстков?

Он был в восторге. Наконец-то сработала его долгосрочная методика охраны закона!

Арккканцлер швырнул полную лопату анк-морпоркского щебня ему на ботинки.

— Не валяйте дурака, — огрызнулся он. — Это жизненно важно.

— О да. Так все вы говорите. — Сержант Колон был не из тех, кого легко свернуть с проторённой дорожки, по которой он уже мысленно разогнал-

ся. — Держу пари, в сотнях деревенек в поганых странах вроде Клатча хорошенько платят за престижный перекрёсток вроде этого, а?

Чудакулли поднял на него глаза, разинув рот.

— Вы что такое несёте, офицер? — сказал он и недовольно ткнул пальцем в свою остроконечную шляпу. — Не слышите меня, что ли? Мы волшебники. Тут ведутся волшебные работы. Так что не могли бы вы просто направить телеги в объезд, пока уважаемые люди…

— …Эти персики мнутся буквально на глазах, — раздался голос позади сержанта Колона.

— Эти придурки уже полчаса нас тут задерживают, — добавил погонщик скота, который уже давно упустил свой скот, и тот разбрёлся по окрестным улицам. — Их надо арестовать!

До сержанта вдруг дошло, что он невольно стал главным героем драмы, в которой участвуют сотни людей, причём часть из них волшебники и все из них в ярости.

— А что вы такое делаете? — вяло спросил он.

— Хороним нашего коллегу. На что ещё это похоже? — ответил Чудакулли.

Взгляд Колона остановился на открытом гробе, лежащем с края дороги. Ветром Сдумс помахал ему изнутри.

— Но… он же не мёртвый… разве нет? — Сержант наморщил лоб, пытаясь осознать ситуацию.

— Внешность обманчива, — сказал аркканцлер.

— Он мне только что помахал! — простонал сержант.

— И что?

— Это ненормально для…

— Всё в порядке, сержант, — сказал Ветром.

Сержант Колон подобрался ближе к гробу.

— А это не вы прошлой ночью в реку бросились? — прошептал он одними губами.

— Да-да. Вы мне очень помогли, — ответил Ветром.

— А потом вы, как бы сказать, из неё выбросились, — заключил сержант.

— Боюсь, что так.

— Но вы там целую вечность просидели!

— Ну, честно говоря, там очень темно. Долго не мог найти ступени.

Сержант Колон силился найти во всём этом логику.

— Что ж, полагаю, вы должны быть мертвы, — сказал он. — Невозможно так долго пробыть под водой и не умереть.

— Вот видите! — поддержал его Сдумс.

— Так почему вы всё ещё машете и разговариваете? — спросил Колон.

Из ямы высунул голову главный философ.

— Известны случаи, когда мёртвое тело двигалось и издавало звуки после смерти, сержант, — пояснил он. — Всё дело в непроизвольных мышечных спазмах.

— Главный философ совершенно прав, — согласился Ветром Сдумс. — Я тоже об этом читал.

— Ага. — Сержант Колон огляделся. — Ладно, — неуверенно сказал он. — Ну… полагаю, это логично…

— Ладно, мы закончили, — сказал аркканцлер, выбираясь из ямы. — Достаточно глубоко. Давай, Сдумс, тебе вниз.

— Знаете, я правда очень тронут, — сказал Ветром, снова ложась в гробу. Гроб был весьма хороший, из погребальной конторы на улице Вязов. Аркканцлер позволил Сдумсу выбирать самому.

Чудакулли поднял кувалду.

Ветром снова сел.

— Все так стараются ради меня…

— Да, да, ладно. — Чудакулли огляделся. — Так, у кого кол?

Все поглядели на казначея.

Казначей выглядел несчастным. Он пошарил в сумке.

— Я не смог его достать, — промямлил он.

Аркканцлер закрыл лицо рукой.

— Ладно, — тихонько сказал он. — Знаешь, а я не удивлён. Вообще не удивлён. Что же ты достал? Бараньи лопатки? Кусочек бекона?

— Сельдерей, — прошептал казначей.

— Это у него из-за нервов, — поспешно вставил декан.

— Сельдерей, — произнёс аркканцлер, и его самообладанием сейчас можно было гнуть подковы. — Ладно.

Казначей протянул ему увядший зелёный пучок. Чудакулли взял его.

— Итак, Сдумс, — сказал он. — Прошу представить, что то, что у меня в руке…

— Ничего-ничего, я понимаю, — ответил Ветром.

— Хотя, по правде, не представляю, как вбить…

— Всё в порядке, я не против.

— Правда?

— Принцип тот же, — сказал Ветром. — Если просто передашь мне сельдерей, но *мысленно* забьёшь кол, этого должно хватить.

— Так благородно с твоей стороны, — сказал

Чудакулли. — Какой величественный момент!

— Momento mori, — съязвил главный философ.

Чудакулли смерил его взглядом, а затем торжественно ткнул сельдереем в Ветрома Сдумса.

— Прими же его! — сказал он.

— Спасибо, — ответил Ветром.

— А теперь давайте закроем гроб и пойдём обедать, — сказал Чудакулли. — Не волнуйся, Сдумс. Обязательно сработает. Сегодня — последний день твоей оставшейся жизни.

Ветром лежал в темноте, слушая удары молотка.

Затем раздался глухой удар, и кто-то сдавленно обругал декана, что тот не удержал свой конец. Затем начала шлёпать земля на крышку, всё слабее и дальше.

Наконец отдалённый рокот возвестил, что движение в городе возобновилось. До Сдумса доносились приглушённые голоса.

Он постучал по крышке гроба.

— Эй, наверху! Нельзя ли потише? — ворчливо крикнул он. — Тут кое-кто умереть пытается!

Он услышал, что голоса смолкли. Затем донеслись убегающие шаги.

Ветром полежал так какое-то время. Он не знал, как долго.

Он попробовал отключить все функции организма, но так лишь стало неудобно. Ах, ну почему так трудно умереть? Другим это давалось легко даже без тренировки.

А ещё нога зачесалась.

Он попытался дотянуться и почесать, и его рука наткнулась на что-то маленькое, необычной формы. Ему удалось сжать это в пальцах.

Наощупь как будто связка спичек.

В гробу? Что, кто-то решил, что он тут сигару со скуки раскурит?

После долгих усилий ему удалось снять один башмак другим и подтянуть его поближе, чтобы схватить. Так у него появилась неровная поверхность, чтобы чиркнуть спичку…

Сернистый свет наполнил его тесный продолговатый мирок.

Оказалось, изнутри к крышке пришпилен кусочек картона.

Он прочитал его.

Он перечитал его.

Спичка погасла.

Он зажёг ещё одну, просто чтобы убедиться, что эта надпись действительно существует.

Надпись оставалась странной, даже если перечитать в третий раз.

Умерли? Унываете?

Хотите всё начать сначала?

Так почему бы вам не явиться в

КЛУБ «НОВОЕ НАЧАЛО»?

По четвергам, в 12 ночи, ул. Вязов, д. 668

ЗДЕСЬ ВСЯКОМУ ТРУПУ РАДЫ!

Вторая спичка погасла — выгорели остатки кислорода.

Ветром полежал в темноте, размышляя, что делать дальше, и пожёвывая сельдерей.

Кто бы мог подумать?

На покойного Ветрома Сдумса вдруг снизошло, что не бывает чужих проблем, и когда кажется, что мир выкинул тебя на обочину, он оказывается полон странностей. Он по опыту знал уже, что живые не замечают и половины реально происходящего, потому что слишком заняты *житьём. «Зрителю лучше видно игру»,* — сказал он себе.

Именно живые не обращали внимания на всё странное и чудесное, потому что жизнь полна скучного и обычного. Но она *была* странной. В ней были такие чудеса, как самооткручивающиеся болты и записки мертвецам.

Он решил выяснить, что же происходит. А

потом… раз Смерть не приходит к нему, он сам пойдёт к Смерти. *У меня есть права, в конце концов,* подумал он. О да. Он устроит величайшую охоту за головами в истории.

Ветром ухмыльнулся во мраке.

Пропал: Смерть. Нашедшему…

Сегодня был первый день оставшейся жизни.

И весь Анк-Морпорк лежал у его ног. Ну, фигурально выражаясь.

Есть один путь — наверх.

Он приподнялся, нащупал в темноте записку, оторвал её и сунул в зубы.

Затем Ветром Сдумс упёрся ногами в один конец ящика, руками в другой и поднажал.

Влажный суглинок Анк-Морпорка слегка поддался.

Ветром собрался было перевести дух, но вспомнил, что смысла в этом нет. Он надавил снова. Гроб раскололся.

Ветром подтянул доску поближе и порвал сосновую древесину как бумагу. У него получился обломок, совершенно бесполезный для любого, не обладающего силой зомби.

Он перевернулся на живот, начал сгребать землю вокруг импровизированным совком и утаптывать ногами. Ветром Сдумс копал навстре-

чу новому началу.

Представьте такой пейзаж: равнина с плавными изгибами.

В краях октариновой травы под сенью Овцепикских гор — конец лета. Преобладающие цвета — бурый и золотой. Равнину заливает жара. Кузнечики стрекочут, будто шкворчат на сковородке. Даже воздух слишком горяч, чтобы двигаться. Сейчас самое жаркое лето на памяти старожилов — а в этих краях это очень-очень долго.

Представьте фигуру верхом на коне, который медленно бредёт, утопая в пыли на дюйм, по дороге меж пшеничными полями, уже сулящими богатый урожай.

Представьте забор из рассохшихся досок. К нему прикреплено объявление. Буквы выцвели под солнцем, но разобрать их ещё можно.

Представьте, как на бумажку падает тень. Вы почти слышите, как кто-то читает эти два слова.

От дороги ответвляется тропинка, ведущая к горстке выцветших строений.

Представьте шаркающие шаги.

Представьте, как открывается дверь.

Представьте тёмную прохладную комнату, которую видно за дверью. Не похоже, что тут подолгу живут. Это помещение для людей, которые проводят жизнь под открытым небом, а сюда заходят, только когда стемнеет. Тут хранится упряжь и спят собаки, сюда вешают сушиться бурдюки. У двери стоит бочка пива. Пол покрыт плиткой, а под стропилами висят крюки для свиных туш. Вот потёртый стол, за которым уместилось бы тридцать голодных мужиков.

Но мужиков нет. И собак нет. И пива. И свинины.

В дверь постучали. Сперва была тишина, затем шарк-шарк тапочек по плитке. Наконец худощавая старушка с лицом, цветом и текстурой

похожим на грецкий орех, выглянула за дверь.

— Чего? — спросила она.

— В ОБЪЯВЛЕНИИ НАПИСАНО: «НУЖЕН ПОМОЩНИК».

— Правда, что ли? Оно там с прошлой зимы висит!

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ. ПОМОЩНИК УЖЕ НЕ НУЖЕН?

Морщинистое лицо задумчиво оглядело его.

— Могу платить шесть пенсов в неделю, не больше, — сказала она.

Долговязая фигура, заслонявшая солнце, как будто призадумалась.

— ДА, — ответил он наконец.

— Даже не знаю, чем тебя занять для начала. У нас тут нормального работника не было последние года три. Нанимала только ленивых лоботрясов из деревни, когда приходилось.

— ДА?

— Ты не такой ведь?

— У МЕНЯ ЕСТЬ ЛОШАДЬ.

Старушка поглядела за спину незнакомцу. Во дворе стояла самая дорогая лошадь, какую она только видела. Она прищурилась.

— И это *твоя* лошадь, что ли?

— ДА.

— С серебряной уздечкой и всем таким?

— ДА.

— И ты готов работать за шесть пенсов в неделю?

— ДА.

Старушка пожевала губы. Она поглядела на незнакомца, потом на лошадь, потом на свою ветхую, запущенную ферму. Похоже, она что-то решила — вероятно, что тому, у кого лошадей нет, нечего бояться конокрада.

— Тебе придётся спать в хлеву, понял? — сказала она.

— СПАТЬ? ДА. КОНЕЧНО. ДА, МНЕ ПРИДЁТСЯ СПАТЬ.

— В доме места всё равно нет. Да и неправильно это.

— ХЛЕВ МЕНЯ ВПОЛНЕ УСТРОИТ, УВЕРЯЮ ВАС.

— Но можешь приходить в дом обедать.

— СПАСИБО.

— Меня зовут госпожа Флитворт.

— ДА.

Она чего-то ждала.

— Может, ты тоже представишься? — напомнила она.

— ДА. ВЕРНО.

Она всё ещё ждала.

— Итак?

— ИЗВИНИТЕ?

— Как зовут-то тебя?

Незнакомец уставился на неё, а затем поспешно начал шарить глазами вокруг.

— Ну, давай-ка, — сказала госпожа Флитворт. — Я не найму работника без имени. Господин…

Фигура подняла глаза.

— ГОСПОДИН НЕБО?

— Да ладно? Не бывает такой фамилии!

— ГОСПОДИН… ДВЕРЬ?

Она кивнула.

— Вот это можно. Пущай будет Дверь. Знавала я когда-то парня, которого звали Д'Вер, почему бы нет. Так, фамилия Дверь, а имя какое? Только не говори, что у тебя и его нет. Билл, Том, Брюс, как там тебя?

— ДА.

— Что «да»?

— ОДНО ИЗ ЭТИХ.

— Какое?

— НУ… ПЕРВОЕ?

— Билл, значит?

— ДА?

Госпожа Флитворт закатила глаза.

— Ладно, Билл Небо…

— ДВЕРЬ.

— Ой, да, извини. Ладно, Билл Дверь…

— ЗОВИТЕ МЕНЯ ПРОСТО БИЛЛ.

— А ты зови меня просто госпожа Флитворт. Думаю, ты не откажешься от ужина?

— УЖИН? АХ, ДА. ВЕЧЕРНИЙ ПРИЁМ ПИЩИ. ДА.

— Ты очень исхудалым выглядишь, по правде. Кожа да кости. — Прищурившись, она оглядела его фигуру. Почему-то ей было трудно понять, как именно выглядит Билл Дверь, и запомнить, как звучит его голос. То есть он ведь *явно* стоял здесь и *явно* говорил — она же это помнила!

— В этих краях многие носят не те имена, с которыми родились, — сказала она. — Я всегда говорю: не выспрашивай у людей лишнего, ничего из этого хорошего не выйдет. Ты *работать*-то готов, Билл Дверь? Я пока собираю сено с горных лугов, а к жатве работёнки только прибавится. Косой орудовать умеешь?

Билл Дверь как будто задумался над этим вопросом. Потом ответил:

— ПОЛАГАЮ, НА ЭТО С УВЕРЕННОСТЬЮ МОГУ ОТВЕТИТЬ «ДА», ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

Себя-Без-Ножа-Режу Достабль тоже считал, что у людей не надо выспрашивать лишнего, особенно если под людьми понимать его, а вопросы — из разряда «А эти товары точно ваши?». Но на сей раз никто не явился к нему возмущаться, что он продаёт чужие вещи, а раз так, его всё устраивало. Этим утром он продал более тысячи стеклянных шариков, и пришлось даже нанять тролля, чтобы тот сдерживал напор новых, продолжавших загадочно появляться в подвале.

Людям шарики нравились.

Принцип их работы был до смешного прост и понятен даже среднему жителю Анк-Морпорка после пары неудачных попыток.

Если потрясти шарик, облако белых снежинок вздымалось в жидкости внутри шара и плавно оседало на модельке какой-нибудь достопримечательности Анк-Морпорка. В одних шариках был Университет, в других — Башня Искусств, в третьих — Бронзовый мост, в четвёртых — дворец

патриция. Всё это было выполнено в мельчайших деталях.

Но вот наконец они кончились. *Что ж,* подумал Достабль, *жаль.* Впрочем, поскольку шарики юридически ему не принадлежали, а только *по справедливости* — жаловаться ему было не на что. То есть он, конечно, *мог* жаловаться, но только вполголоса и не на кого-то конкретного. Если подумать, возможно, это и к лучшему. Тащи

побольше, продавай задёшево — таков его девиз. Сбывай товар с рук — и потом этими руками сможешь разводить с невинным видом: «Кто, я?»

Но они и правда были красивенькие. Кроме подписи, как ни странно. Она была накорябана неграмотной рукой, будто автор никогда прежде букв не видел и пытался их скопировать. На донышке каждого шарика, под изысканным зданием, укрытым снежинками, красовались слова:

«СУВ НИР ИЗ АНК-МОРПОРКА»

Наверн Чудакулли, аркканцлер Незримого университета, был просто неудержимым автокондиментором, сиречь самоприправителем[8]. За обедом перед ним всегда ставили персональ-

[8] Примечания: 8

Тот, кто всегда солит, а то и даже перчит любое блюдо, какое подадут, *даже не попробовав сперва его на вкус*. Психиатры-бихевиористы по всей вселенной, работающие на сети общепита, сэкономили заказчикам миллиарды местной валюты тем, что подметили феномен автокондименции и посоветовали заказчикам изначально не добавлять соль и перец. Чистая правда!

ный набор приправ: соль, три сорта перца, четыре сорта горчицы, четыре вида уксуса, пятнадцать разновидностей карри и, наконец, его любимый соус Ухты-Ухты: смесь зрелой укипаловки, солёных огурцов, каперсов, горчицы, манго, фиг, толчёного койхрена, вытяжки из анчоуса, асафетиды и, главное, серы и калиевой селитры для пущей остроты. Чудакулли получил этот рецепт в наследство от дядюшки, который как-то раз за сытным обедом употребил полпинты своего соуса, принял уголь для лучшего пищеварения, раскурил трубочку — и таинственно исчез. Только его башмаки нашли следующим летом на крыше. На обед сегодня подавали холодную баранину. Баранина отлично сочеталась с соусом Ухты-Ухты, шла буквально влёт. В день гибели старшего Чудакулли она и вовсе пролетела три версты.

Наверн повязал салфетку на шею, потёр руки и потянулся к еде.

Еда отодвинулась.

Он снова потянулся. Блюдо скользнуло прочь.

Чудакулли вздохнул.

— Ладно, ребята, — сказал он. — Вы же знаете правило: никакой магии за Обеденным Столом. Кто тут со мной в игры играет?

Другие старшие волшебники удивлённо уставились на него.

— Мэ-мэ-мне кажется, что мы не можем играть, — промямлил казначей, который в последнее время лишь изредка случайно проваливался во вменяемость. — Мэ-мэ-мне кажется, мы потеряли часть фишек…

Он огляделся, хихикнул и снова принялся резать свой кусок баранины ложкой. Товарищи не давали ему пока ножей на всякий случай.

Блюдо с бараниной взлетело в воздух и принялось медленно кружиться. Затем взорвалось.

Волшебники заворожённо наблюдали за этим, роняя капли уксуса и дорогие пряности.

— Наверное, дело в соусе, — предположил декан. — Вчера он достиг критической остроты.

Что-то упало ему на голову и отскочило в его обед. Это оказался чёрный железный шуруп в несколько дюймов длиной.

Ещё один шуруп слегка оглушил казначея.

Через пару секунд третий вонзился остриём в стол у самой руки аркканцлера.

Волшебники подняли глаза.

Главный Зал по вечерам освещался одной большой люстрой со свечами. Впрочем, слово «люстра», которым обычно называют блестящую

хрустальную вещь, не вполне подходило этой огромной, тяжёлой, чёрной, засаленной штуковине, висевшей под потолком зловеще, как неминуемая расплата по долгам. Она могла бы вместить тысячу свечей. А висела она точнёхонько над столом старших волшебников.

Ещё один шуруп ударился о пол у костра.

Аркканцлер прокашлялся.

— Бежим? — предложил он.

Люстра рухнула.

Обломки стола и посуды ударили в стены. Смертоносные куски баранины размером с человеческую голову полетели в окна. Одна свеча, вылетевшая из обломков с безумной скоростью, вошла в дверь на глубину нескольких дюймов.

Аркканцлер высвободился из останков своего кресла.

— Казначей! — рявкнул он.

Казначея откопали в камине.

— Эм-м, да, аркканцлер? — проблеял он.

— Что всё *это* значит?

Шляпа Чудакулли взлетела с головы.

Эту обычную широкополую остроконечную шляпу аркканцлер приспособил к своей бурной жизни. В поля он втыкал рыболовные крючки с наживкой. За ленту на тулье засунул арбалетик

— просто на случай, если будет во что пострелять на пробежке. А острый верх, как оказалось, идеально подходил по размерам для бутылочки «Очень старого пряного бренди Бентикса». Чудакулли очень привязался к этой шляпе.

А вот она от него взяла и отвязалась.

Она плавно перелетела зал, издавая слабый, но отчётливый звук глотков.

Аркканцлер вскочил на ноги.

— Чёрт бы тебя побрал! — возопил он. — Да этот бренди стоит по двенадцать долларов за литр! — Он прыгнул, пытаясь поймать шляпу, промахнулся, но продолжил прыгать, пока не ухватился за поля и не завис неподвижно в нескольких футах от пола.

Казначей нервно поднял руку.

— Может, это древоточцы? — спросил он.

— Если такое повторится, — проревел Чудакулли, — хоть раз ещё что-то подобное, я очень, очень разозлюсь!

Он рухнул на пол, и в тот же миг распахнулись широкие двери. Вбежал портье Университета, а за ним — отряд дворцовой гвардии патриция.

Капитан гвардии оглядел аркканцлера с головы до ног с таким выражением, будто слово «гражданский» он произносит с тем же выражением,

что и «таракан».

— Ты тут главнюк? — спросил он.

Аркканцлер расправил мантию и попытался пригладить бороду.

— Да, я аркканцлер Незримого университета, — сказал он.

Капитан гвардии с любопытством оглядел зал. Все студенты попрятались в дальнем углу. Ошмётки еды покрывали стены до самого потолка. Обломки мебели валялись вокруг останков люстры, словно деревья вокруг упавшего метеорита.

Затем капитан заговорил с презрением человека, который не учился с девяти лет, но наслышан…

— Забавляемся тут, а? — спросил он. — Бросаемся хлебом и всё такое?

— Могу ли я узнать причины вторжения? — холодно перебил Чудакулли.

Капитан опёрся о копьё.

— Что ж, — ответил он, — дело такое. Патриций забаррикадировался у себя в спальне, потому что мебель во дворце ездит туда-сюда, вы глазам своим не поверите, а повара не могут даже зайти на кухню, там такое творится…

Волшебники старались не глядеть на наконечник копья. Он начал сам собой откручиваться.

— Короче, — продолжил капитан, не замечая слабый металлический скрип, — патриций позвал меня через замочную скважину и говорит: «Дуглас, не могли бы вы сбегать в Университет и спросить там главного, не будет ли он так любезен заглянуть сюда, если не слишком занят?» Нет, я могу, если хотите, вернуться и доложить, что вы тут заняты студенческими розыгрышами…

Наконечник уже почти слез с древка.

— Вы меня слушаете? — с подозрением спросил капитан.

— Эм-м… что? — переспросил арккканцлер, с трудом отрываясь от вращающегося острия. — А. Да. Что ж, спешу заверить вас, сударь, что не мы стали причиной…

— А-а-ай!

— Извините?

— Наконечник упал мне на ногу!

— Правда? — невинно удивился Чудакулли.

Капитан запрыгал на одной ноге.

— Слушайте, чёртовы торговцы фокус-покусами, вы идёте или нет? — произнёс он между прыжками. — Босс очень недоволен. Вот прямо очень-очень.

Огромное бесформенное облако Жизни плыло по Плоскому миру, копилось, как вода за плотиной, когда закрывают шлюзы. Больше не было Смерти, чтобы отнимать силу жизни, когда она окончена, и ей некуда стало деться.

То тут, то там она прорывалась случайными полтергейстами, напоминая сполохи молний перед мощной летней грозой. Всё сущее жаждет жить — в этом и есть смысл цикла жизни. Это двигатель, питающий биологический насос эволюции. Всё пытается взобраться повыше на эволюционное древо, когтями, щупальцами или скользким брюхом проложить себе путь в новую нишу, пока не взберётся на самую вершину — и не окажется, что она таких трудов и не стоила.

Всё сущее жаждет жить — даже то, что живым никогда не было. У таких вещей есть своего рода квазижизнь, метафора жизни, *почти*-жизнь. И теперь она противоестественно расцветала, как растения при неожиданной оттепели…

Что-то особенное было в этих стеклянных шариках. Их хотелось взять и потрясти, поглядеть, как кружатся и парят миленькие снежинки. А затем забрать домой и поставить на каминную полку.

И позабыть о них.

Отношения Университета с патрицием, абсолютным властелином и почти доброжелательным тираном Анк-Морпорка, были сложными и неоднозначными.

Волшебники утверждали, что служат высшей истине, а потому не обязаны подчиняться земным законам города.

Патриций отвечал, что это, безусловно, так, но треклятые налоги они будут платить, как все.

Волшебники утверждали, что, как свидетели света мудрости, они не должны присягать смертному человеку.

Патриций отвечал, что в этом есть резон, и

всё же они должны городу по двести долларов с головы в год, выплаты раз в квартал.

Волшебники утверждали, что Университет стоит на зачарованной земле, а потому для них должно быть сделано исключение. И вообще, как можно облагать налогом знания?

Патриций отвечал: ещё как можно. Двести долларов с головы; если с этим какие-то проблемы, головы можно и отделить от тел.

Волшебники утверждали, что Университет никогда не платил налогов властям предержащим.

Патриций отвечал, что предержать себя в руках ему становится всё трудней.

Волшебники спросили: как насчёт условий помягче?

Патриций отвечал: а это *и есть* мягкие условия. И господам лучше не проверять, как выглядят жёсткие.

Волшебники утверждали: был когда-то, кажется в Век Стрекозы, правитель, который пытался диктовать Университету, что делать. Патриций может зайти и поглядеть, что с ним стало.

Патриций пообещал, что зайдёт. Обязательно зайдёт.

В итоге они договорились вот о чём: конечно, волшебники не платят налогов, но они готовы

делать совершенно добровольные взносы, скажем, в двести долларов с человека, безо всякого принуждения, *mutatis mutandis*, без задней мысли, сугубо на мирные и экологически чистые цели.

Именно такая игра между ветвями власти делала Анк-Морпорк столь интересным, увлекательным, а главное, до жути опасным местом для жизни[9].

Старшие волшебники нечасто выбирались в такие места, какие в брошюре «Бобро поржаловать в Анк-Морпорг» описаны как «людные проспекты и загадочные переулки большого города», но с первого же взгляда поняли: что-то не так. Нет, булыжники мостовой и раньше периодически

[9] Примечания: 9

Об этом шумном мегаполисе написано множество песен. Самая знаменитая — «Анк-Морпорк! Анк-Морпорк! Он так хорош, что назван Анк-Морпорком!», но есть и другие, например: «Унеси меня, река, прочь из Анк-Морпорка», «Увы, я возвращаюсь в Анк-Морпорк» и популярная в старину «Лихорадка Анк-Морпорка».

летали в воздухе, но обычно их кто-нибудь кидал. А теперь они летали сами по себе.

Распахнулась дверь, и из неё вышел костюм, позади него приплясывала пара туфель, а шляпа парила в нескольких дюймах над пустым воротником. За ним бежал тощий мужчина, пытавшийся прикрыть наспех завязанным полотенцем то, на что обычно требуются брюки.

— А ну, вернись! — кричал он на костюм, который уже заворачивал за угол. — Я за тебя ещё должен семь долларов!

Вторые брюки выскочили на улицу и побежали за ними.

Волшебники сгрудились в кучку, словно испуганный зверь с пятью остроконечными головами и десятью ногами. Никто не решался высказаться первым.

— Чёрт возьми, это *поразительно*! — воскликнул наконец аркканцлер.

— Хм-м? — переспросил декан, как бы намекая, что повидал в жизни много куда более поразительных вещей и что, уделяя излишнее внимание обыкновенной ходячей одежде, аркканцлер обесценивает самую суть волшебства.

— Нет, ну правда. Я мало знаю портных, дающих бесплатно вторые брюки к костюму за семь

долларов.

— А-а, — сказал декан.

— Если будет снова пробегать, подставьте ему подножку, я хочу поглядеть ярлычок.

В окно наверху вылезла простыня и улетела прочь над крышами.

— А знаете, — сказал преподаватель современного руносложения, стараясь говорить как можно спокойнее и расслабленней, — я думаю, это не магия. Не *ощущается* это как магия.

Главный философ пошарил в глубине одного из своих бесчисленных карманов. Что-то глухо звякнуло, хрустнуло и пару раз крякнуло. Наконец он извлёк оттуда тёмно-синий стеклянный кубик. На передней его грани красовался циферблат.

— Ты эту штуку носишь с собой в кармане? — удивился декан. — Это же дорогой инструмент!

— А что это за фиговина? — спросил Чудакулли.

— Поразительно чувствительный прибор измерения магии, — пояснил декан. — Измеряет плотность магического поля. Иными словами, колдометр.

Главный философ гордо поднял куб и нажал кнопку сбоку.

Иголка на циферблате немного покачалась и

остановилась.

— Видали? — объявил главный философ. — Естественный фон не превышен.

— Говори громче! — ответил аркканцлер. — Тут шумно, не слышу.

Грохот и крики доносились из домов по обе стороны улицы.

Госпожа Эвадна Торт была медиумом-экстрасенсом, хотя, по правде, не очень-то «экстра».

Работа была не бей лежачего. Мало кто из умерших в Анк-Морпорке изъявлял желание поболтать с живыми родичами. Чем больше мистических измерений между ними и нами, тем лучше — таков был их девиз. Так что в промежутках между спиритическими сеансами она подрабатывала швеёй и служкой в церкви — в любой. Госпожа Торт вообще любила религию — по своим меркам, конечно.

Эвадна Торт была не из тех медиумов, что пы-

таются выпендриться завесами из бус и дымом благовоний, отчасти потому, что не выносила благовоний, но в первую очередь потому, что была действительно хороша в своём деле. Хороший иллюзионист способен удивить публику даже при помощи коробка спичек и совершенно обычной колоды карт — «господа, можете сами убедиться, это совершенно обычная колода карт». Ему не нужны складные столы, которые прищемляют пальцы, и хитроумные шляпы с двойным дном, как у дешёвых фокусников. Так и Госпоже Торт не требовалась лишняя бутафория. Даже высококачественный хрустальный шар она держала, только чтобы порадовать клиентов. Вообще-то, Госпожа Торт могла читать будущее хоть по кастрюле с овсянкой[10]. Могла узреть откровение на сковородке, где жарится бекон. Она всю жизнь провела погружаясь в мир духов. Впрочем, в случае с Эвадной «погружение» не вполне точный термин. Она не просто погружалась. Скорее уж, пинком открывала дверь в мир духов и требовала менеджера.

Вот и сейчас, готовя себе завтрак и нарезая собачий корм для Людмиллы, она услышала голоса.

---

[10] Примечания: 10

Например, по ней можно было предсказать скорое свидание с белым фарфоровым другом.

Голоса были слабыми. Не то чтобы на самой грани слышимости, ведь такие голоса не слышны обычным ушам. Они звучали у неё в голове.

— …Осторожней там… где я… эй, хватит пихаться…

Затем они снова умолкли.

Их сменил назойливый писк из соседней комнаты. Она отложила варёное яйцо и выглянула за занавес из бус.

Звук исходил из-под суровой, солидной мешковины, служившей покрывалом хрустального шара.

Эвадна вернулась на кухню и выбрала сковороду потяжелей. Махнула ей разок-другой в воздухе, чтобы рука привыкла, а затем подкралась к накрытому шару.

Приподняв заранее сковороду, чтобы сразу расплющить любую гадость, она резко сдёрнула покрывало.

Шар медленно вращался в подставке. Эвадна понаблюдала за ним. Затем задёрнула занавески, грузно опустилась в кресло, глубоко вдохнула и спросила:

— Кто там?

Большая часть потолка обвалилась.

Через несколько минут, приложив немало тру-

да, Госпожа Торт высвободила голову.

— Людмилла!

В коридоре послышались мягкие шаги, и что-то вошло в дом с заднего двора. По форме своей это, безусловно, была женщина, даже привлекательная, одетая в самое обычное платье. Только она явно страдала от излишнего оволосения, с которым не могли справиться все розовые бритвочки в мире. А ещё, похоже, в этом сезоне в моду вошло отращивать когти и клыки подлиннее. От такой твари впору было ожидать звериного рыка, но она заговорила приятным и явно человеческим голосом:

— Мама?

— Йа тута, внизу.

Зловещая Людмилла подняла огромный обломок и с лёгкостью отбросила его:

— Что случилось? Ты что, ясновидение забыла включить?

— Йа его отключила, шоб поговорить с пекарем. Божечки, у мене душа в пятки ушла.

— Сделать тебе чашечку чаю?

— Не надо. Ты ж знаешь, в Энти Дни у тебе чашки из рук валятся.

— Я уже лучше справляюсь, — возразила Людмилла.

— Молодчина, девочка моя, токмо я сама всё сделаю, но спасибо тебе.

Госпожа Торт встала, стряхнула гипсовую пыль с фартука и добавила:

— Они там кричали! Кричали! Все одновременно!

Модо, садовник Университета, как раз пропалывал розарий, когда старинный бархатный газон разверзся рядом с ним и исторг из глубин неистребимого Ветрома Сдумса, моргающего от яркого света.

— Это ты, Модо?

— Верно, господин Сдумс, — ответил гном. — Помочь вам вылезти?

— Думаю, сам справлюсь, но спасибо.

— У меня в сарае лопата, если вам нужно.

— Нет-нет, всё совершенно в порядке. — Ветром вытащил себя из газона и смахнул грунт с остатков мантии. — Извини за газон, — добавил

он, оглянувшись на дыру.

— Ничего страшного, господин Сдумс.

— А сколько лет ушло на то, чтобы придать ему такой идеальный вид?

— Примерно пять веков, полагаю.

— Божечки! Прошу прощения. Я целился в погреба, но, похоже, заплутал.

— Да не волнуйтесь так, господин Сдумс, — беззаботно ответил гном. — Сейчас всё растёт просто с безумной скоростью. Я засыплю яму к вечеру, засею заново, и пятьсот лет пролетят так, что и не заметите.

— Судя по тому, куда всё катится, замечу, — проворчал Ветром и огляделся. — А аркканцлер на месте?

— Видел, как все пошли во дворец, — ответил садовник.

— Тогда, пожалуй, лучше пойду по-быстрому помоюсь и переоденусь. Не хочу больше никого пугать.

— Я слыхал, вы не просто умерли, вас ещё и похоронили? — спросил садовник, когда Сдумс заковылял прочь.

— Всё верно.

— Но вас, я смотрю, в гробу не удержишь, да?

Ветром обернулся.

— Кстати говоря… а где у нас улица Вязов?

Модо почесал ухо:

— Вроде возле улицы Паточной шахты.

— Ах да. Вспомнил.

Модо вернулся к прополке.

Цикличность смертей Ветрома Сдумса его не пугала. Что такого? Деревья умирают к зиме — а по весне пускают новые почки. Сухие семена ложатся в землю — и вырастают молодые побеги. По сути, ничто не умирает надолго. Взять хоть тот же компост.

Модо верил в компост с той же страстью, с какой другие верят в богов. Его компостные кучи дышали, бурлили и слабо светились в темноте, отчасти благодаря загадочным и, вероятно, запрещённым ингредиентам, которые Модо в них вливал. Впрочем, всё это не доказано, да никто и не стал бы раскапывать кучу и проверять, что там в ней.

Всё это мёртвая материя, но при этом живая. И на ней чудесно росли розы. Главный философ как-то сказал Модо, что его розы вырастали такими высокими из-за чуда бытия. Но Модо в душе был уверен, что они просто стараются как можно дальше убраться от компоста.

Сегодня эти кучи ждало лакомство. Сорняки и

побеги нынче разрослись. Он ещё не видел, чтобы растения росли так быстро и пышно. *Должно быть, дело в компосте,* подумал Модо.

К тому времени, как волшебники добрались до дворца, там воцарился кавардак.

Куски мебели летали под потолком. Косяк посуды пролетел мимо аркканцлера, словно серебристая плотва, и скрылся в коридоре. Казалось, всё здание захватил избирательный и легкомысленный ураган.

Сюда уже прибыли другие. В том числе группа лиц, одетых почти как волшебники, но намётанный глаз сразу подмечал отличия.

— Жрецы? — процедил декан. — Здесь? Раньше *нас*?

Две стайки стариков подсознательно приняли такие позы, чтобы руки оставались свободны.

— Что от них толку? — вопросил главный философ.

Метафорическая атмосфера в комнате резко похолодала.

Мимо волнами проплыл ковёр.

Аркканцлер поглядел глаза в глаза дородному первосвященнику Слепого Ио — будучи верховным жрецом главного бога в хаотичном пантеоне Плоского мира, он считался своего рода председателем религиозного сообщества Анк-Морпорка.

— Легковерные глупцы, — буркнул главный философ.

— Безбожные еретики, — ответил маленький служка, выглядывая из-за широкой спины первосвященника.

— Мракобесные идиоты!

— Мерзкие атеисты!

— Рабы божков!

— Жалкие фокусники!

— Кровожадные жрецы!

— Вездесущие волшебники!

Чудакулли приподнял бровь. Первосвященник едва заметно кивнул.

Они оставили своих спутников обмениваться проклятьями с безопасного расстояния и как бы невзначай отошли в сравнительно тихую часть помещения. Здесь, возле статуи одного из предтеч патриция, они снова повернулись друг к другу.

— Ну… как дела в сфере докучания богам? — спросил Чудакулли.

— Скромно делаем всё возможное. А как там опасные вмешательства в дела, недоступные человеческому пониманию?

— Неплохо, неплохо. — Чудакулли снял шляпу и пошарил в тулье. — Раздавим капельку кой-чего?

— Алкоголь есть искушение, кое губит души… А сигаретки не найдётся? Уверен, вы там курите вовсю.

— Только не я. Знал бы ты, что эта дрянь делает с лёгкими…

Чудакулли отвинтил верхушку шляпы и налил в неё щедрую порцию бренди.

— Итак, — сказал он, — что тут творится?

— В нашем храме алтарь взлетел в воздух и упал на нас.

— А у нас люстра сама отвинтилась. Да *всё подряд* теперь отвинчивается. А ещё по пути сюда мимо нас пробежал костюм, и ты представляешь какой? Две пары штанов за семь долларов!

— Ого! А ярлычок не разглядел?

— А ещё всё пульсирует. Заметил?

— Мы думали, это всё ваши шутки.

— Дело не в магии. Может, это ваши боги гне-

ваются мальца больше обычного?

— Вроде бы нет.

У них за спинами жрецы и волшебники уже кричали друг на друга вплотную.

Первосвященник пододвинулся ближе.

— Думаю, мне хватит духовных сил одолеть немножко искушения, — сказал он. — У меня такой жути не было с тех пор, как в мой приход зачастила Госпожа Торт.

— Торт? Что за Госпожа Торт?

— У вас же есть… чудовищные Твари из Бездонных Измерений и всё такое, да? Ужасающие опасности вашей богомерзкой профессии? — спросил он.

— Ну да.

— А у нас для этого есть Госпожа Торт.

Чудакулли поглядел на него с любопытством.

— Лучше не спрашивай. — Жрец содрогнулся. — Радуйся, что никогда её не узнаешь.

Чудакулли молча протянул ему бренди.

— Только между нами, — прошептал жрец, — ты-то как думаешь, откуда всё это? Там стражники вот-вот откопают его светлость. Ты же знаешь, он потребует ответов. А я даже не уверен, что знаю вопросы.

— Не магия и не боги, — задумался Чудакул-

ли. — Кстати, мне-то искушения оставишь? Спасибо. Значит, не магия и не боги. Мало вариантов остаётся, верно?

— Может, существуют виды магии, о которых вы не знаете?

— Если такие и есть, мы о них не знаем.

— И то верно, — согласился жрец.

— А не может так быть, что это боги решили безбожно пошалить на стороне? — Чудакулли хватался за последнюю соломинку. — Вдруг парочка из них поссорилась или как-то так? Что-нибудь не то сделали с золотыми яблоками?

— На божественном фронте сейчас всё тихо, — ответил первосвященник. Он закатил глаза при этих словах, будто читая текст, написанный внутри головы. — Гиперопия, богиня обуви, заявила, что Сандельфон, бог коридоров, — пропавший брат-близнец Грюна, бога круглогодичных фруктов. Кто подложил козу в постель Оффлера, бога-крокодила? Заключит ли Оффлер союз с Семируким Секом? Тем временем Хоки-Шутник снова взялся за старое…

— Да-да, хватит, — перебил Чудакулли. — Честно говоря, никогда всем этим не интересовался.

Позади них декан пытался помешать главному философу превратить жреца Оффлера, бога-кро-

кодила, в набор чемоданов, а у казначея хлестала кровь из носа от меткого удара кадилом.

— Нам нужно действовать одним фронтом, — объявил Чудакулли. — Ладно?

— Согласен, — ответил первосвященник.

— Ладно. Временно!

На уровне глаз синусоидой проплыл коврик. Первосвященник вернул флягу с бренди.

— Кстати, мама говорит, ты ей давно не писал, — сказал он.

— Да… — Прочие волшебники глазам бы не поверили, заметь они, как смутился и покраснел их аркканцлер. — Я был занят. Ты же знаешь, как это бывает.

— Она просила напомнить, что ждёт нас обоих на обед в честь Страшдества.

— Я не забыл, — хмуро ответил Чудакулли. — Обязательно приду. — Он повернулся к разразившейся позади схватке. — Кончайте уже, ребят, — сказал он.

— Братие! Смирите гнев свой! — возопил первосвященник.

Главный философ отпустил голову верховного жреца культа Хинки. Пара кюре перестала мутузить казначея. Все принялись приводить в порядок одежду, искать шляпы и смущённо

покашливать.

— Так-то лучше, — сказал Чудакулли. — А тем временем мы с его преосвященством первосвященником решили…

Декан покосился на коротышку-епископа.

— Он пнул меня! Эй! Ты пнул меня!

— О, нет, сын мой, я не делал сего.

— Делал, чёрт побери! — прошипел декан. — Сбоку, чтобы никто не видел!

— …*Мы решили*, — повторил Чудакулли, глядя на декана в упор, — найти решение текущих пертурбаций в духе братства и доброй воли, и тебя это тоже касается, философ.

— А что я-то? Он меня *толкнул*!

— Что ж, да простят тебя боги! — с жаром ответил архидьякон Трума.

Сверху что-то громыхнуло. По лестнице галопом проскакал шезлонг и с разгону врезался в двери зала.

— Кажется, охрана всё ещё вытаскивает патриция, — предположил первосвященник. — Видимо, даже потайные ходы самозаперлись.

— Что, все сразу? Я думал, у этого хитрого чертяки они повсюду, — усомнился Чудакулли.

— Взяли и заперлись, — заявил первосвященник. — Все до одного.

— Все, кроме одного, — поправил голос позади них.

Из стены вышла фигура. Человеческая, но лишь в целом. Тощий, бледный патриций, одетый в пыльный чёрный костюм, всегда казался Чудакулли больше похожим на хищного фламинго. Если, конечно, бывают чёрные фламинго, невозмутимые, как камни.

Голос Чудакулли почти не изменился, когда он обернулся, разве что в нём стало больше сладкого сиропа.

— А-а, лорд Витинари, — сказал он. — Я так рад, что вы целы и невредимы.

— Джентльмены, я жду всех вас в Продолговатом кабинете, — сказал патриций. Позади него бесшумно закрылась часть стены.

— Хм, мне кажется, там наверху целый взвод гвардейцев пытается освободить… — начал было первосвященник.

Патриций отмахнулся.

— Не будем им мешать, — сказал он. — По крайней мере, у них есть занятие, дающее чувство собственной важности. Иначе им придётся просто стоять по углам день-деньской, мечтая о походе в туалет. Пройдёмте сюда.

Начальники прочих гильдий Анк-Морпорка появлялись поодиночке и парами, постепенно заполняя зал.

Патриций угрюмо разглядывал бумаги на своём столе, пока они спорили.

— Ну, это точно не мы, — сказал главный алхимик.

— Но ведь именно из-за вас вещи постоянно взлетают на воздух, — заметил Чудакулли.

— Да, но только из-за непредвиденных экзотермических реакций, — возразил алхимик.

— Когда взрываются, — перевёл его заместитель на лету.

— Вещи взлетают на воздух, но после этого падают. А не летают кругами или, например, сами собой откручиваются, — заявил главный, нахмурившись на него. — И к тому же зачем нам это делать с самими собой? Я вам говорю, у меня в мастерской творится ад! Вещи летают туда-сюда! Не успел я войти, как большая и очень дорогая

колба разбилась вдребезги!

— Мерри, кажется, это был очень ценный опыт!

Груда тел расступилась, выдвинув вперёд генерального секретаря и верховного дурака Гильдии шутов и пересмешников. Он задрожал при виде такого внимания — впрочем, он и так всё время дрожал. Выглядел он так, будто его лицо слишком много раз служило мишенью для тортов, его спина всегда была белая, а нервы готовы лопнуть окончательно при звуке очередной подушки-пердушки. Мастера других гильдий старались говорить с ним ласково — так разговаривают с людьми, стоящими на краю очень высокой крыши.

— Что ты хотел сказать, Джоффри? — уточнил Чудакулли как можно мягче.

Шут сглотнул.

— Ну, видите ли, — пробормотал он, — колба была дорогая, то есть ценная, а алхимики с её помощью ставили опыты. Вот и получается каламбур «ценный опыт», который алхимик как бы приобрёл. Ценный опыт. Понимаете? Игра слов. Эм-м… Не очень смешно получилось, верно?

Аркканцлер поглядел в его глаза, похожие на два потёкших яйца.

— Ах, это *шутка*, — понял он. — Ну конечно. Хо-хо-хо! — Он махнул рукой, чтобы остальные подхватили.

— Хо-хо-хо, — повторил первосвященник.

— Хо-хо-хо, — согласился глава Гильдии убийц.

— Хо-хо-хо, — подтвердил алхимик, — и знаешь, шутка ещё смешнее оттого, что колба была не для опытов.

— Так, значит, вы хотите мне сказать, — произнёс патриций, когда шута заботливо увели прочь, — что никто из вас не несёт ответственности за происходящее?

При этих словах он со значением посмотрел на Чудакулли.

Аркканцлер уже собирался ответить, как вдруг заметил краем глаза движение на столе патриция.

Там стояла модель дворца в стеклянном шарике. А рядом с ней лежал нож для бумаг.

И этот нож медленно сгибался.

— Ну? — переспросил патриций.

— Это не мы, — без выражения промямлил Чудакулли. Патриций проследил за его взглядом.

Нож уже свернулся в дугу.

Патриций оглядел перепуганную толпу и нашёл в ней капитана Докси из Дневной Стражи.

— А *вы* можете что-то с этим сделать?

— Эм-м… С ножом, сэр? Ну… Думаю, можно его арестовать за злостное сгибание.

Витинари всплеснул руками.

— Итак. Это не магия! Это не боги! Это не люди! Так *что* это? И кто это остановит? Кого ещё мне вызвать?

Полчаса спустя стеклянный шарик исчез. Никто этого не заметил. Впрочем, как всегда.

А вот Госпожа Торт знала, кого ей вызвать.

— Ты тут, Один-Человек-Ведро? — спросила она.

И пригнулась, просто на всякий случай.

Из пустоты просочился тонкий и недовольный голосок:

«где вы были? тут яблоку негде упасть!»

Госпожа Торт закусила губу. Прямой ответ означал, что её дух-проводник тревожился. Когда его ничто не беспокоило, он мог минут пять

болтать о бизонах и великих белых духах. Хотя единственное, что Один-Человек-Ведро мог при жизни сделать с духами — это выпить их по ошибке, приняв за огненную воду. И лучше не думать, что он сделал бы с бизоном. А ещё он упорно вставлял слова типа «ум-м» и «хау».

— Что ты имеешь в виду?

«у вас там катастрофа случилась или что? или какая чума на десять секунд?»

— Нет. Вроде ничего такого.

«а тут всё переполнено, знаете ли, что всех держит?»

— Да что ты имеешь в виду?

«цыццыццыццыц, я пытаюсь говорить с мадам! да, вот вы там, притихли! лады? сосибочки…»

Госпожа Торт разобрала другие голоса, пытавшиеся его заглушить.

— Один-Человек-Ведро!

«это я-то дикарь? а знаешь, что этот дикарь тебе скажет? а? так вот слушай, я тут уже более сотни лет! и не потерплю такого обращения от того, чей труп ещё не остыл! а вот и да, ты…»

Его голос утих.

Госпожа Торт стиснула зубы.

Его голос вернулся.

«…ах так, значит? так, значит? может, при жиз-

ни ты и был крут, приятель, но здесь и сейчас ты всего лишь простыня с дырками! ой, не нравится ему, ну…»

— Мам, он сейчас опять драку затеет, — сказала Людмилла, лежащая клубочком у очага. — Он всегда говорит людям «приятель», когда собирается морду набить.

Госпожа Торт вздохнула.

— И похоже, он собирается её набить *куче народа*, — добавила Людмилла.

— Ой, ну ладно. Принеси-ка мне вазу. Только, чур, дешёвую.

Многие полагают, но немногие *точно знают*, что у всего есть духовная форма и всё после гибели какое-то время существует в узком просвете между мирами живых и мёртвых. А это важно.

— Нет, не эту. Эта бабушкина.

Этот призрачный остаток существует недолго, если его не удерживает сознание, но в зависимости от того, что вы задумали, этого может и хватить.

— Вот эта подойдёт. Мне никогда узор не нравился.

Госпожа Торт взяла из лап дочери оранжевую вазу, расписанную розовыми пионами.

— Ты ещё тут, Один-Человек-Ведро?

«…ты у меня сейчас пожалеешь, что умер, жалкий ты…»

— Лови.

Она бросила вазу в очаг. Ваза разбилась.

Через мгновение донёсся звук с Той Стороны. Точь-в-точь такой, как если одного бестелесного духа другой бестелесный дух приложил духом вазы.

«То-то, — раздался голос Одного-Человека-Ведро, — а у неё там ещё таких штук много, ясно?»

Мать и мохнатая дочь Торты кивнули друг другу.

Когда Один-Человек-Ведро вновь заговорил, в его голосе сочилось самодовольство.

«просто немного восстановил тут субординацию, — сказал он. — мальца расчистил личное пространство. у нас тут куча проблем, Госпожа Торт здесь как в приёмной…»

Его перебил пронзительный гвалт других бестелесных голосов.

«…вы не могли бы передать послание господину…»

«…скажите ей, кошелёк с золотыми спрятан в дымоходе…»

«…пусть не отдаёт серебро Агнессе, а то она такое сказала про нашу Молли…»

«…я не успела покормить кота, пусть кто-нибудь…»

«…цыццыццыццыц! — Это снова был Один-Человек-Ведро. — вы что, не понимаете? это спиритический сеанс! а вы со своими котами лезете! тут положено говорить всякое вроде „я здесь очень счастлив, жду не дождусь, когда вы присоединитесь“».

«…ну погоди, если все к нам присоединятся, мы тут по головам ходить будем…»

«…суть не в том, не в том суть, я что хочу сказать, когда ты призрак, надо говорить как положено. госпожа Торт?»

— Да?

«вам надо кому-нибудь об этом рассказать…»

Госпожа Торт кивнула.

— А теперь уходите все, — сказала она. — У меня опять начинается мигрень.

Хрустальный шар померк.

— Ну что? — сказала Людмилла.

— Жрецам рассказывать не буду, — отрезала Госпожа Торт.

Не то чтобы Госпожа Торт не была религиозна. Была, и, как вы уже поняли, весьма и весьма.

Не было ни единого храма, церкви, мечети или груды стоячих камней в этом городе, куда она не

ходила бы какое-то время. После чего внушала церквям больший ужас, чем Эпоха Просвещения. Один вид пухлого тельца Госпожи Торт на пороге мог посреди ритуала намертво лишить жрецов дара речи.

Намертво. В том-то и суть. Все религии имели строгие правила насчёт разговоров с мёртвыми. Как и Госпожа Торт. Они считали, что это грех. Госпожа Торт считала, что это просто вежливость.

Это часто приводило к яростным теологическим дебатам, в ходе которых Госпожа Торт пыталась «вложить немного ума» первосвященнику. В итоге Госпожа Торт вложила столько своего ума по всему городу, что, по идее, давно должна была растратить его весь. Но, как ни странно, чем больше ума она раздавала, тем больше у неё оставалось.

Дело было ещё и в Людмилле. Людмилла была проблемой. Покойный господин Торт, мир-его-праху, при жизни даже на луну не свистел, поэтому госпожа Торт подозревала, что в Людмилле проявилось давнее семейное наследие тех времён, когда они жили в горах, или, может, в детстве она подхватила *генетику*. Мадам припоминала туманные намёки матери, что их

прадядя Эразм порой обедал под столом. Так или иначе, три недели из четырёх Людмилла была приличной и вполне вертикальной девицей, а в остальное время — очень воспитанной мохнатой волчицей.

Не все жрецы так смотрели на это. Рано или поздно госпожа Торт ссорилась со всеми жрецами[11], служившими посредниками между ней и её текущими богами. К тому времени она благодаря бесконечно напористому характеру уже обычно была ответственной за расстановку букетов, мытьё алтаря, уборку храма, очистку жертвенного камня, почётную рудиментарную девственность, ремонт пуфиков и прочие мелкие, но необходимые повседневные дела. Так что её уход из храма приводил к полному хаосу. Госпожа Торт застегнула плащ.

— Это не поможет, — сказала Людмилла.

— Пойду к волшебникам. Они-то должны докумекать, — сказала госпожа Торт.

Она буквально трепетала от собственной важ-

---

[11] Примечания: 11

Госпожа Торт слышала, что в некоторых религиях существуют жрицы. Но то, что мадам думала о рукоположении в сан женщин, мы напечатать не можем — цензура не пропустит. На ритуалы со жрицами в Анк-Морпорке часто заявлялась толпа переодетых жрецов других конфессий, которые просто отдыхали тут пару часиков, зная, что точно не встретят госпожу Торт.

ности, словно маленький мячик ярости.

— Да, но ты сама говорила, они никого не слушают, — возразила Людмилла.

— Придётся попробовать. И кстати, почему ты не в комнате?

— Ой, мам. Ты же знаешь, я ненавижу там сидеть. Незачем…

— Осторожность не помешает. А вдруг тебе в голову взбредёт погонять соседских кур? Что люди скажут?

— Меня никогда не тянет гонять кур, мам, — устало сказала Людмилла.

— Или за каретами бегать и лаять.

— Это *собаки* делают, мам.

— Так что будь хорошей девочкой, топай в комнату, запрись и займись вышиванием.

— Мам, ты же знаешь, я не могу удержать иголку.

— А ты попробуй, ради мамочки.

– *Ладно*, мама, — проворчала Людмилла.

— И к окнам не подходи. Чтобы люди не пугались.

— Да, мама. А ты не забудь включить предвидение. Ты же знаешь, зрение у тебя уже не то.

Госпожа Торт проследила, как дочь поднимается по лестнице. Затем заперла входную дверь

за собой и зашагала в сторону Незримого университета, в котором, говорили, творился самый разный абсурд.

Тот, кто проследил бы за шествием Госпожи Торт по улицам, отметил бы необычные особенности. Хотя походка её была нестройной, никто в неё не врезался. От неё не шарахались, она просто не оказывалась там, где другие. В какой-то момент она замерла и шагнула в переулок. Через мгновение с телеги, разгружавшейся у таверны, скатилась бочка и разбилась о брусчатку там, где она только что стояла. Затем она вышла из переулка и перешагнула через обломки, бормоча что-то под нос.

Госпожа Торт вообще то и дело бормотала. Её рот находился в постоянном движении, будто она пыталась извлечь что-то застрявшее между зубами.

Дойдя до высоких чёрных врат Университета, она вновь остановилась, будто прислушиваясь к внутреннему голосу.

Затем отошла в сторону и стала ждать.

Билл Дверь лежал в темноте на сеновале и ждал. Снизу изредка доносились звуки, издаваемые лошадью Бинки: шаги, жевание.

Билл Дверь. Итак, у него появилось имя. Конечно, имя у него и прежде было, но оно означало то, что он воплощал, а не того, кто он есть. Билл Дверь. Звучало славно и солидно. Господин Билл Дверь. Вильям Дверь, эсквайр. Билли Ди… нет. Никаких Билли.

Билл Дверь закопался поглубже в сено, пошарил в мантии и извлёк золотые часы. В верхней колбе осталось ощутимо меньше песка. Убрал.

Итак, ему предстоял так называемый «сон». Он знал, что это такое. Люди этим подолгу занимались. Ложились — и начинался сон. Вероятно, у этого была какая-то цель. Он наблюдал за ними из любопытства. Теперь следовало это проанализировать.

Ночь плыла над миром, а её хладнокровно преследовал новый день.

В курятнике на той стороне двора что-то встрепенулось.

— Ку-ка… кхм.

Билл Дверь уставился на крышу хлева.

— Ку-ка-ре… кхм.

Сквозь щели пробивался серый рассвет.

А ведь всего несколько минут назад там был багровый свет заката!

Шесть часов промелькнули, как не бывало.

Билл выхватил часы. Да. Уровень песка определённо снизился. Пока он ждал наступления сна, что-то украло часть его… его *жизни*. И он совершенно это упустил…

— Ку… Ку-к… кхм…

Он слез с чердака и вышел в утреннюю дымку.

Уставился на курятник. Пожилые куры настороженно глядели в ответ. Старый петух смущённо посмотрел на него и пожал крыльями.

Со стороны дома раздался звон. У двери висел железный обод от бочки, и госпожа Флитворт яростно колотила по нему половником.

Он пошёл посмотреть, в чём дело.

— К ЧЕМУ ТАКОЙ ШУМ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ?

Она обернулась, держа в руке занесённый половник.

— Батюшки, ты, видать, ходишь тихо, как кошка! — воскликнула она.

— ВАМ ЭТО ВИДАТЬ?

— В смысле, я не услышала, как ты подошёл. — Она отступила и оглядела его с головы до ног. — Что-то с тобой не так, Билл Дверь, но что именно — ума не приложу, — сказала она.

Двухметровый скелет стоически выдержал осмотр. Ему казалось, что сказать тут нечего.

— Что хочешь на завтрак? — спросила старушка. — Не то чтобы у тебя был выбор — так и так будет овсянка.

Позже она подумала: *«Должно быть, он съел её, ведь тарелка пуста. Но почему я не помню, как он ел?»*

А ещё эти странные дела с косой. Он глядел на неё так, будто видел такую впервые. Она указала ему на поперечные ручки и защитный трос на стыке. Он вежливо изучил их.

— А КАК ТОЧИТЬ ЕЁ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ?

— Помилуй, да она и так острее некуда!

— НО КАК НАТОЧИТЬ ЕЁ ЕЩЁ ОСТРЕЙ?

— Никак. Острая — значит, острая. Острее не сделаешь.

Он махнул косой в воздухе и разочарованно вздохнул.

А потом были странные дела с травой.

Покос был высоко на холме позади фермы, над пшеничным полем. Она понаблюдала, как он работает. У него была самая необычная методика, какую она только видела. Она даже не думала, что так можно косить.

Наконец, она сказала:

— Славно, славно. И замах, и удар — всё при тебе.

— БЛАГОДАРЮ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Но зачем ты срезаешь по одной травинке?

Билл Дверь уставился на ровный ряд стеблей.

— А БЫВАЕТ КАК-ТО ПО-ДРУГОМУ?

— Можно, знаешь ли, срезать помногу за раз.

— НЕТ-НЕТ. КАЖДОМУ ПОЛОЖЕН СВОЙ УДАР. ОДИН ВЗМАХ — ОДИН СТЕБЕЛЬ.

— Но *так* ты много не накосишь, — возразила госпожа Флитворт.

— Я СКОШУ ВСЁ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Да ну?

— ДОВЕРЬТЕСЬ МНЕ.

Госпожа Флитворт оставила его в покое и ушла в домик. Стоя у окна в кухне, она какое-то время наблюдала за тёмной фигурой вдали.

Интересно, что он натворил, подумала она. *У него явно есть Прошлое. Наверное, он один из этих Загадочных Типов. Может, совершил ограбление и Залёг на Дно.*

Он уже выкосил целый ряд. По одной за раз, но, как ни странно, куда быстрей, чем работники, косившие целыми снопами…

Госпожа Флитворт читала только «Альманах фермера и посевной каталог», который обычно лежал в сортире и мог там протянуть целый год, если никого не пронесёт. Помимо строгих сведений о фазах луны и графике посевов, его авторы злорадно смаковали описания массовых убийств, жестоких ограблений и природных бедствий, обрушивавшихся на человечество. Как-то вроде «15 июня, Год Внезапного Горностая: в этот день 150 лет назад мужчина погиб от внезапного выпадения гуляша в Щеботане» или «14 человек пало от рук Чума, Жестокого Метателя Сельди».

Самое важное в этих историях — они всегда происходили далеко-далеко, словно само прови-

дение держало их подальше. А в округе ничего не происходило, не считая изредка кражи кур или тролля-шатуна. Конечно, в холмах тоже водились грабители и бандиты, но они вполне ладили с местными жителями и даже служили важной частью местной экономики. И всё же она чувствовала себя в безопасности, когда на ферме жил ещё кто-то.

Мрачная фигура на склоне уже углубилась во второй ряд. Скошенная трава позади неё быстро сохла на солнце.

— Я ЗАКОНЧИЛ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Тогда пойди покорми свинью. Кстати, её зовут Нэнси.

— НЭНСИ, — повторил Билл и покатал слово во рту, словно хотел распробовать его со всех сторон.

— В честь моей мамы.

— ПОЙДУ ПОКОРМЛЮ СВИНЬЮ НЭНСИ,

ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

Госпоже Флитворт показалось, что прошли считанные секунды.

— Я ЗАКОНЧИЛ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

Она поглядела на него, прищурившись. Затем нарочито медленно вытерла руки, вышла на двор и направилась в свинарник.

Нэнси стояла по самые глаза в свежих отрубях.

Госпожа Флитворт не знала, что именно сказать. Наконец она произнесла:

— Очень славно. Очень славно. Ты… ты явно работаешь… быстро.

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ, А ПОЧЕМУ ПЕТУХ НЕ КУКАРЕКАЕТ, КАК ПОЛОЖЕНО?

— Ой, старина Сирил? У него с памятью проблемы. Забавно, правда? Жаль, что у него не получается.

Билл Дверь нашёл на старой кузне кусочек мела, взял доску из обломков и какое-то время

очень аккуратно писал. Затем прибил доску перед курятником и указал на неё Сирилу.

— ТЫ ЭТО ПРОЧИТАЕШЬ, — сказал он.

Сирил близоруко уставился на надпись «*Кукареку*» мрачным готическим шрифтом. В глубине его крохотного, глупого куриного мозга нарастало пугающее понимание, что ему придётся научиться читать. И как можно скорей.

Билл Дверь сидел на сене и обдумывал прошедший день. День вышел насыщенный. Он косил сено, кормил скот и даже починил окно. Ещё нашёл старый комбинезон, висевший в хлеву. Ему показалось, что он куда лучше подходит для Билла Двери, чем мантия, сотканная из кромешной тьмы, так что он его надел. А ещё госпожа Флитворт дала ему широкополую соломенную шляпу.

А ещё он вызвался сходить в городок за полмили отсюда. Городок был безлошадный — будь

у них лошадь, они бы давно её съели. Казалось, местные жили только тем, что воровали друг у друга бельё с верёвок.

Там была площадь, совершенно жалкая. Просто расширенный перекрёсток, а на нём ратуша с часами. Ещё имелась таверна. Он в неё зашёл.

Поначалу все стихли, пока их разум не сосредоточился так, чтобы уделить ему место, и тогда его встретили с осторожным гостеприимством. Всё-таки новости разносятся быстрее под винцо с виноградом.

— Вы, видать, новый работник у госпожи Флитворт, — заметил бармен. — Господин Дверь, так, кажется?

— ЗОВИТЕ МЕНЯ БИЛЛ.

— Ага. Когда-то давно там была миленькая старая ферма. Мы и не думали, что бабка там останется.

— Ага, — согласилась парочка стариков у камина.

— АГА.

— Недавно в наших краях? — спросил бармен.

Внезапное молчание остальных посетителей напоминало чёрную дыру.

— НЕ ВПОЛНЕ.

— Значит, бывали уже у нас?

— ТОЛЬКО ПРОЕЗДОМ.

— Поговаривают, госпожа Флитворт чокнутая, — заявили со скамьи у потемневших от дыма стен.

— Поумней твоего будет, малый! — возразил другой сгорбленный пьянчуга.

— Ну да. Ума у неё палата. Но при этом чокнутая.

— А ещё говорят, у ней цельные ящики сокровищ в этой ейной гостиной.

— Да нет у неё денег. По любому поводу жмотится.

— Вот-вот! Богачи — самые жмоты на свете и есть.

— Ладно. Умная и богатая. Но всё равно чокнутая.

— Ежели ты богатый, то уже не чокнутый. Богатые бывают только *эксцентричными*.

Вновь повисла давящая тишина. Билл Дверь отчаянно искал, что сказать. В болтовне он никогда не был силён. Повода попрактиковаться не было.

Что люди говорят в такие моменты? Ах да.

— Я ПОКУПАЮ ВСЕМ ВЫПИВКУ, — объявил он.

Потом они научили его игре, состоявшей из стола с дырками и сетками по углам и шаров, тщательно вырезанных из дерева, и эти ша-

ры надо было сталкивать друг с другом, чтобы отскакивали в дырку. Игра называлась как-то вроде «миллиард». Играл он в неё хорошо. По правде говоря, идеально играл. Поначалу он просто не умел играть иначе. Но, услышав, как другие ахают, он исправился и начал совершать точно выверенные ошибки. Когда его начали учить игре в дротики, он уже отточил этот приём. Чем больше он ошибался, тем больше нравился людям. Так что он метал маленькие пернатые дротики с убийственной меткостью: ни один не попадал ближе фута к мишени. Одним он даже умудрился срикошетить от гвоздя и лампы и попасть кому-то в пиво. Все хохотали как безумные, а одному старику от смеха даже стало дурно, и пришлось его вывести на свежий воздух.

Его называли Стариной Биллом. Никто его раньше так не называл.

Какой удивительный вечер!

Был лишь один неприятный момент, когда тоненький голосок сказал: «Да это же шкилет!» Он обернулся и увидел маленькую девочку в ночнушке, которая глядела на него, сидя на барной стойке, — без страха, скорее даже с восторгом.

Владелец заведения, которого, как уже знал Билл Дверь, звали Лифтон, нервно хохотнул и

извинился.

— Фантазёрка она у меня, — сказал он. — Чего только не лопочут дети, да? А ну, марш в постель, Салли. И извинись перед господином Дверью.

— Но он же шкилет в одежде, — упрямилась девочка. — Почему сквозь него пиво не проваливается?

Он едва не запаниковал. Кажется, его могущество слабело. Обычно люди не могли его разглядеть — он оставлял своего рода пробел в их ощущениях, и они заполняли эту пустоту в голове деталями на свой выбор. Но это касалось взрослых. Похоже, это не защищало его от подобных заявлений. Он ощутил, как вокруг все растерялись. Но тут мать девочки очень вовремя вышла из подсобки и забрала дитя. Сдавленное нытьё про «шкилета, у которого все кости торчат» стихло за поворотом лестницы.

А всё это время старинные часы над камином всё тикали и тикали, отрубая по секунде от его жизни. Ещё недавно казалось, что их так много…

В дверь амбара под сеновалом тихонько постучали. Он услышал, как она открылась.

— Ты там в приличном виде, Билл Дверь? — раздался голос госпожи Флитворт во мраке.

Билл Дверь проанализировал смысл вопроса, учитывая контекст.

— ДА? — предположил он.

— Я тебе парного молочка принесла.

— ДА?

— Давай, поспеши. А то остынет.

Билл Дверь осторожно спустился по лесенке.

Госпожа Флитворт ждала его с фонарём в руках и шалью на плечах.

— Я туда корицу добавила. Мой Руфус любил корицу. — Она вздохнула.

Билл Дверь имел о подтекстах и интонациях примерно такое же представление, как астронавт на орбите — о погоде на Земле. Всё видно, всё прямо тут, готово к изучению — но бесконечно далеко от фактического опыта.

— СПАСИБО, — сказал он.

Госпожа Флитворт огляделась.

— Я смотрю, ты тут уютно устроился, — бодро сказала она.

— ДА.

Она потеплее закуталась в шаль.

— Ну, тогда я в дом пойду, — сказала она. — Кружку можешь занести поутру.

Она стремительно ушла в ночь.

Билл Дверь взял молоко с собой на чердак. Поставил на стропила, сел и стал наблюдать, как оно остывает и гаснет свеча. И ещё после этого.

Наконец он начал различать назойливый шелест. Он достал золотые часы и засунул их в дальний конец чердака, прикрыв копной сена.

Тише не стало.

Ветром Сдумс, прищурившись, вгляделся в цифры — не меньше сотни Считающих сосен пало ради одной этой улицы — и вдруг понял,

что щуриться уже не надо. При жизни он привык быть близоруким, но сейчас его зрение стало острее некуда.

Дом № 668 удалось найти не сразу — адрес оказался на втором этаже над ателье. Вход был из переулка. Там на облупившейся стене кто-то прикрепил объявление с оптимистичным текстом:

«Заходите! Заходите!! Клуб „Новое начало“.

Смерть — это ещё не конец!!!»

За дверью оказалась лестница, где пахло старой краской и дохлыми мухами. Ступени скрипели даже громче колен Ветрома Сдумса.

На стенах кто-то оставил надписи. Слоганы были необычными, но общий настрой узнавался: «Покойники всех стран, подымайтеся, вам нечаво терять, окромя своих цепей! Молчаливое большинство требует Прав Мёртвым! Немедленно прекратить живизм!!!»

Наверху оказалась площадка с одной дверью.

Давным-давно тут кто-то повесил масляную лампу под потолок, но казалось, её никто не зажигал уже тысячи лет. Древний паук, вероятно питавшийся остатками масла, лениво наблюдал за ним из паутины.

Ветром снова поглядел на визитку, по привычке глубоко вдохнул и постучался.

Аркканцлер шагал обратно в университет, пылая яростью, а остальные безнадёжно плелись следом.

— Кого ему вызвать? Кого вызвать? *Это же мы* тут волшебники, а не кто-нибудь!

— Да, только мы по правде не знаем, что творится, верно? — уточнил декан.

— Так, значит, выясним! — рявкнул Чудакулли. — Уж не знаю, кого *он* вознамерился вызвать, но я, чёрт возьми, знаю, кого вызвать *мне*!

Он резко остановился. Остальные волшебники с разбегу влепились в него сзади.

— О нет, — произнёс главный философ. — Умоляю, только не это!

— Да это же проще простого, — ответил Чудакулли. — Не о чем волноваться. Я ещё прошлым вечером вычитал, по правде. Понадобится три щепки и…

— Четыре мэгэ мышиной крови, — траурно закончил главный философ. — И даже это не

обязательно. Хватит двух щепок и яйца. Только яйцо должно быть свежим.

— А с чего вдруг?

— Так ведь мышке неприятно, когда кровь берут.

— Нет, я насчёт яйца.

— Ой, да кто эти яйца спрашивает?

— И всё равно, — заявил декан, — это слишком опасно. Мне вечно кажется, что он из октограммы не выходит лишь потому, что в ней смотрится лучше. Ненавижу, когда он пырит на тебя и как будто секунды считает.

— Да-да, — согласился главный философ. — Не надо нам такого. Мы обычно сами со всем справляемся. Драконы, чудовища всякие. Крысы. Помните прошлый год? Крысы запрудили буквально всё. Но лорд Витинари не стал нас слушать, нет-нет. Он заплатил оборванцу в полосатых лосинах, чтобы тот их прогнал.

— Так у него же получилось, — напомнил преподаватель современного руносложения.

— Конечно получилось, чёрт возьми, — воскликнул декан. — И в Щеботане получилось, и в Сто Лате. Даже в Псевдополисе прокатило бы, не опознай его кое-кто. Это же были «Изумительный Морис и его дрессированные грызуны»!

— Нечего менять тему, — перебил Чудакулли. — Мы собираемся провести Ритуал АшКент. Так?

— И призвать Смерть, — продолжил декан. — Ой-ёй…

— Да что такого в Смерти? — удивился Чудакулли. — Он же профессионал. Просто работа у парня такая. Ничего личного. Честный малый, спросим его прямо, и никаких проблем. Уж он-то знает, что творится.

— Ой-ёй, — повторил декан.

Они дошли до ворот. Госпожа Торт шагнула наперерез, загородив арккканцлерру дорогу.

Брови Чудакулли полезли на лоб.

Арккканцлер был не из тех, кто любит вести себя с женщинами грубо и невоспитанно. Если точнее, он был груб и невоспитан абсолютно со всеми, независимо от пола — можно сказать, так он поддерживал равноправие.

Всё могло случиться иначе, если бы один из участников разговора не слышал заранее, что ему скажут через несколько секунд, а второй слушал вообще хоть что-нибудь из сказанного.

Госпожа Торт начала с ответа.

— Я вам не «дамочка»! — огрызнулась она.

— А вам чего, дамочка? — спросил арккканцлер.

— Так не говорят с почтенной госпожой, — ответила госпожа Торт.

— И нечего тут обижаться, — заявил аркканцлер.

— Ой, божечки, я правда так делаю? — удивилась госпожа Торт.

— Мадам, почему вы отвечаете ещё до того, как я что-либо скажу?

— Что?

— О чём вы?

— О чём *вы*?

— Что?

Они уставились друг на друга: разговор зашёл в непреодолимый тупик. Наконец госпожа Торт поняла, что делать.

— Я чой-то опять провижу невпопад, — сказала она, сунула палец себе в ухо и покрутила там с пронзительным скрипом. — Вот так-то ладненько будет. Так вот, чего я…

Но Чудакулли решил, что с него хватит.

— Казначей! — воскликнул он. — Будь добр, дай этой дамочке пенни, и пусть валит по своим делам.

— Что-о? — Госпожа Торт внезапно пришла в ярость.

— В наши дни вечно всякие психи под ногами

путаются, — сказал Чудакулли декану, проходя мимо.

— Это всё тяготы жизни в большом городе, — вставил главный философ. — Я где-то про это читал. У людей от этого крыша едет.

Они прошли через калитку в створке ворот, и декан захлопнул её перед носом госпожи Торт.

— А вдруг он не придёт? — волновался главный философ, пока они чертили четырёхугольник. — На поминки бедняги Сдумса он не явился.

— На Ритуал явится, — заверил Чудакулли. — Это не просто приглашение, это как заказное с оплаченным ответом!

— Славно, мне как раз надо следить за казной, — вставил казначей.

— Заткнись, а?

А вот переулок в Тенях, районе, кишащем переулками даже по меркам переполненного переулками города.

На него выкатилось что-то маленькое и блестящее и скрылось в темноте.

Затем раздался слабый звон металла.

Атмосфера в кабинете аркканцлера царила ледяная.

Наконец казначей проблеял:

— Может, он занят?

— Заткнись, — ответили все волшебники хором.

Что-то всё же произошло. Пол внутри волшебной октограммы, начерченной мелом, покрывался белым инеем.

— Такого раньше не бывало, — заметил главный философ.

— Потому что ну кто так призывает? — заявил декан. — Надо добавить свеч, ещё котлов, и чтобы всякое бурлило в пробирках, а ещё блёсток и цветного дыма…

— В этом Ритуале ничего подобного не требует-

ся, — отрезал Чудакулли.

— Ему, может, и не требуется, а мне — да! — проворчал декан. — Проводить ритуал без должного антуража — это всё равно, что мыться без одежды.

— А я так и моюсь, — удивился Чудакулли.

— Фи! Нет, каждому своё, конечно, но тут некоторые пытаются придерживаться *традиций*.

— Может, у него выходной? — спросил казначей.

— Ну да, конечно. На пляж пошёл? — съязвил декан. — Сидит в шляпе с надписью «Поцелуй меня» и пьёт прохладительные напитки?

— Тише, тише. Кто-то идёт! — прошипел главный философ.

Внутри октограммы проявился бледный силуэт фигуры в капюшоне. Она рябила, словно стояла за стеной горячего воздуха.

— Это он! — заявил декан.

— Нет, не он, — возразил преподаватель современного руносложения. — Пустая серая мантия — а внутри ничего…

Он запнулся.

Фигура медленно повернулась. Мантия двигалась так, будто на что-то надета, но в то же время создавала ощущение пустоты, словно очерчи-

вала форму того, у чего формы нет. А капюшон был пуст.

Пустота поразглядывала волшебников несколько секунд, а затем повернулась к арккансцлеру.

Она сказала: *Кто вы?*

Чудакулли сглотнул.

— Эм-м… Я Наверн Чудакулли. Арккансцлер.

Капюшон кивнул. Декан сунул палец в ухо и недоумённо поковырял там. Капюшон совершенно точно не *говорил*. Никто ничего не слышал. Просто по итогу все почему-то помнили, *что именно* он не произнёс, хотя никто понятия не имел, откуда это известно.

Капюшон сказал: *Вы высшие создания этого мира?*

Чудакулли оглядел товарищей. Декан вылупился на него.

— Ну… знаете… пожалуй, да. Первые среди равных и всё такое… да, это мы, — выдавил из себя Чудакулли.

Ему сказали: *Для вас есть добрые вести.*

— Добрые вести? Добрые вести? — Чудакулли поморщился под безликим взглядом. — О, это славно. Это *добрая* весть.

Ему сказали: *Смерть ушёл в отставку.*

— Ого! Вот это… вести… — неуверенно протянул

Чудакулли. — Эм-м… а как? Как… именно?

Ему сказали: *Приносим извинения за недавние перебои в его услугах.*

— Перебои? — переспросил арккканцлер в недоумении. — Ну, эм-м, я не уверен, что он прямо перебил… В смысле, конечно, этот малый вечно ошивался вокруг, но не то чтобы мы…

Ему сказали: *Услуги оказывались несвоевременно.*

— Правда? Ой, ну да, никто не любит эту… несвоевременность, — признал арккканцлер.

Ему сказали: *Но теперь это бремя снято с него. Возрадуйтесь. Вот и всё. Будет краткий переходный период, пока не появится достойный кандидат, а затем услуги возобновятся как обычно. До тех пор мы приносим извинения за неизбежные побочные неудобства, вызванные избытком жизненной силы.*

Фигура всколыхнулась и начала таять.

Арккканцлер отчаянно замахал руками.

— Погодите! — крикнул он. — Нельзя вот так взять и уйти! Я повелеваю вам остаться! Каких услуг? Что всё это значит? Кто вы?

Фигура отвернулась от него и сказала: *Мы — ничто.*

— Это ничего не значит! Как вас зовут?

Мы — забвение.

Фигура исчезла.

Волшебники молчали. Иней внутри октограммы начал медленно испаряться.

— Ой-ёй, — сказал казначей.

— Краткий переходный период? И в этом всё дело? — спросил декан.

Пол содрогнулся.

— Ой-ёй, — повторил казначей.

— Это никак не объясняет, почему всё вдруг зажило своей жизнью, — заявил главный философ.

— Погодите-ка… погодите… — осенило Чудакулли. — Если люди доживают жизни до конца, покидают тела и всё такое, а Смерть их не забирает…

— Значит, они до сих пор толпятся у порога, — закончил декан. — Им некуда идти.

— Не только люди, — добавил главный философ. — Всё на свете. Всё, что умирает.

— И мир переполняется жизненной силой, — продолжил Чудакулли. Волшебники говорили монотонно, их мысли забегали вперёд разговора, спеша к ужасающему выводу.

— Они не находят выхода и слоняются по миру, — произнёс преподаватель современного руносложения.

— Призраки.

— Полтергейсты.

— Батюшки!

— Нет-нет, погодите, — перебил их казначей, до которого только сейчас дошло. — А почему это должно нас волновать? Нам-то мёртвые ничего не могут сделать, да? В конце концов, это просто люди, которые умерли. Самые обыкновенные люди. Вроде нас.

Волшебники задумались над этим. Переглянулись. И все разом закричали.

Никто не запомнил слова насчёт «достойного кандидата».

Вера — одна из величайших естественных сил в мультивселенной. Конечно, она не может сама по себе двигать горы. Но способна создать того, кто это может.

Люди неправильно представляют себе веру. Думают, что она работает задом наперёд. Якобы

сперва предмет, потом вера. На самом деле всё наоборот.

Вера крутится под твердью небесной, словно глина на гончарном круге, принимая форму. Так, например, рождаются боги. Очевидно, что их создают верующие — ведь краткая биография любого бога даёт понять, что эти типы никак не могут быть божественного происхождения. Как правило, они ведут себя именно так, как поступали бы люди, если б могли. Особенно по части нимф, золотых дождей и кары своим врагам.

Вера создаёт и многое другое.

Она сотворила Смерть. Не смерть как понятие, означающее состояние, вызванное длительным отсутствием жизни, а Смерть как личность. Он развивался параллельно с жизнью. Как только живое существо начало хотя бы подозревать о возможности вдруг стать неживым, родился Смерть. Он был Смертью задолго до того, как люди задумались о нём, они лишь придали ему форму, выдали косу и чёрный плащ тому, кто уже существовал миллионы лет.

А теперь он исчез. Но вера не исчезает. Люди продолжают верить. И как только потерялось средоточие этой веры, начали рождаться новые. Пока маленькие, не очень мощные. Отдельные

смерти для каждого живого вида, уже не единые, а конкретные.

В ручье поблёскивала чёрной чешуёй новая Смерть Однодневок. В лесах скользило незримое создание из одного лишь «стук-стук-стук» — Смерть Деревьев. Над пустыней плыл в сантиметре от земли пустой панцирь — Смерть Черепах.

А вот Смерть Людей ещё пока не сложился. Людям свойственно верить в очень сложные идеи.

Разница — как между вещами из магазина и под заказ.

В переулке стих металлический лязг.

Воцарилась тишина. Та особо зловещая тишина, когда кто-то не издаёт ни звука.

И наконец донёсся слабый звон, который постепенно растворился вдали.

— Дружище, не стой, как чужой, опустив глаза. Заходи.

Ветром Сдумс заморгал в полумраке.

Когда глаза привыкли к темноте, он понял, что перед ним в пустой пыльной комнате стоят полукругом стулья. И на них кто-то сидит.

А в центре, в той части, где был бы второй полукруг, стоял столик, за которым тоже кто-то сидел. И этот кто-то встал и подошёл к нему, протягивая руку и широко улыбаясь.

— Не говори, дай сам угадаю, — сказал этот кто-то. — Ты зомби, верно?

— Ну… — Ветром Сдумс ещё не видел людей с такой бледной кожей, тем более людей, у которых её так мало осталось. И в такой одежде, будто её постирали с опасными бритвами, пахнущей так, будто в ней кто-то не просто сдох, а сдох *и остался в ней*. И со значком «Мёртвым быть нормально!».

— Не знаю, — сказал он наконец. — Наверное. Знаете, меня похоронили, а в гробу оказалась эта

визитка. — Он выставил её перед собой как щит.

— Уж конечно. Уж *конечно*! — ответили ему.

Он мне руку захочет пожать, подумал Сдумс. *А если я возьму его за руку, у меня останется больше пальцев, чем было. Ой, божечки. Я что, вот таким в итоге стану?*

— И я покойник, — проблеял он.

— И сыт по горло всяческими притеснениями, верно? — сказал этот зеленоватый. Ветром очень осторожно пожал ему руку.

— Ну, не то чтобы сыт…

— Башмак меня звать. Редж Башмак.

— Сдумс. Ветром Сдумс, — представился Ветром. — А…

— Да-да, вечно так бывает, — обиженно произнёс Редж. — Стоит тебе помереть, и люди тебя знать не хотят, верно? Ведут себя так, будто ты подхватил какую страшную болезнь. Но ведь помереть всякий может, верно?

— Не просто *может*, а неизбежно умрёт, — вставил Ветром. — Это, я…

— Да-да, я-то знаю, каково это. Скажешь кому-нибудь, что ты помер, и на тебя смотрят как на привидение, — продолжил Башмак. Ветром понял, что общаться с Реджем — всё равно что с аркканцлером. Что ему ни говори, он всё равно

не слушает. Только в случае с Чудакулли дело в том, что ему наплевать, а Редж Башмак будто сам додумывал твои реплики из головы.

— Да, верно, — сдался Ветром Сдумс.

— Мы уже как раз заканчивали, — сказал Башмак. — Давай представлю. Народ, это… — Он запнулся.

— Сдумс. Ветром Сдумс.

— Наш брат Ветром! — подхватил Башмак. — Поприветствуйте его, как принято в «Новом начале»!

Раздался нестройный хор смущённых «приветов». Рослый и очень волосатый юноша, сидевший с краю, поймал взгляд Ветрома и театрально закатил жёлтые глаза — мол, понимаю, каково это.

— Это брат Артур Подмиг…

— Граф Неспиртату! — резко поправил его женский голос.

— И сестра Дорин… то есть графиня Неспиртату, конечно…

— Графиня в уосхищении, — произнёс тот же голос, и низенькая коренастая женщина, сидевшая рядом с низеньким коренастым графом, протянула ручку, усеянную кольцами. Сам же граф натужно улыбнулся Ветрому. Одет он был,

похоже, в театральный костюм, который был ему на несколько размеров велик.

— И брат Шлёппель…

Этот стул пустовал. Но низкий голос из темноты под ним ответил:

— Добрый вечерочек!

— И брат Люпин. — Мохнатый мускулистый юноша с длинными клыками и острыми ушами крепко пожал Ветрому руку.

— И сестра Друлль. И брат Горпер. И брат Иксолит.

Ветром пожал несколько разновидностей рук.

Брат Смолит протянул ему пожелтевший листок бумаги.

На нём было написано: «УууууИииииУууу-ИииииУууууИиии».

— Извини, сегодня больше никого нет, — продолжил Башмак. — Я стараюсь как могу, но, похоже, многие люди просто не готовы бороться.

— Эм-м… в смысле, мертвецы? — спросил Ветром, всё ещё разглядывая записку.

— Всё из-за апатии, вот что я скажу, — вздохнул Башмак. — Ну как может наше движение расти и развиваться, если они просто будут лежать себе в гробах?

За спиной Башмака Люпин начал подавать

знаки — мол, «не заводи его», но Ветром не умел вовремя остановиться.

— Какое движение? — спросил он.

— За Права Мёртвых, — гордо провозгласил Редж. — Я тебе листовку дам.

— Но погоди, ведь у мёртвых нет никаких прав? — уточнил Ветром. Краем глаза он заметил, как Люпин хлопнул по лбу ладонью.

— В этом ты чертовски *прав*! — сказал Люпин с убийственно серьёзным видом. Башмак покосился на него.

— Это всё апатия, — повторил он. — Всегда одно и то же. Стараешься для людей, а они и пальцем не шевельнут. Стоит тебе помереть, и про тебя начинают говорить всякое. И забирают всё твоё имущество. А ещё…

— Я думал, когда большинство людей умирает, они… ну… *умирают*, и всё, — заметил Ветром.

— Они просто ленятся, — заявил Башмак. — Им лень по-настоящему бороться.

Ветром никогда ещё не видел столь удручённого человека. Казалось, Редж Башмак просел на пару дюймов под тяжким грузом угнетения.

— А как тафно ты не-жив, Уэтром? — жизнерадостно спросила Дорин.

— Да совсем недолго, — ответил Сдумс, радуясь

смене темы. — Должен заметить, вышло совсем не так, как я представлял.

— Привыкнешь, — хмуро посулил Артур Подмигинс, он же граф Неспиртату. — В этом суть не-жизни. Это проще, чем упасть с утёса. Мы все тут нежить.

Люпин кашлянул.

— Ну, кроме Люпина, — поправился Артур.

— Я, так сказать, почётный член общества нежити, — кивнул Люпин.

— В качестве оборотня, — пояснил Артур.

— Я сразу понял, что он оборотень, как только увидел, — кивнул Ветром.

— Каждое полнолуние превращаюсь, — вздохнул Люпин.

— Отрастает шерсть, начинаешь выть… — понимающе продолжил Ветром.

Все покачали головами.

— Эм-м, нет, — поправил Люпин. — Скорее, *прекращаю* выть, а шерсть *выпадает*. И это до жути неприятно.

— Но разве в полнолуние оборотни не…

— Проблема Люпина в том, — пояснила Дорин, — тшто он у нас как бы с протиуоположной стороны.

— От природы-то я волк, — сказал Люпин. — За-

бавно, правда? Но каждое полнолуние превращаюсь в человека-волка. Всё остальное время я… ну, просто волк.

— Божечки, — посочувствовал Ветром. — Тебе, должно быть, очень тяжело.

— Труднее всего со штанами, — поделился Люпин.

— Эм-м… что?

— Понимаешь, людям-оборотням проще. Они просто остаются в одежде. Конечно, она может порваться, но, по крайней мере, она при них, верно? Но стоит мне завидеть полную луну, и через минуту я уже хожу на двух ногах и разговариваю, а вот штанов при этом под рукой обычно не бывает. Приходится хранить парочку в укромном месте. Господин Башмак…

— Зови меня просто Редж!

— …разрешил мне прятать штаны у него на работе.

— А я работаю в морге на Улице Вязов, — пояснил Башмак. — И не стыжусь этого. Даже удаётся иногда спасти брата или сестру.

— В смысле, как спасти? — не понял Ветром.

— Так это же я леплю визитки под крышки гробов, — ответил Башмак. — Никогда не знаешь, что выйдет. Стоит попробовать.

— И часто срабатывает? — поинтересовался Ветром, оглядывая комнату. Он намекал, что комната довольно просторная, а в ней всего восемь людей — девять, если считать голос из-под стула, на слух вполне человеческий.

Дорин и Артур переглянулись.

— С Артуром сработало, — заметила Дорин.

— Извините, — Ветром повернулся к ним, — мне показалось, что… вы двое, часом… не вампиры?

— В точку, — подтвердил Артур. — К сожалению.

— Ха! Не гофори так, — надменно перебила Дорин. — Ты толшен гордиться благородным происхоштением.

— Толшен? — передразнил Артур.

— Вас, наверное, покусала летучая мышь? — спешно поинтересовался Ветром, стараясь не стать причиной семейной ссоры.

— Юрист нас покусал, — вздохнул Артур. — Пришло мне, значит, солидное такое письмо. Ну, знаешь, с жирной восковой печатью и всем таким. Бла-бла-бла… ваш прапрадядя… приносим глубочайшие… бла-бла-бла… вы единственный живой родственник… Только что был Артур Подмигинс, владелец молодой и быстро разви-

вающейся фруктовой лавки, раз — и вот я граф Носпиртату, владелец пятидесяти акров земли на обрыве, на котором и коза не удержится, и замка, откуда даже тараканы сбежали. И в нагрузку письмо от тамошнего бургомистра — не заглянете ли обсудить налоговую задолженность за триста лет.

— Ненавижу юристов, — произнёс голос из-под стула. Звучал он печально и глухо. Ветром невольно поджал ноги под собственный стул.

— Но замок был фесьма хорош! — заметила Дорин.

— Ага, отличная груда плесневелых камней, — возразил Артур.

— Оттуда прекрасный уид.

— Ага, через дыры в каждой стене, — ответил Артур, у которого, похоже, наболело. — Надо было догадаться, что дело нечисто, прежде чем ехать его смотреть. Я сразу повернул обратно, помнишь? Ещё подумал, ну вот, четыре дня впустую, а мог бы фрукты продавать, самый сезон. Ни о чём другом и не думал. И вдруг просыпаюсь в темноте в каком-то ящике, нашарил кое-как спички, зажёг одну, а в считанных вершках от моего носа — эта вот визитка. И там написано…

— «Хватит молча лежать и терпеть», — с гордо-

стью вспомнил Башмак. — Одна из моих первых.

— Ну, исфини, что я должна была поделать? — напряглась Дорин. — Ты лежал и не тфигался целых три дня!

— Жрец тогда был в шоке, надо сказать, — добавил Артур.

— Ой, эти жрецы! — воскликнул Башмак. — Все они одинаковы. Твердят, что после смерти тебя ждёт жизнь вечная, но стоит тебе и впрямь её попробовать — и у них физиономии вытягиваются!

— И жрецов тоже не люблю, — произнёс голос из-под стула. Ветром задумался, слышит ли его кто-нибудь ещё.

— Никогда не забуду лицо преподобного Велигара, — хмуро продолжил Артур. — Я в тот храм тридцать лет ходил. Меня в пастве уважали. А теперь я и подумать не могу хоть шагу ступить в религиозное заведение — сразу нога болеть начинает.

— Да, но и он нехорошие вещи сказал, когда ты поднял крышку, — вставила Дорин. — Он всё-таки жрец. Им даже знать такие слова не полагается.

— А я любил ходить в тот храм, — мечтательно заявил Артур. — В нём было чем заняться по средам.

Ветром Сдумс про себя подметил, что она вдруг научилась выговаривать «в».

— А вы тоже вампирша, госпожа Под… простите… *графиня* Носпиртату? — спросил он вежливо.

— Уоистину, — улыбнулась она.

— По мужу, — уточнил Артур.

— А так бывает? Я думал, нужно, чтобы тебя укусили… — удивился Ветром.

Голос под стулом хихикнул.

— С чего бы мне вдруг кусать женщину, на которой я тридцать лет женат? — возмутился граф. — Бред какой-то.

— Супруга толшна разделять хобби супруга, — добавила Дорин. — Это позфоляет браку оставаться интересным.

— Да кому нужен интересный брак? Я никогда не просил интересный. Вот в чём проблема: в наши дни люди рассчитывают, что всё будет интересным, даже брак, — простонал Артур. — И никакое это не хобби. Ты же знаешь, меня весь этот вампиризм не вставляет. На солнце выходить нельзя, чеснок есть нельзя, побриться нормально и то нельзя…

— А почему побриться… — начал было Ветром.

— Потому что *зеркалом* пользоваться нельзя, —

ответил Артур. — Я думал, хоть превращение в летучую мышь выйдет интересным, но местные совы им проходу не дают. А ещё это… ну, знаете… насчёт крови… — Он запнулся.

— Артуру никогда не утафалось зафодить знакомстфа с людьми, — закончила Дорин.

— Но больше всего бесит, что надо всё время носить парадный костюм, — продолжил Артур и покосился на Дорин. — Я сомневаюсь, что уж это-то обязательно.

— Отшень фажно подтершифать традиции, — возразила Дорин.

Помимо непостоянного — то он есть, то нет — «вампирского» акцента, Дорин дополнила свой образ вечерним платьем, которое, видимо, сочла подобающим для женщины-вамп — чёрным и обтягивающим, как перчатка, а также длинными чёрными волосами с треугольной челкой и бледным гримом. От природы же она уродилась невысокой, пухлой, румяной и кучерявой, и скрыть это никак не удавалось.

— Надо было оставаться в том гробу, — простонал Артур.

— Нет-нет! — возразил Башмак. — Это путь наименьшего сопротивления. Нашему движению нужны ребята вроде тебя, Артур. Нужно подавать

пример. Вспомни наш девиз!

— Какой из девизов, Редж? — устало спросил Люпин. — У нас их много.

— Нежить — да, неважный — нет! — напомнил Редж.

— Понимаешь, вообще-то он нам добра желает, — пояснил Люпин, когда собрание наконец разошлось.

Они со Сдумсом вышли в серые лучи рассвета. Чета Носпиртату убыла пораньше, прежде чем солнечный свет добавил Артуру проблем, а Башмак ушёл, по его словам, на митинг.

— Он ходит на кладбище за храмом Мелких Богов и орёт там лозунги, — пояснил Люпин. — Называет это «пробуждением самосознания», но не припомню, чтобы кто-нибудь пробудился.

— А кто был под стулом? — поинтересовался Ветром.

— Шлёппель, — сказал Люпин. — Мы думаем,

он страшила.

— А страшилы разве нежить?

— Он не уточнял.

— Кто-нибудь его видел? Я слышал, что страшилы прячутся где-нибудь под кроватью или там в шкафах, а потом внезапно выскакивают на людей.

— Да, прячется он знатно. Но, похоже, не любит выскакивать, — сказал Люпин.

Ветром задумался над этим. Страшила-агорафоб? Ну вот, теперь полный набор.

— Подумать только, — сказал он непонятно о чём.

— Мы ходим в клуб, только чтобы порадовать Реджа, — признался Люпин. — Дорин говорит, если мы бросим, это разобьёт ему сердце. А знаешь, что самое ужасное?

— Ну-ну? — заинтересовался Ветром.

— Иногда он приносит гитару и заставляет нас петь что-нибудь типа «Улицы Анк-Морпорка» или «Мы всё преодолеем»[12]. Это кошмар.

— Не умеет петь, да? — спросил Ветром.

— Петь-то ещё ладно. Ты когда-нибудь видел,

---

[12] Примечания: 12

Эта песня существует на разных языках и распространена во всех мирах мультивселенной. Поющие её со временем взрослеют, и уже следующее поколение поёт «Мы всё преодолеем», протестуя против них.

как зомби играет на гитаре? Приходится потом собирать его пальцы по всей комнате. Стыдоба просто, — вздохнул Люпин. — Кстати, сестра Друлль — вурдалак. Если предложит угостить тебя мясным пирогом, лучше откажись.

Ветром вспомнил неприметную скромную старушку в бесформенном сером платье.

— Ой, божечки, — сказал он. — Хочешь сказать, она их печёт с человечиной?

— Что? Нет-нет. Просто готовит она ужасно.

— А-а.

— А брат Смолит, наверное, единственный в мире банши-заика. Так что вместо того, чтобы сидеть на крышах и вопить, пророча людям смерть, он просто пишет им записки и подсовывает под двери…

Ветром вспомнил это грустное вытянутое лицо:

— Мне он тоже записку дал.

— Мы стараемся его подбодрить, — сказал Люпин. — Уж очень он неуверенный в себе.

Вдруг он резким движением руки прижал Ветрома к стене.

— Тихо!

— Что?

Уши Люпина зашевелились, ноздри раздулись.

Жестом велев Ветрому стоять на месте, человеоборотень бесшумно скользнул по переулку до перекрёстка с другим, ещё более узким и грязным. Он замер на миг, а затем резко сунул мохнатую руку за угол.

Кто-то ойкнул. Рука Люпина выдернула брыкающегося мужчину. Под рваной рубахой Люпина напряглись мускулы, он поднял пленника на уровень своих клыков.

— Ты собирался напасть на нас, не так ли? — спросил Люпин.

— Кто, я?

— Я учуял твой запах, — спокойно продолжил Люпин.

— Да я бы ни за что…

— Знаешь, а волки так никогда не поступают. — Люпин вздохнул.

Пленник болтался у него в руке.

— Эй, да ладно? — сказал он.

— Мы дерёмся открыто, морда к морде, клыки на клыки, — продолжил Люпин. — Не бывало ещё такого, чтобы волки устроили за скалами засаду и пытались ограбить прохожего барсука.

— Можно я пойду?

— А может, тебе глотку порвать?

Грабитель поглядел в жёлтые глаза и прикинул

свои шансы против двухметрового мужика с такими зубами.

— А я могу выбрать, да?

— Мой товарищ, — Люпин указал на Ветрома, — между прочим, зомби…

— Ну, я вряд ли могу считаться *настоящим* зомби. Кажется, для этого надо съесть какую-то рыбу и корешки…

— …а ты же знаешь, *что* зомби делают с людьми, да?

Бедняга попытался кивнуть, хотя лапища Люпина держала его прямо под подбородком.

— Ага-а-а, — выдавил он.

— Так вот, сейчас он на тебя внимательно посмотрит — и если ещё хоть раз потом увидит…

— …То скажу: «О, я тебя знаю!», — пробормотал Ветром.

— …То он с тобой разберётся. Верно, Ветром?

— Что? Ах да. Всё верно. Брошусь, как молния, — неохотно подтвердил Ветром. — А теперь будь хорошим мальчиком и беги, ладно?

— Лады-ы-ы, — протянул незадачливый грабитель. А про себя думал: *«Енти глазища! Прям как буравчики!»*

Люпин отпустил его. Тот грохнулся на брусчатку, с ужасом поглядел на Ветрома напоследок и

был таков.

— Эм-м, а что именно зомби делают с людьми? — спросил Ветром. — Похоже, мне стоит это знать.

— Рвут их в клочья, как бумагу, — пояснил Люпин.

— Ой, да? Ясно, — сказал Ветром. Дальше они шли молча.

Ветром всё думал: *«Ну почему я? В городе наверняка умирают сотни людей каждый день. Бьюсь об заклад, у них-то таких проблем нет. Они просто закрывают глаза — и просыпаются, переродившись в новом теле, или в каком-нибудь раю, или, может, в каком-нибудь аду. Или отправляются на пир богов в великий зал — как по мне, так себе идея. Боги сами по себе ещё туда-сюда, но приличному человеку не стоит садиться за стол с такими типами. Йен-буддисты считают, что ты просто становишься очень богат. А в какой-то клатчской религии считается, что ты попадаешь в дивный сад, полный юных красавиц, — как по* ***мне****, звучит не очень-то благопристойно…»*

Ветром невольно задумался, нельзя ли перейти в гражданство Клатча после смерти.

И именно в этот момент брусчатка оказалась у

него перед носом.

Обычно так говорят, когда метафорически намекают, что кто-то грохнулся лицом вниз. Но в этом случае брусчатка буквально оказалась прямо перед ним. Она взметнулась фонтаном, бесшумно покружила в воздухе над переулком, а затем камнем рухнула вниз.

Ветром вылупился на неё. Как и Люпин.

— Да уж, такое нечасто увидишь, — заметил чело-оборотень. — Кажется, я ещё ни разу не видал, чтобы камни летали.

— Или чтобы камни падали, как камни, — добавил Ветром. Он поддел один булыжник мыском ноги. Тот притворился, что вполне доволен ролью, уготованной ему гравитацией.

— Ты же волшебник…

– *Бывший* волшебник, — поправил Ветром.

— Волшебник, так или иначе. Скажи, что это могло быть?

— Полагаю, это так называемый необъяснимый феномен, — весомо заключил Ветром. — Они почему-то в последнее время часто случаются. Хотел бы я знать, почему.

Он снова потыкал булыжник. Тот не изъявлял желания снова полетать.

— Кажется, мне пора уходить, — сказал Лю-

пин.

— А каково это, быть чело-оборотнем? — спросил Ветром.

Люпин пожал плечами:

— Одиноко.

— Хм-м?

— Трудно вписаться, знаешь ли. Пока я волк, я помню, каково быть человеком, и наоборот. Ну вот… в смысле… порой… порой, когда я в форме волка, я бегу в холмы… зимой, понимаешь, когда на небе полумесяц, снежок хрустит, холмы тянутся без конца и края… а другие волки, ну, они *чувствуют* то же, но не *знают* этого так, как я. Я чувствую и знаю одновременно. Никто другой не представляет, каково это. В этом и проблема. Знать, что других таких нет…

Ветром осознал, что стоит на краю пропасти, полной печали. В такие моменты он не знал, что сказать.

— К слову… — повеселел Люпин, — а каково это, быть зомби?

— Неплохо. Могло быть хуже.

Люпин кивнул.

— Увидимся, — сказал он и ушёл прочь.

На улицах уже становилось людно — произошла смена вахты с ночных на дневных обитателей Анк-Морпорка. Все они шарахались от Сдумса. Люди не толкаются с зомби, если могут этого избежать.

Он дошёл до ворот Университета, стоявших нараспашку, и вернулся к себе в спальню.

Если он собирается съезжать отсюда, нужны деньги. Он за долгие годы немало скопил. Оставил ли он завещание? Он смутно помнил, что делал в последние лет десять. Может, и оставил. А может, даже в маразме завещал все деньги себе самому? Хорошо бы. Вроде ещё не было в истории случаев, чтобы кто-то оспаривал собственное завещание…

Он приподнял половицу в ногах кровати и достал кошелёк монет. Кажется, он их копил на старость.

Тут ещё был ежедневник. Помнится, он был рассчитан на пять лет записей, а в итоге полу-

чилось, что Ветром зря потратил — он быстро прикинул в уме — да, примерно три пятых его цены. Даже больше, если подумать. Он не так часто туда писал. Сдумс уже давно не совершал ничего достойного увековечивания — или даже того, что помнил бы к вечеру. В основном тут были фазы луны, списки религиозных празднований да местами — прилипшие к страницам леденцы.

Под половицей было и кое-что ещё. Он пошарил в пыльном подполе и нашёл пару гладких шаров. Достав на свет, он с удивлением их оглядел. Затем встряхнул и полюбовался кружением крохотных снежинок. Прочитал надпись и отметил, что она скорее похожа на рисунок, имитирующий надпись. Сунув руку в подпол, он достал ещё один предмет: гнутое металлическое колёсико. Просто маленькое колёсико. А рядом с ним — разбитый шар.

Ветром уставился на них.

Конечно, в последние тридцать лет он пребывал на грани маразма, пару раз надевал трусы поверх штанов и порой ронял слюни, но… он что, собирал коллекцию сувениров? И колёсиков?

Позади него кто-то прокашлялся.

Ветром сбросил таинственные предметы обратно в подпол и оглянулся. Комната пустовала, но

за открытой дверью будто бы мерещилась тень.

— Добрый день? — позвал он.

Низкий, рокочущий, но очень неуверенный голос произнёс:

— Енто просто я, господин Сдумс.

Ветром наморщил лоб, пытаясь вспомнить, кто это.

— Шлёппель? — спросил он.

— В точку.

— Страшила?

— В точку?

– *У меня* за дверью?

— В точку.

— Но зачем?

— Дверь очень уютная.

Ветром подошёл к двери и осторожно закрыл её. За дверью ничего не было, кроме облупившейся штукатурки, но ему померещилось в воздухе движение.

— Теперь я под кроватью, господин Сдумс, — произнёс голос Шлёппеля, действительно, из-под кровати. — Вы не против?

— Я-то не против. Ничего страшного. Но разве тебе не нужно прятаться где-нибудь в чулане? В моё время страшилы прятались именно там.

— Трудно найти хороший чулан, господин

Сдумс.

— Ну, ладно, — вздохнул Ветром. — Всё, что под кроватью, — твоё. Чувствуй себя как дома, или как-то так.

— Если вы не против, господин Сдумс, я бы снова спрятался за дверью.

— Хорошо-хорошо.

— Будьте добры, закройте глаза на секундочку.

Ветром послушно зажмурился.

В воздухе снова что-то шевельнулось.

— Уже можно смотреть, господин Сдумс.

Ветром открыл глаза.

— Батюшки, — произнёс голос Шлёппеля, — у вас тут даже крючок для пальто есть! Тут всё, что нужно!

Ветром понаблюдал, как латунные навершия в изголовье кровати отвинчиваются сами собой.

Пол содрогнулся.

— Что же это творится, а, Шлёппель? — спросил он.

— Это избыток жизненной силы, господин Сдумс.

— Погоди, так ты знаешь?

— Ну да. Ого-го, да тут есть замок, и ручка, и латунная накладка, и всё прочее…

— Что значит «избыток жизненной силы»?

— …и даже петли, они даже с доводчиком! У меня никогда не было двери с…

— Шлёппель!

— Ой, да просто жизненная сила, господин Сдумс. Ну, знаете такую силу, которая есть во всём живом? Я думал, волшебники смыслят в таких делах.

Ветром Сдумс открыл рот и хотел сказать что-то вроде «Конечно, смыслим», а затем осторожно выведать, о чём таком говорит страшила. Но тут он вспомнил, что больше не обязан так себя вести. Так он поступил бы при жизни, но, что бы ни говорил Редж Башмак, мертвецу нет нужды быть гордым и упрямым. Разве что слегка закоченелым.

— Ни разу об этом не слышал, — признался он. — А отчего она в избытке?

— Без понятия, — ответил Шлёппель. — Очень странно, нынче ведь не сезон. Сейчас, наоборот, всё увядать должно.

Пол снова содрогнулся. Половица, под которой хранились небогатые сокровища Ветрома, крякнула и принялась обрастать побегами.

— В каком смысле нынче не сезон? — уточнил Ветром.

— Обычно жизненной силы больше по весне, —

пояснил голос из-за двери. — Из земли растут подснежники и всё такое.

— Никогда об этом не слыхал, — заворожённо сказал Ветром.

— А я думал, волшебники всё про всё знают.

Ветром поглядел на свою шляпу волшебника. Погребение и рытьё подземных ходов не лучшим образом сказались на ней — впрочем, после ста лет ношения она и так не была последним писком моды.

— Век живи — век учись, — сказал он.

И снова рассвет. Петух Сирил встрепенулся на насесте.

В полумраке белела надпись мелом.

Он сосредоточился.

Глубоко вдохнул.

— Ру-ка-ле-фу-у!

Что ж, проблему с памятью решили, осталось что-то сделать с дислексией.

Высоко на горных лугах ветер дул сильно, а близкое солнце светило ярко. Билл Дверь сновал туда-сюда по скошенной траве на склоне, словно ткацкий челнок по зелёной пряже. Он пытался вспомнить, ощущал ли когда-нибудь прежде ветер и солнечный свет. Ну, в принципе, должен был ощущать. Но никогда не воспринимал вот так — то, как ветер овевает тебя, как от солнца становится жарко. Не ощущал, как проходит Время.

И несёт его с собой.

В дверь амбара тихонько постучали.

— ДА?

— Давай, спускайся, Билл Дверь.

Он спустился в темноту и открыл дверь.

Госпожа Флитворт прикрывала свечу рукой.

— Эм-м… — сказала она.

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

— Можешь перебраться в дом, если хочешь. На вечер. Только не на ночь, конечно. В смысле, мне

жалко, что ты тут совсем один по вечерам, а у меня там камин и всё такое.

Билл Дверь не очень хорошо читал по лицам. Этот навык ему никогда не требовался. Он глядел на застывшую, беспокойную, умоляющую улыбку, как бабуин глядел бы на камень из Розетты, пытаясь понять его смысл.

— СПАСИБО, — сказал он.

Она засеменила прочь.

Когда он пришёл в дом, на кухне её не было.

Он пошёл на хруст и скрежет в узкий коридор и вошёл в низенькую дверцу. В комнатушке за ней госпожа Флитворт на четвереньках отчаянно разжигала очаг.

Когда он вежливо постучал по открытой двери, она испуганно подняла голову.

— На это и спичку жалко тратить, — пробормотала она, будто смущённо извиняясь. — Садись. Я чаю заварю.

Билл Дверь опустился в одно из узеньких кресел у огня и оглядел комнату.

Комната была необычной. Для чего она предназначалась, непонятно, но точно не для проживания. Если кухня была своего рода открытым пространством под крышей и служила центром деятельности фермы, то эта комната более всего

напоминала гробницу.

Вопреки распространённым заблуждениям, Билл Дверь был плохо знаком с могильной атрибутикой. Люди редко когда умирают *прямо в могилах*, разве что при отдельных несчастных случаях. Под открытым небом, на дне реки, по пояс в акуле, во множестве спален — но только не в могилах.

Его задачей было отделять зерно души от плевел смертного тела, и он с этим обычно справлялся задолго до начала обрядов, представлявших собой, грубо говоря, торжественный вынос мусора.

Но эта комната напоминала гробницы тех королей, что пытались забрать с собой на тот свет всё возможное.

Билл Дверь сидел, сложив руки на коленях, и озирался.

Больше всего тут было сувениров. Больше чайников, чем нужно нормальному человеку. Фарфоровые собачки с выпученными глазками. Странные подставки под торты. Множество статуэток и раскрашенных тарелочек с весёлыми надписями типа «Сувенир из Щеботана» или «Долгой жизни и счастья». Всё это покрывало каждую горизонтальную поверхность, причём весьма демократично: ценный антикварный

канделябр мог соседствовать с расписной фарфоровой собачкой, грызущей кость с идиотским выражением морды.

Стены покрывали картины. Большинство из них было написано в разных оттенках грязного и изображало унылый скот, пасущийся на топких лугах среди тумана.

Украшения почти полностью скрывали мебель, но скорбеть о том не приходилось. Кроме двух кресел, стонущих под грузом кружевных покрывал, вся остальная мебель будто существовала лишь для того, чтобы на неё ставили эти украшения. Всюду стояли маленькие столики. Пол устилали слои плетёных ковров. Кому-то тут явно очень нравилось плести ковры. Но сильнее всего, главнее всего был пронизывающий всё запах.

Тут пахло долгими скучными вечерами.

На покрытом скатертью буфете стояли две маленьких шкатулки по бокам от ларца побольше. *Так вот они какие, те знаменитые сундуки с сокровищами,* подумал он.

Он заметил, как что-то тикает.

На стене висели часы. Кто-то когда-то почему-то решил, что забавно будет сделать часы в форме совы. И чтобы глаза совы елозили туда-сюда, когда качается маятник. Наверное, человеку, истоско-

вавшемуся по развлечениям, это казалось очень забавным. Если долго наблюдать за этим, ваши глаза тоже начинают дёргаться взад-вперёд.

В комнату ворвалась госпожа Флитворт с гружёным подносом и заметалась, проводя алхимическую церемонию приготовления чая, намазывания булочек маслом, расстановки печенек, подвешивания щипцов для сахара на сахарнице…

Наконец она уселась. А затем, слегка запыхавшись, сказала так, будто отдыхала последние двадцать минут:

— Ну что… разве не дивный вечер?

— ДА, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Редко в наши дни выпадает повод открыть гостиную.

— ВЕРНО.

— Ни разу не открывала с тех пор, как потеряла батюшку.

На мгновение Билл Дверь подумал, что она потеряла покойного господина Флитворта-старшего где-то в гостиной. Наверное, он свернул куда-то не туда среди сувениров. Затем Билл вспомнил, что люди всегда выражаются как-то по-хитрому.

— А-А.

— Он любил сидеть в этом самом кресле и по-

читывать альманах.

Билл Дверь покопался в глубинах своей памяти.

— ВЫСОКИЙ МУЖЧИНА? — предположил он. — УСАТЫЙ? НА ЛЕВОЙ РУКЕ НЕ ХВАТАЛО МИЗИНЦА?

Госпожа Флитворт изумлённо уставилась на него поверх чашки.

— Вы были знакомы? — спросила она.

— КАЖЕТСЯ, ВСТРЕЧАЛИСЬ ОДИН РАЗ.

— А он про тебя не упоминал, — лукаво возразила госпожа Флитворт. — По крайней мере, не по имени Билл Дверь.

— НЕ ДУМАЮ, ЧТО ОН СТАЛ БЫ ОБО МНЕ ГОВОРИТЬ, — медленно произнёс Билл Дверь.

— Да и ладно, — сказала госпожа Флитворт. — Знаю я все эти дела. Батюшка тоже немного контрабандой промышлял. Ну, ферма-то у нас небольшая. На такой не заработаешь. Он всегда приговаривал: делай что можешь, и будь что будет. Думается, ты был связан с его делом. Я за тобой понаблюдала и поняла, что ты точно по этой части.

Билл Дверь глубоко задумался.

—

МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ЗАНИМАЛСЯ ДОСТАВКОЙ.

— Да, так это и назовём. А семья у тебя есть, Билл?

— ДОЧЬ.

— Это славно.

— БОЮСЬ, МЫ ДАВНО НЕ ОБЩАЛИСЬ.

— А это печально, — сказала госпожа Флитворт, и прозвучало это действительно печально. — В старые добрые времена мы весело тут проводили время. Когда мой паренёк был жив.

— У ВАС БЫЛ СЫН? — спросил Билл, который потерял нить разговора.

Она строго посмотрела на него.

— Если ты не заметил, Билл Дверь, мужа у меня нет и не было, — процедила она. — А в наших краях к таким вещам относятся строго.

— ПРИНОШУ ИЗВИНЕНИЯ.

— Нет, его звали Руфус. И был он контрабандистом, как батюшка. Только не таким успешным, надо признать. Он больше по творческой части был. Привозил мне из заграницы всякие штуки, понимаешь? Украшения и всё такое. И мы с ним ходили на танцы. Помнится, у него были прелестные икры. Люблю, когда у мужчины крепкие ноги.

Какое-то время она глядела в огонь.

— И вот… однажды он ушёл и не вернулся.

Как раз когда мы уже собирались пожениться. Батюшка сказал, не надо было пытаться возить через горы, когда дело к зиме. Но я-то знала, он на это пошёл, чтобы привезти мне подарок получше. А ещё хотел заработать денег и впечатлить батюшку, ведь батюшка-то был против…

Она взяла кочергу и поворошила в огне куда суровее, чем он того заслуживал.

— Короче, кое-кто поговаривал, будто он сбежал куда-нибудь в Дальнери или Анк-Морпорк, но я знаю, что он бы так не поступил.

Она пригвоздила Билла Дверь к креслу пронзительным взглядом.

— А ты что думаешь, Билл Дверь? — спросила она резко.

Он уловил вопрос внутри вопроса и очень гордился этим.

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ, В ГОРАХ ЗИМОЙ БЫВАЕТ ОЧЕНЬ ОПАСНО.

— И я о том же говорю. — Она будто выдохнула с облегчением. — А знаешь, о чём я тогда подумала, Билл Дверь?

— НЕТ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Как я сказала, было это за день до нашей свадьбы. А потом один его вьючный пони вернулся своим ходом, и местные мужики пошли в

горы и увидели следы лавины… и знаешь, что я подумала? Это бред какой-то, вот что подумала. Это *глупо*. Гадость, да? Ой, потом я много ещё чего передумала, конечно, но первое, что в голову взбрело, — это что не должны вещи в жизни случаться вот так, прямо как в какой-то книжке. Разве не гадкая мыслишка, а?

— Я САМ НИКОГДА НЕ ЛЮБИЛ ДРАМАТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

Она не особо-то и слушала.

— И я подумала: наверное, мне теперь полагается свихнуться с концами и бродить в тех местах в подвенечном платье до скончания дней. Этого жизнь от меня хочет. Ха! Ну-ну! А я убрала платье в сундук, и на пир мы всё равно всех пригласили, потому что грех, если столько угощения пропадёт.

Она снова накинулась на камин, а затем опять пронзила Билла взглядом в сотню мегаватт.

— Всегда очень важно понимать, что вправду реально, а что нет, не так ли?

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ!

— Что?

— ВЫ НЕ ПРОТИВ, ЕСЛИ Я ОСТАНОВЛЮ ЧАСЫ?

Она поглядела на косоглазую сову.

— Что? А-а. А зачем?

— БОЮСЬ, ОНИ ДЕЙСТВУЮТ МНЕ НА НЕРВЫ.

— Да не так уж громко они тикают!

Билл Дверь чуть не сказал, что каждый «тик-так» для него как удар железной дубиной по бронзовому столбу.

— НО ВСЁ РАВНО ДОВОЛЬНО РАЗДРАЖАЕТ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Ну, если хочешь, останови их, я не против. Я их завожу, только чтобы одиноко не было.

Билл Дверь радостно встал, осторожно пробрался сквозь лес антиквариата и схватил конический сосновый маятник. Деревянная сова покосилась на него, и тиканье прекратилось — по крайней мере, в мире звука. Он понимал, что ритмичное течение времени всё так же продолжается. И как только люди это выдерживают? Они пустили Время в свои дома, да ещё приняли его как *друга*.

Он снова сел.

Госпожа Флитворт принялась остервенело вязать.

В камине потрескивал огонь.

Билл Дверь откинулся в кресле и смотрел на потолок.

— Твоему коню там хорошо?

— ИЗВИНИТЕ?

— Я про твоего коня. Похоже, ему хорошо там,

на лугу, — пояснила госпожа Флитворт.

— А. ДА.

— Так радостно скачет, будто в жизни прежде травы не видывал.

— ЕМУ НРАВИТСЯ ТРАВА.

— А тебе нравятся животные. Я это вижу.

Билл Дверь кивнул. Его запасы фраз для беседы, которых и так было на донышке, окончательно иссякли.

Он молча просидел ещё пару часов, сжимая пальцами подлокотники, пока госпожа Флитворт не объявила, что ей пора ложиться. Тогда он пошёл обратно в амбар и лёг спать.

Билл Дверь не заметил, чтобы кто-то приближался. Но вдруг — вот она, серая фигура, парящая в потёмках амбара.

Каким-то образом фигура взяла золотой хронометр.

Ему сказали: *Билл Дверь, произошла ошибка.*

Стекло разбилось. Крохотные золотистые секунды на миг замерцали в воздухе, а затем опали.

Ему сказали: *Возвращайся. Тебя ждёт работа. Произошла ошибка.*

Фигура растаяла.

Билл Дверь кивнул. Конечно же, это просто ошибка.

Всем понятно, что это могла быть только ошибка. Он всё это время знал, что это просто ошибка.

Он бросил комбинезон в угол и натянул мантию из кромешного мрака.

Что ж, по крайней мере, впечатлений набрался. И, надо признать, снова бы он таких набираться не хотел. Ему казалось, будто огромная ноша свалилась с плеч.

Так вот каково это — по-настоящему быть живым! Ощущать, что каждая минута тащит тебя всё ближе к вечному мраку!

Как им удаётся жить с этим? А ведь они живут и даже получают от жизни удовольствие, хотя единственным разумным чувством было бы отчаянье. Поразительно. Ощущать себя крохотной пылинкой, зажатой, как в сандвиче, между двумя пластами мрака. Как они выдерживают эту свою жизнь?

Видимо, с этим надо было родиться.

Смерть оседлал коня и поскакал в поля. Колосья клонились вокруг, словно волны в море. Госпоже Флитворт придётся поискать кого-то ещё, кто поможет собрать урожай.

Странное дело. В нём засело чувство… сожаления? Что это? Но то было чувство Билла Двери, а Билл Дверь… умер. Да никогда, собственно, и не жил. Он снова стал прежним собой, в том прекрасном состоянии, где нет ни чувств, ни сожалений.

Никаких сожалений. Никогда.

И вот он вернулся в свой кабинет, и это было тоже странно, ведь он совершенно не помнил, как сюда попал. Минуту назад он скакал на коне — и вот он уже в кабинете среди весов, хронометров и инструментов.

И тут было просторнее, чем казалось прежде. Стены терялись вдали на грани видимости.

Это всё из-за Билла Двери. Уж конечно, всё это казалось Биллу Двери огромным, а в нём, видимо, немножко этого ещё осталось. Надо просто заняться делом. Погрузиться в работу.

На столе уже стояло несколько измерителей жизни. Он не помнил, как поставил их туда, но это и не важно, главное — продолжать работу…

Он взял ближайший и прочитал на нём имя.

— Лу-фа-ре-ву!

Госпожа Флитворт села в кровати. Сквозь сон она услыхала какой-то ещё шум, который, видимо, разбудил и петуха. Повозившись со спичками, она, наконец, разожгла свечу, затем пошарила под кроватью и нащупала абордажную саблю, которая, должно быть, неплохо послужила покойному господину Флитворту в деловых поездках через горы.

Она поспешно спустилась по скрипучим ступеням и вышла в прохладный рассвет.

Неуверенно остановилась у дверей амбара, а затем приоткрыла их ровно настолько, чтобы просочиться внутрь.

— Господин Дверь?

На сеновале что-то зашуршало, а затем воцарилась напряжённая тишина.

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ?

— Это ты кричал? Я точно слышала, как кто-то меня зовёт.

Снова что-то зашуршало, и с чердака высунулась голова Билла Двери.

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ…

— Да. А ты кого ожидал? Ты там в порядке?

— ЭМ — М. ДА. ПОЛАГАЮ, ДА.

— Уверен? Ты разбудил Сирила.

— ДА. ДА. ЭТО ПРОСТО БЫЛ… МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО… ДА.

Она задула свечу. Лучей рассвета уже хватало, чтобы видеть.

— Ну, если уверен… Раз уж я встала, поставлюка греться овсянку.

Билл Дверь откинулся на сено и лежал, пока не ощутил, что ноги его выдержат, а затем спустился с чердака и доковылял до основного дома.

Он ничего не говорил, пока она накладывала ему овсянку в тарелку и заливала её сметаной. Но наконец уже не смог сдерживаться. Он не знал, как правильно задать вопросы, но ему непременно нужны были ответы.

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ?

— Что?

— ЧТО ЭТО ТАКОЕ… ПО НОЧАМ… КОГДА ВИДИШЬ ВСЯКИЕ ВЕЩИ, НО ОНИ НЕ НАСТОЯЩИЕ?

Она замерла с котелком овсянки в одной руке и черпаком в другой.

— Ты про сны? — переспросила она.

— ТАК ВОТ ЭТО И ЕСТЬ СНЫ?

— А тебе разве сны не снятся? Я думала, они снятся всем.

— О ВЕЩАХ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ СЛУЧИТЬСЯ?

— Это если вещие сны. Я в них, по правде, никогда не верила. Ты же не хочешь сказать, будто не знаешь, что такое сновидения?

— НЕТ-НЕТ. КОНЕЧНО, НЕТ.

— Что тебя так беспокоит, Билл?

— Я ВНЕЗАПНО ОСОЗНАЛ, ЧТО МЫ УМРЁМ.

Она задумчиво посмотрела на него.

— Ну, ясное дело, все умирают, — сказала она. — Тебе про это сон приснился, да? У всех так бывает. Я бы на твоём месте так не переживала. Лучше просто займись делом и не вешай нос, я всегда так говорю.

— НО ВСЁ РАНО ИЛИ ПОЗДНО ПРИДЁТ К КОНЦУ!

— Ой, даже не знаю, — сказала госпожа Флитворт. — Смотря как проживёшь жизнь, я так думаю.

— ИЗВИНИТЕ?

— Ты человек верующий?

— ХОТИТЕ СКАЗАТЬ, ПОСЛЕ СМЕРТИ С ВАМИ ПРОИСХОДИТ ТО, ВО ЧТО ВЫ *ВЕРИТЕ*?

— Славно, если так, не правда ли? — весело ответила она.

— НО, ВИДИТЕ ЛИ, Я ЗНАЮ, ВО ЧТО *Я* ВЕРЮ. Я *НЕ ВЕРЮ… НИ ВО ЧТО*.

— Ой, какие мы мрачные сегодня поутру, а? — сказала госпожа Флитворт. — Знаешь, лучшее, что ты сейчас можешь сделать, — это доесть овсянку. Тебе будет полезно. Говорят, от неё кости крепче становятся.

Билл Дверь поглядел в тарелку.

— А МОЖНО ДОБАВКИ?

Всё утро Билл Дверь провёл за колкой дров. Занятие было приятно однообразным.

Надо утомиться. Вот что важно. До предыдущей ночи он уже спал, но, видимо, так уставал, что ему ничего не снилось. Теперь он твёрдо решил: больше никаких снов. Топор поднимался и опус-

кался на поленья, как маятник часов.

Так! Никаких часов!

Когда он вошёл, госпожа Флитворт что-то готовила в нескольких кастрюлях на очаге.

— ПАХНЕТ ВКУСНО, — наугад сказал Билл. Он потянулся к дрожащей крышке кастрюли. Госпожа Флитворт резко развернулась.

— Не трожь! Тебе этого нельзя! Это для крыс.

— А РАЗВЕ КРЫСЫ НЕ МОГУТ ПРОКОРМИТЬСЯ САМИ?

— Да ещё как могут! Поэтому мы и даём им кое-что перед сбором урожая. Распихаешь немножко этого по норам — и никаких больше крыс.

Билл Дверь не сразу сумел сложить два и два, но когда сложил, получилось прямо-таки совокупление мегалитов.

— ЭТО ЯД?

— Вытяжка из шипянки, подмешанная в овсяную кашу. Всегда срабатывает.

— И ОНИ УМИРАЮТ?

— Мгновенно. Брык — и лапки кверху. А у нас на обед будет хлеб с сыром, — добавила она. — Не люблю готовить дважды в день, а на ужин у нас курочка. Кстати, нужна курочка… пойдём-ка…

Она взяла со стойки тесак и вышла во двор.

Петух Сирил с опаской наблюдал за ней с вер-

шины насеста. Его гарем из толстых пожилых наседок, ковырявшихся в грязи, нестройно заковылял к госпоже Флитворт с грацией, присущей бегуну в трусах с порванной резинкой, — впрочем, как у всех кур во вселенной. Она быстро наклонилась и подхватила одну из них. Та глядела на Билла Дверь блестящими тупыми глазками.

— Умеешь забивать кур? — спросила госпожа Флитворт.

Билл посмотрел на неё, затем на курочку.

— НО МЫ ЖЕ ИХ КОРМИМ, — слабо возразил он.

— Так и есть. А потом они кормят нас. Эта не несёт яиц уже несколько месяцев. Так устроена жизнь в курином мире. Батюшка, помнится, сворачивал им шеи, но я этому так и не научилась. Если тесаком, можно запачкаться, и они потом какое-то время ещё бегают без головы, но понимают, что уже мертвы.

Билл Дверь прикинул варианты. Курица уставилась на него круглым глазом. Куры намного тупее людей, у них нет хитроумных механизмов психики, уберегающих от понимания происходящего. Она понимала, кто на неё сейчас глядит.

Он заглянул в её короткую простую жизнь и увидел, как утекают её последние мгновения.

Сам он никогда ещё не убивал. Отнимал жизни, да, но лишь когда они *уже* были окончены. Есть разница между тем, чтобы украсть чужое добро и просто найти его на улице.

— НЕ НАДО ТЕСАКА, — устало сказал он. — ДАЙТЕ МНЕ КУРИЦУ.

Он отвернулся на миг, а затем протянул госпоже Флитворт уже обмякшую тушку.

— Отличная работа! — похвалила она и ушла на кухню.

Билл Дверь ощутил на себе обвиняющий взор Сирила.

Он разжал ладонь. Над ней парил крохотный шарик света.

Он слегка подул на него, и тот плавно угас.

После обеда они разложили крысиный яд. Он ощущал себя убийцей.

Сдохло много крыс.

Глубоко в земле под амбаром, в глубочайшей

норе, вырытой давным-давно забытыми предками этих грызунов, что-то появилось во тьме.

Казалось, оно никак не может решить, какую форму принять.

Для начала оно явилось в виде очень подозрительного сыра. Это ему не подошло.

Затем попробовало что-то вроде маленького голодного терьера. Это оно тоже отвергло.

Мгновение оно пробыло зубастой мышеловкой. Явно не то.

Оно огляделось в поисках свежих идей, и, к его изумлению, одна такая оказалась совсем рядом, будто ошивалась совсем неподалёку. Не столько образ, сколько воспоминание об образе.

Оно попробовало — и решило, что хотя его задачам образ не соответствует, но выглядит очень убедительно и последовательно. Словно только таким он и должен быть.

Так оно и отправилось на работу.

Тем вечером мужчины на лужайке развлекались стрельбой из лука. Билл Дверь постарался завоевать среди них репутацию худшего стрелка в истории этого вида спорта. Никто и не догадался, что попадать стрелами в шляпы зрителей у себя за спиной намного сложней, чем пускать их прямо, в довольно большую мишень на расстоянии каких-то пятидесяти метров.

Поразительно, сколько друзей можно завоевать, если лажать в каком-то деле, главное — лажать так, чтобы быть забавным.

Теперь ему даже дозволялось сидеть на завалинке у таверны со стариками.

В соседнем доме была деревенская кузня — из её трубы поднимались искры и, кружа, уходили вверх во мглу. Из-за закрытых дверей доносился яростный звон молота. Билл Дверь удивлялся, почему кузня всегда закрыта. Обычно кузнецы работают при открытых дверях, так что кузня становится центром притяжения деревенских жителей. А этот погружался в работу с головой…

— Привет, шкилет.

Он заозирался.

Младшая дочь трактирщика смотрела на него самым проницательным взглядом, какой он видел.

— Ты же шкилет, верно? — сказала она. — Я же вижу, у тебя кости.

— ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ, ДИТЯ.

— А вот и нет. Люди превращаются в шкилетов, когда умирают. И потом не гуляют вот так по улицам.

— ХА. ХА. ХА. ТОЛЬКО ПОСЛУШАЙТЕ УСТА МЛАДЕНЦА.

— Так почему же ты гуляешь?

Билл Дверь покосился на стариков. Они, похоже, были увлечены игрой.

— ВОТ ЧТО Я ТЕБЕ СКАЖУ, — отчаянно начал он. — ЕСЛИ ПРОСТО УЙДЁШЬ, Я ДАМ ТЕБЕ ПОЛПЕННИ.

— А у меня тоже есть маска шкилета, я её надеваю на колядки в Ночь Духова Пирога. — Она будто не слушала. — Она бумажная. Мне за неё конфетки дают.

Билл Дверь совершил ошибку, которую допускали миллионы взрослых в подобных и не очень ситуациях. Он обратился к логическим доводам.

— СЛУШАЙ, ДЕВОЧКА, — сказал он, — БУДЬ Я И ВПРЯМЬ СКЕЛЕТОМ, ЭТИ ПОЖИЛЫЕ ГОСПОДА НАВЕРНЯКА БЫ ЭТО ЗАМЕТИЛИ.

Она поглядела на стариков, сидевших на другом конце завалинки.

— Да они сами уже почти шкилеты, — сказала она. — Думается, просто не хотят видеть ещё один шкилет.

Он сдался.

— ЧТО Ж, ВЫНУЖДЕН ПРИЗНАТЬ, В ЭТОМ ТЫ ПРАВА.

— А почему ты не разваливаешься на косточки?

— НЕ ЗНАЮ. ПОЧЕМУ-ТО НИКОГДА НЕ РАЗВАЛИВАЛСЯ.

— Я видела шкилеты птиц и всяких зверей. Они всегда разваливаются.

— МОЖЕТ, ПОТОМУ, ЧТО ОНИ БЫЛИ КЕМ-ТО ПРЕЖДЕ. А Я ЛИШЬ ТО, ЧТО Я ЕСТЬ.

— У аптекаря, который лекарства варит в Чембли, есть шкилет на крючке, и у него кости связаны проволочками, — сказала девочка тоном, каким рассказывают о результатах тщательного исследования.

— У МЕНЯ ПРОВОЛОЧЕК НЕТ.

— А что, есть разница между живыми и мёртвыми шкилетами?

— ДА.

— То есть у него там мёртвый шкилет?

— ДА.

— Который был внутри кого-то?

— ДА.

— Мде. Бе-е.

Девочка какое-то время поглядела вдаль на горизонт, а затем сказала:

— А у меня новые носочки.

— ДА?

— Хочешь, покажу?

Она предъявила на изучение грязную ножку.

— НУ И НУ. ПОДУМАТЬ ТОЛЬКО. НОВЫЕ НОСОЧКИ.

— Мама связала их из овцы.

— НУ И ДЕЛА.

Горизонт снова подвергся тщательному изучению.

— А знаешь что… — сказала она. — …Знаешь что? Сегодня пятница!

— ДА.

— А я ложку нашла.

Билл Дверь вдруг понял, что заинтригован. Он ещё не встречал людей, не способных удерживать внимание дольше трёх секунд.

— Ты на ферме госпожи Флитворт работаешь?

— ДА.

— Мой батюшка говорит, ты там как сыр в масле катаешься.

Билл Дверь не смог придумать ответ, поскольк-

ку не понял, о чём речь. Это была одна из тех бессмысленных пословиц, которыми люди маскируют что-то ещё, а смысл передают интонацией голоса или взглядом — девочка же и того не сделала.

— А ещё батюшка говорит, у неё там сундуки с сокровищами.

— ПРАВДА?

— А у меня два пенни есть!

— БОЖЕ МОЙ.

— Салли!

Они обернулись на госпожу Лифтон, которая вышла на порог.

— Пора спать. Хватит докучать господину Двери.

— О, УВЕРЯЮ ВАС, ОНА МНЕ СОВСЕМ…

— Скажи ему «спокойной ночи».

— А как шкилеты спят? Они же не могут закрыть глаза, у них…

Разговор приглушённо продолжился в таверне:

— Нельзя так называть господина Дверь, он просто… он… очень… очень худой.

— Да всё в порядке. Он же не мёртвый.

В голосе госпожи Лифтон возникли знакомые беспокойные оттенки — как у человека, который

не может поверить собственным глазам:

— Наверное, он просто сильно болел.

— А я думаю, он и заболеть-то не может по-настоящему.

Билл Дверь шагал домой в раздумьях.

В кухоньке фермы горел свет, но он направился прямо в амбар, взобрался на сеновал на чердаке и лёг.

Он мог прогнать сны, но никуда не мог деться от воспоминаний.

Он глядел в темноту.

Через некоторое время до него донёсся слабый топот ножек. Он обернулся.

Стайка бледных призраков в форме крыс бежала вдоль потолочной балки у него над головой, тая на бегу. Вскоре не осталось ничего, кроме шороха их шагов.

За ними двигалась… фигурка.

Примерно пятнадцати сантиметров ростом. Одетая в чёрную мантию. С маленькой косой в костяной лапке. Из тени капюшона торчал белый костяной нос с тонкими седыми усиками.

Билл Дверь протянул руку и поднял эту фигурку. Та не сопротивлялась, а встала на его ладони и поглядела на него как профи на профи.

Билл Дверь спросил:

— ТАК ТЫ…

Смерть Крыс кивнул.

— ПИСК.

— ПОМНИТСЯ, — сказал Билл Дверь, — ПРЕЖДЕ ТЫ БЫЛ ЧАСТЬЮ МЕНЯ.

Смерть Крыс снова пискнул.

Билл Дверь пошарил в карманах комбинезона. Куда он задевал остатки обеда? Ах да.

— ПОЛАГАЮ, — сказал он, — ТЫ МОЖЕШЬ ПОГУБИТЬ КУСОЧЕК СЫРУ?

Смерть Крыс принял угощение с благодарностью.

Билл Дверь вспомнил, как однажды — всегда лишь однажды! — посетил старика, который провёл почти всю жизнь в запертой камере в башне, вероятно за какое-то там преступление. Всё время заключения старик приручал маленьких птичек. Они гадили ему на постель и клевали его еду, но он терпел их и улыбался, когда они влетали и вылетали в его зарешечённое окно. В то время Смерть не понимал, зачем бы кому-то так поступать.

— НЕ СТАНУ ТЕБЯ ЗАДЕРЖИВАТЬ, — сказал он. — ПОЛАГАЮ, У ТЕБЯ МНОГО ДЕЛ. НАДО ПОСЕТИТЬ МНОГИХ КРЫС. Я ЗНАЮ, КАКОВО ЭТО.

Теперь он понял того человека.

Он поставил фигуру обратно на балку и снова откинулся на сено.

— ЗАГЛЯДЫВАЙ СНОВА, КОГДА БУДЕШЬ МИМО ПРОХОДИТЬ.

Билл Дверь снова уставился во мрак.

Сон. Он прямо ощущал, как сон рыщет вокруг. С целым мешком сновидений.

Он лежал в темноте и боролся со сном.

От криков госпожи Флитворт он аж подскочил и, к своему облегчению, обнаружил, что они не оборвались.

Дверь амбара с грохотом распахнулась.

— Билл! Быстро вставай!

Он спустил ноги с лестницы.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ?

— Что-то горит!

Они перебежали двор и вышли на дорогу. Над деревней висело багровое зарево.

— Бежим!

— НО ВЕДЬ ПОЖАР НЕ У НАС.

— Скоро он будет у всех! По соломенным крышам он разносится мигом!

Они добрались до того недоразумения, что тут считали главной площадью. Таверна уже пылала, солома с рёвом взлетала к небесам миллионами кружащихся искр.

— Ну, что все встали столбом? — воскликнула госпожа Флитворт. — Есть насос, вёдер полно, о чём все только думают?

Неподалёку творилась суматоха — пара посетителей пыталась помешать Лифтону вбежать в здание. Он что-то кричал в ответ.

— Девочка до сих пор там? — ахнула госпожа Флитворт. — Он это сказал?

— ДА.

Из верхних окон хлестало пламя.

— Неужели нельзя помочь? — засуетилась госпожа Флитворт. — Может, найдём лестницу…

— НЕ СЛЕДУЕТ ЭТОГО ДЕЛАТЬ.

— Чего это? Надо попробовать. Нельзя же бросать людей в беде!

— ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ, — продолжил Билл Дверь. — ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СУДЬБУ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА МОЖЕТ РАЗРУШИТЬ ЦЕЛЫЙ МИР.

Госпожа Флитворт поглядела на него так, слов-

но он свихнулся.

— Ты что за чушь несёшь?

— Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО КАЖДОМУ ПРИХОДИТ СВОЙ СРОК УМИРАТЬ.

Она потрясённо вылупилась на него. Затем размахнулась и от всей души дала ему пощёчину.

Его лицо оказалось жёстче, чем можно было ожидать. Она ойкнула и подула на пальцы.

– *Сегодня же* убирайся с моей фермы, Билл Дверь, — прохрипела она. — Понял? — Она повернулась на каблуках и побежала к водокачке.

Деревенские принесли багры, чтобы стащить горящую солому с крыши. Госпожа Флитворт собрала команду, которая добыла лестницу и приставила к окну спальни. Но к тому времени, как кого-то удалось уговорить взобраться по ней, укрывшись мокрым одеялом, верхушка лестницы уже начала тлеть.

Билл Дверь наблюдал за пламенем.

Он порылся в кармане и достал золотые часики.

Отблески огня багровели на стекле. Он убрал часы.

Часть крыши обвалилась.

— ПИСК!

Билл Дверь опустил взгляд. Фигурка в мантии

браво прошагала у него между ног и нырнула прямо в пылающую дверь. Кто-то что-то кричал о бочонках с бренди.

Билл Дверь снова сунул руку в карман и достал часы. Шелест песка тонул в рокоте пламени. Будущее утекало в прошлое, и прошлого уже явно было больше, чем будущего. Но его больше поражала сама мысль, что всё это время текло сквозь узенькое *сейчас*.

Он осторожно убрал часы.

Смерть понимал, что вмешательство в судьбу одного человека может разрушить целый мир. Он это знал. Это знание было встроено в саму его суть.

Но оказалось, что для Билла Дверь это бред сивой кобылы.

— ОХ, ПРОКЛЯТЬЕ, — сказал он.

И шагнул в огонь.

— Эй… Библиотекарь, это я, — кричал Ветром в

замочную скважину. — Ветром Сдумс!

Он попробовал постучать ещё раз.

— Почему он не отвечает?

— Не знаю, — произнёс голос у него за спиной.

— Шлёппель?

— Да, господин Сдумс.

— Почему ты у меня за спиной?

— Мне надо за чем-то прятаться, господин Сдумс. Такая уж жизнь у страшил.

— Библиотека-а-арь! — крикнул Ветром, барабаня в дверь.

— У-ук.

— Ты почему меня не пускаешь?

— У-ук.

— Но мне нужно кое-что глянуть.

— У-ук у-ук!

— Ну, в общем, так и есть. А при чём тут это?

— Что он сказал, господин Сдумс?

— Говорит, не пустит меня, потому что я умер!

— Типичный живизм. Вот об этом Редж Башмак постоянно твердит.

— А есть ещё кто-нибудь, кто в курсе насчёт жизненной силы?

— Полагаю, остаётся ещё госпожа Торт. Но она немного стрёмная.

— А что за госпожа Торт? — спросил Ветром, и

тут до него дошла вторая часть предложения. — И что значит стрёмная? Ты же сам *страшила*!

— Вы не слыхали про госпожу Торт?

— Никогда.

— Ясное дело, вряд ли её интересовала магия… В общем, Башмак велел, чтобы мы с ней не разговаривали. Говорит, она эксплуатирует бесправных покойников.

— Это как?

— Она медиум. Ну, экстрасенс, только не очень «экстра».

— Правда? Ладно, пойдём-ка повидаем её. И вот ещё что… Шлёппель?

— Что?

— Меня довольно-таки напрягает ощущать, как ты за мной прячешься.

— А мне очень страшно, когда я ни за чем не прячусь, господин Сдумс.

— Ты не мог бы прятаться за чем-нибудь другим?

— А что вы можете предложить, господин Сдумс?

Ветром задумался.

— Да, пожалуй, из этого выйдет толк, — прошептал он, — если только я найду отвёртку.

Садовник Модо стоял на коленях и удобрял георгины, когда вдруг услышал за собой ритмичный скрип и топот, какой бывает, когда кто-нибудь волочит что-то очень тяжёлое.

Он обернулся.

— Вечерочек, господин Сдумс. Гляжу, вы всё так же мертвы.

— Вечер добрый, Модо. А у тебя очень славная клумба.

— За вами кто-то тащит дверь, господин Сдумс.

— Да, я в курсе.

Дверь осторожно протиснулась по тропинке. Проходя мимо Модо, она неуклюже повернулась, словно тот, кто её нёс, изо всех сил старался скрыться за ней.

— Это, скажем так, защитная дверь, — пояснил Ветром.

Он запнулся. Что-то было не так. Непонятно, что именно, но вокруг стало больше *нетаковости*, словно в оркестре кто-то сфальшивил. Он

внимательно осмотрелся.

— А во что это ты складываешь сорняки? — спросил он.

Модо оглянулся на нечто, стоявшее рядом.

— Славная, правда? — сказал он. — Нашёл рядом с компостной кучей. У меня тачка сломалась, я поглядел, а там…

— В жизни ничего подобного ещё не видел, — признался Ветром. — Кому пришло в голову связать большущую корзину из проволоки? А колёсики на вид маловаты.

— Зато ручка очень удобная, и ездит легко, — возразил Модо. — Ума не приложу, кто мог её выкинуть. Зачем кому-то выкидывать такую славную вещь, а, господин Сдумс?

Ветром всё глазел на тележку. Его не оставляло чувство, что та глядит на него в ответ.

Он услышал собственный голос:

— Может, она сама приехала.

— Верно сказано, господин Сдумс! Наверное, просто хотела немного передохнуть! — подхватил Модо. — Ну, вы даёте!

— Да уж, — мрачно процедил Ветром. — Похоже на то.

Он вышел в город, слыша за спиной скрип двери и топот ног.

Сказал бы мне кто месяц назад, что через несколько дней после смерти я буду бродить в компании застенчивого страшилы, прячущегося за дверью… наверное, я бы ему в лицо рассмеялся, подумал он. *Хотя нет. Я бы сказал: «Ась?», или «Что?», или «Говори громче!», но всё равно бы не понял.*

У него за спиной кто-то тявкнул.

За ним наблюдал пёс. Очень крупный. По правде говоря, Ветром решил, что это пёс, а не волк, лишь потому, что всем известно — волки в городах не водятся.

Пёс подмигнул ему. Ветром подумал: *«А ведь прошлой ночью было не полнолуние!»*

— Люпин? — догадался он.

Пёс кивнул.

— Говорить можешь?

Пёс покачал головой.

— Ну, чем теперь займёшься?

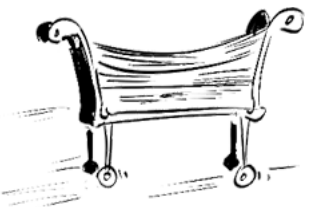
Люпин пожал плечами.

— Хочешь, пойдём со мной?

Он снова пожал плечами, будто отвечая: «А почему бы и нет! Заняться мне больше нечем».

Скажи мне кто-нибудь месяц назад, что через несколько дней после смерти я буду бродить в компании застенчивого страшилы, прячущегося

за дверью, и оборотня наоборот… ну, вот на это я бы, пожалуй, рассмеялся, подумал Сдумс. *Конечно, после того, как мне бы это несколько раз повторили. И погромче.*



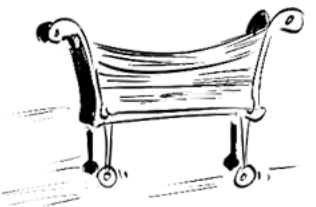
Смерть Крыс забрал последних клиентов, многие из которых прежде обитали в соломе, и вывел сквозь пламя туда, куда попадают после смерти хорошие крысы.

Он удивился, когда миновал пылающую фигуру, с трудом пробиравшуюся сквозь дикий бурелом из рухнувших стропил и обугленных половиц. Поднимаясь по горящей лестнице, фигура достала что-то из тлеющих останков своей одежды и осторожно зажала в зубах.

Смерть Крыс не стал дожидаться того, что будет дальше. Пускай ему был всего день от роду, он ещё искал свой подход к работе Смерти, но одновременно он в каком-то смысле был древним, как первая протокрыса. И понимал, что низкий

рокот, от которого дом заходил ходуном, — это закипает бренди в бочках.

А с кипящим бренди есть одна проблема: кипит он недолго.



Взрыв разбросал обломки таверны на версту вокруг.

Белоснежное пламя хлынуло из дыр, в которых ещё недавно были двери и окна. Стены лопнули наружу. Пылающие стропила взвились над головами. Часть из них упала на соседние крыши, разжигая всё новые пожары.

Осталось лишь зарево, от которого слезились глаза.

А затем на фоне зарева возникли маленькие тени.

Они заметались и слились воедино в силуэт высокого человека, который шагал из огня, неся что-то на руках.

Он прошёл сквозь толпу обожжённых зевак и

заковылял по тёмной холодной дороге к ферме. Люди взяли себя в руки и пошли за ним, волочась сквозь сумрак, как хвост тёмной кометы.

Билл Дверь поднялся по лестнице в спальню госпожи Флитворт и уложил ребёнка на кровать.

— ОНА ГОВОРИЛА, ТУТ НЕПОДАЛЁКУ ЕСТЬ АПТЕКАРЬ.

Госпожа Флитворт вынырнула из толпы на вершину лестницы.

— Есть один в Чембли, — сказала она. — А ещё ведьма живёт по дороге на Ланкр.

— НИКАКИХ ВЕДЬМ. НИКАКОЙ МАГИИ. ПОШЛИТЕ ЗА АПТЕКАРЕМ. А ОСТАЛЬНЫЕ ВЫЙДУТ ВОН.

Это была не просьба. Даже не приказ. Просто неоспоримое утверждение.

Госпожа Флитворт замахала тощими руками на зевак.

— Ладно, всё, на выход, дело кончено. Брысь! Что вы все ввалились ко мне в спальню? Давайте, выметайтесь!

— Но как ему это удалось? — спросил кто-то в задних рядах. — Никто бы не выбрался оттуда живьём! Мы же видели взрыв!

Билл Дверь медленно обернулся.

— МЫ СПРЯТАЛИСЬ, — сказал он. — В ПОГРЕБЕ.

— Вот! Ясно? — поддакнула госпожа Флитворт. — В погребе. Всё сходится.

— Но в таверне не было… — усомнился кто-то, но запнулся.

Билл Дверь глядел на него в упор.

— В погребе, — поправился тот. — Ага. Верно. Умно.

– *Очень* умно, — подтвердила госпожа Флитворт. — А теперь давай, догоняй остальных.

Он услышал, как она гонит их по лестнице обратно в ночь. Хлопнула дверь. Он не заметил, когда она снова поднялась с миской холодной воды и полотенцем. Госпожа Флитворт тоже умела ходить бесшумно, когда хотела. Она зашла и закрыла за собой дверь.

— Родители захотят увидеть девочку, — сказала она. — Мамаша её в обмороке, а большой Генри с мельницы вырубил папашу, когда тот пытался броситься в огонь за ней. Но скоро они будут здесь.

Она наклонилась и провела полотенцем по лбу девочки.

— Где она была?

— ПРЯТАЛАСЬ В БУФЕТЕ.

— От огня?

Билл Дверь пожал плечами.

— Поразительно, что ты сумел её найти в таком жаре и дыме, — заметила она.

— ПОЛАГАЮ, ВЫ НАЗВАЛИ БЫ ЭТО ЧУТЬЁМ.

— И на ней ни царапинки!

Билл Дверь сделал вид, что это был не вопрос.

— ВЫ УЖЕ ПОСЛАЛИ ЗА АПТЕКАРЕМ?

— Да.

— ПУСТЬ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НИЧЕГО НЕ ЗАБИРАЕТ.

— В смысле?

— БУДЬТЕ ТУТ, КОГДА ОН ПРИДЁТ. НЕ ДАВАЙТЕ ЕМУ НИЧЕГО ЗАБРАТЬ ИЗ КОМНАТЫ.

— Что ты несёшь? С чего бы ему воровать? Да и что он может забрать-то?

— ЭТО КРАЙНЕ ВАЖНО. А ТЕПЕРЬ Я ВЫНУЖДЕН УЙТИ.

— Куда это ты собрался?

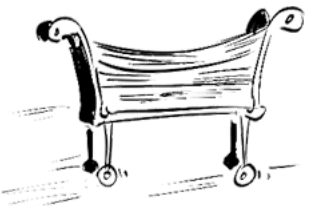
— В АМБАР. ДОЛЖЕН КОЕ-ЧТО СДЕЛАТЬ. ПОХОЖЕ, У МЕНЯ ОСТАЛОСЬ МАЛО ВРЕМЕНИ.

Госпожа Флитворт глядела на лежащую в постели девочку. Она поняла, что ничего тут не понимает, и ей оставалось лишь действовать наугад.

— Она как будто уснула, — беспомощно сказала она. — Что с ней?

Билл Дверь замешкался в дверях на лестницу.

— ОНА ЖИВЁТ НА ВРЕМЯ, ДАННОЕ ВЗАЙМЫ.



За амбаром была старая кузня. Ею уже много лет не пользовались. Но теперь из неё на двор лился красно-жёлтый свет, пульсируя, точно сердце.

И раздавался мерный стук, точно сердце. С каждым ударом свет вспыхивал голубым.

Госпожа Флитворт проскользнула в открытую дверь. Она была не из тех, кто клянётся попусту, не то поклялась бы, что не издала ни звука, который можно было бы расслышать среди треска огня и стука молота. И всё же Билл Дверь резко развернулся, полусогнувшись, и выставил перед собой изогнутое лезвие.

— Это я!

Он успокоился, или, скорее, перешёл на пониженный уровень беспокойства.

— Ты что тут делаешь, чёрт возьми?

Он поглядел на лезвие в руках, будто видел его

в первый раз.

— Я РЕШИЛ НАТОЧИТЬ КОСУ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— В час ночи?

Он непонимающе поглядел на неё.

— ОНА И НОЧЬЮ ТАКАЯ ЖЕ ТУПАЯ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

Затем он жахнул косой по наковальне.

— НО У МЕНЯ НЕ ВЫХОДИТ НАТОЧИТЬ КАК НАДО!

— Кажется, у тебя тепловой удар, — сказала она и потянулась к его руке. — И как по мне, она достаточно острая, чтобы… — начала она и умолкла. Пробежалась пальцами по его костлявой руке. Отдёрнула руку на миг, затем снова сжала.

Билл Дверь вздрогнул.

Госпожа Флитворт колебалась недолго. За семьдесят пять лет она имела дело с войнами, голодом, целой кучей больных животных, парой эпидемий и тысячами мелких повседневных трагедий. Удручённый скелет не вошёл бы даже в топ-10 Худших Вещей в её жизни.

— Так *вот* кто ты, — произнесла она.

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ, Я…

— Я всегда знала, что однажды ты придёшь.

— МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО…

— Знаешь, я большую часть жизни провела дожидаясь рыцаря на белом коне, — усмехнулась госпожа Флитворт. — Ирония судьбы, да?

Билл Дверь сел на наковальню.

— Приходил аптекарь, — продолжила она. — Сказал, что ничего не может поделать. Говорит, она в порядке. Только разбудить не можем. И знаешь, мы еле-еле ей руку разжали. Она так крепко её сжимала…

— Я ВЕЛЕЛ НИЧЕГО НЕ ЗАБИРАТЬ!

— Всё в порядке! Всё в порядке! Мы оставили их у неё в руке.

— СЛАВНО.

— А что это было?

— МОЁ ВРЕМЯ.

— Что-что?

— МОЁ ВРЕМЯ. ВРЕМЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

— А выглядело как песочные часы для варки яиц. Очень дорогих яиц.

Билл Дверь как будто удивился.

— ДА. ПОЖАЛУЙ. Я ОТДАЛ ЕЙ ЧАСТЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ.

— Как так вышло, что тебе вообще нужно время?

— ВСЕМ ЖИВУЩИМ НУЖНО ВРЕМЯ. А КОГДА ОНО КОНЧАЕТСЯ, ОНИ УМИРАЮТ. КОГДА ВРЕМЯ

ИСТЕЧЁТ, ОНА УМРЁТ. И Я ТОЖЕ УМРУ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ.

— Но *ты-то* не можешь…

— МОГУ. ЭТО ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ.

— Подвинься-ка.

— ЧТО?

— Подвинься-ка, я сказала. Мне надо присесть.

Билл Дверь освободил место на наковальне. Госпожа Флитворт села рядом.

— Так, значит, ты умрёшь, — сказала она.

— ДА.

— Но ты этого не хочешь.

— ДА.

— А почему?

Он поглядел на неё как на сумасшедшую.

— ПОТОМУ ЧТО ТОГДА МЕНЯ ЖДЁТ НИЧТО. ТОГДА Я ПЕРЕСТАНУ СУЩЕСТВОВАТЬ.

— Это и с людьми так происходит?

— НЕТ, ДУМАЮ, С ВАМИ ВСЁ ИНАЧЕ. У ВАС ЭТО ДЕЛО ЛУЧШЕ ОРГАНИЗОВАНО.

Они сидели и глядели, как затухают угли в горне.

— Так для чего ты точил эту косу? — спросила госпожа Флитворт.

— Я ПОДУМАЛ, МОЖЕТ, Я СМОГУ… ОТБИТЬСЯ…

— А разве это возможно? Против тебя бы по-

могло?

— ОБЫЧНО НЕТ. ИНОГДА ЛЮДИ БРОСАЮТ МНЕ ВЫЗОВ И ХОТЯТ СЫГРАТЬ. СТАВЯТ НА КОН СВОЮ ЖИЗНЬ.

— Бывало, что выигрывали?

— НЕТ. НО В ПРОШЛОМ ГОДУ КОЕ-КТО УСПЕЛ ПОСТРОИТЬ ТРИ ДОМА И ОТЕЛЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОПАЛ В ТЮРЬМУ И ОБАНКРОТИЛСЯ.

— Чего-о? Это что за игра такая?

— УЖЕ НЕ ПОМНЮ. НАЗЫВАЛАСЬ КАК-ТО ВРОДЕ «ОЛИГАРХИЯ». Я БЫЛ ЗА БАНКИРА.

— Погоди-ка, — уточнила госпожа Флитворт. — Если ты — *это ты*, то кто же придёт за тобой?

— СМЕРТЬ. ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ ЭТО ПОДСУНУЛИ МНЕ ПОД ДВЕРЬ.

Смерть разжал руку и показал потёртую бумажку, на которой госпожа Флитворт с трудом разобрала надпись: «УУууууИИИииУУУууууИИИиииУУУууууИии».

— ПОЛУЧИЛ ВОТ ТАКУЮ ГОРЕ-ЗАПИСКУ ОТ БАНШИ.

Госпожа Флитворт поглядела на него, наклонив голову вбок.

— Но… поправь меня, если ошибаюсь, но разве…

— СМЕРТЬ. *НОВЫЙ* СМЕРТЬ.

Билл Дверь подхватил лезвие.

— ОН БУДЕТ УЖАСЕН.

Лезвие дрожало в его руках. Вдоль острия мерцал голубой свет.

— И Я БУДУ ЕГО ПЕРВЫМ ЗАДАНИЕМ.

Госпожа Флитворт заворожённо глядела на этот свет.

— А насколько ужасен?

— НАСКОЛЬКО УЖАСНОГО ВЫ МОЖЕТЕ ПРЕДСТАВИТЬ?

— Ой!

— ВОТ ИМЕННО НАСТОЛЬКО.

Лезвие качнулось туда-сюда.

— И за девочкой тоже он придёт, — вздохнула госпожа Флитворт.

— ДА.

— Кажется, я тебе ничем не обязана, господин Дверь. Кажется, никто во всём мире тебе ничем не обязан.

— ПОЛАГАЮ, ВЫ ПРАВЫ.

— Но, знаешь, с жизни тоже есть за что поспрашивать. Будем честны.

— НЕ БУДУ СПОРИТЬ.

Госпожа Флитворт снова оглядела его, долго и оценивающе.

— А знаешь, там, в углу, лежит отличный то-

чильный камень, — подсказала она.

— Я ИМ ПОЛЬЗОВАЛСЯ.

— И ещё оселок в комоде.

— ИМ ТОЖЕ.

Казалось, она слышала, как движется лезвие. Словно оно режет воздух с лёгким свистом.

— И всё равно недостаточно острая?

— ВОЗМОЖНО, ОНА НИКОГДА НЕ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО ОСТРОЙ, — вздохнул Билл Дверь.

— Ладно тебе, приятель. Нечего опускать руки, — подбодрила его госпожа Флитворт. — Знаешь, пока живу и так далее…

— ПОКА ЖИВУ — ДАЛЕЕ ЧТО?

— Пока живу — надеюсь. Так говорят.

— А ЕСТЬ НАДЕЖДА?

— Непременно.

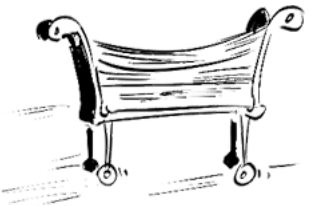
Билл Дверь провёл костяным пальцем по лезвию.

— НАДЕЖДА?

— У тебя есть другие идеи?

Билл покачал головой. Он уже пробовал разные эмоции, но эта была новой.

— НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПЕРЕДАТЬ МНЕ ТОТ БРУСОК?



Прошёл час.

Госпожа Флитворт порылась в своей сумке.

— Что дальше? — спросила она.

— ЧТО У НАС ПОД РУКОЙ?

— Давай поглядим… Мешковина, бязь, лён… как насчёт сатина? Вот кусочек.

Билл Дверь взял тряпочку и аккуратно провёл ею вдоль лезвия.

Госпожа Флитворт добралась до дна сумки и достала оттуда лоскут белой ткани.

— ДА?

— Шёлк, — сказала она с придыханием. — Тончайший белый шёлк. Самый настоящий! Неношеный.

Она присела, разглядывая лоскут.

Наконец он осторожно взял его из её пальцев.

— СПАСИБО.

— Ну вот, — очнулась она. — Это последнее, да?

Он повернул лезвие, и оно издало звук

«*ввумммммм*».

Пламя в горне уже почти потухло, но лезвие горело само от остроты.

— Заточили об шёлк! — восхитилась госпожа Флитворт. — Кому скажешь, не поверят.

— И ВСЁ РАВНО ТУПОЕ.

Билл Дверь оглядел тёмную кузню и метнулся в угол.

— Что у тебя там?

— ПАУТИНА.

Раздался долгий высокий стон, будто кто-то мучал муравьёв.

— Ну как?

— ВСЁ РАВНО ТУПОЕ.

Увидев, что Билл Дверь направился прочь из кузни, она поспешила за ним. Он вышел на середину двора и поднял лезвие косы навстречу лёгкому утреннему ветерку. Коса зазвенела.

— Божечки мои, да насколько же можно заточить косу?

— МОЖНО ЕЩЁ ОСТРЕЙ.

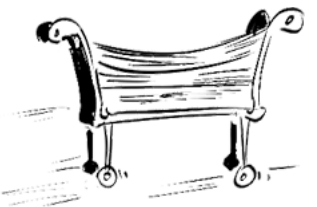
Петух Сирил проснулся в курятнике и подслеповато уставился на коварные буквы, выведенные перед ним мелом. Вдохнул поглубже.

— Флу-каре-ду!

Билл Дверь поглядел на горизонт в сторону

Края, а затем, на всякий случай, на холм за домом.

И двинулся вперёд, клацая пятками по земле.



Свет нового дня растекался по миру. На Плоском мире свет старый, тяжёлый и густой, так что по земле он двигался со скоростью атакующей конницы. Изредка он замедлялся в какой-нибудь лощине, а порой горный хребет сдерживал его, пока свет всё же не переливался через край на противоположный склон.

Свет пересекал моря, вылезал на берег и разгонялся на равнинах, подгоняемый пинками солнца.

На знаменитом тайном континенте Хххх, где-то у самого Края, есть затерянная колония волшебников, которые носят шляпы с пробками и питаются только креветками. В тех местах свет самый дикий и свежий, только что из космоса, так что волшебники берут доски и катаются на

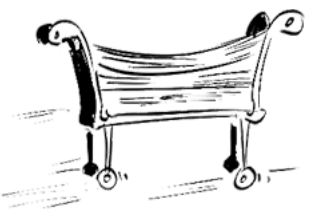
волнах кипящей грани между ночью и днём.

Если бы кого-нибудь из них занесло на потоке зари вглубь Плоского мира на тысячи миль, он бы пронёсся со светом над высокогорными равнинами и увидал, как тощая фигурка карабкается на холм на пути рассвета.

Эта фигурка поднялась на вершину за минуту до прихода света, перевела дух, полуприсела и с хищной ухмылкой развернулась. В вытянутых руках она держала длинное лезвие.

И вот свет обрушился… рассёкся… соскользнул…

Правда, наш гипотетический волшебник этого бы не заметил. Его бы больше волновало, что ему пять тысяч миль топать до дому.



Госпожа Флитворт, запыхавшись, догнала его, когда новый день уже нёсся мимо. Билл Дверь стоял абсолютно неподвижно, только поворачивал лезвие в пальцах, подставляя его свету под

нужным углом.

Наконец он остался доволен.

Он обернулся и на пробу махнул лезвием в воздухе.

Госпожа Флитворт упёрла руки в боки.

— Да *ладно*, — не поверила она. — Нельзя/что/либо/зато/чить о/свет!

Она запнулась.

Он снова махнул лезвием.

— Бо/же/чки!

Где-то во дворе Сирил вытянул лысую шею, готовясь к очередному заходу. Билл Дверь улыбнулся и махнул косой навстречу звуку.

— Зу/ка/не/фу!

И опустил лезвие.

— ВОТ *ТЕПЕРЬ* ОСТРОЕ.

Он перестал улыбаться — по крайней мере, насколько в принципе мог.

Госпожа Флитворт обернулась и проследила за его взглядом — он упёрся в какую-то дымку на полях.

Выглядело это как бледно-серая мантия, пустая, но каким-то образом сохраняющая очертания носителя, как бельё на верёвке, раздутое ветром.

Оно помелькало и исчезло.

— А я видела, — сказала госпожа Флитворт.

— ЭТО ЕЩЁ НЕ ОН. ЭТО ОНИ.

— Кто — они?

— КАК БЫ СКАЗАТЬ… — неопределённо махнул Билл Дверь. — СЛУЖИТЕЛИ. НАБЛЮДАТЕЛИ. АУДИТОРЫ. ИНСПЕКТОРЫ.

Госпожа Флитворт прищурилась.

— Инспекторы? Типа налоговых?

— ПОЛАГАЮ, ДА…

— Что ж ты сразу не сказал? — просияла она.

— ИЗВИНИТЕ?

— Батюшка всегда мне говорил: никогда не помогай этим налоговнюкам! А ещё говорил, от одной мысли о налоговиках ему дурно становится. Говорил, есть две неизбежные вещи: смерть и налоги — но налоги хуже, ведь смерть хотя бы не приходит за тобой каждый год. Когда он заговаривал о налоговиках, всем приходилось выйти из комнаты. *Гады*, говорил он. Вечно расспрашивают, ищут, что ты там спрятал под поленницей и за потайными половицами в погребе, и всякое такое прочее, до чего никому дела не должно быть!

Она фыркнула.

Билл Дверь был потрясён. Госпожа Флитворт заставила слово «налоговик» звучать как «мразь», хотя оно и в два раза длиннее.

— Надо было с самого начала об этом сказать, —

пожурила его госпожа Флитворт. — В наших краях налоговнюков не любят. В батюшкины времена, ежели какой мытарь совал к нам нос в одиночку, ему к ногам привязывали камни и бросали в пруд.

— НО ВАШ ПРУД ГЛУБИНОЙ ВСЕГО ПО КОЛЕНО, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Мы-то знали, а они-то нет! Надо было видеть их рожи! В общем, зря сразу не сказал. Тут все считают: к чёрту налоги.

— ЭТО НЕ СОВСЕМ НАЛОГИ.

— Ладно-ладно. Я и не знала, что есть Мытари Высших Сфер.

— ДА. В НЕКОТОРОМ РОДЕ.

Она подошла ближе.

— И когда он явится?

— ЭТОЙ НОЧЬЮ. ТОЧНЕЕ НЕ СКАЖУ. СЕЙЧАС ДВОЕ ЖИВУТ ПО ОДНИМ ЧАСАМ. ОТ ЭТОГО ВСЁ СТАЛО НЕОПРЕДЕЛЁННЫМ.

— А я и не знала, что можно отдать кому-то свою жизнь.

— ТАКОЕ ПРОИСХОДИТ СПЛОШЬ И РЯДОМ.

— Этой ночью, ты уверен?

— ДА.

— А коса сработает, да?

— НЕ ЗНАЮ. ШАНСЫ ОДИН НА МИЛЛИОН.

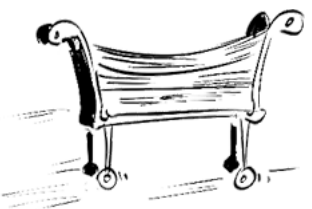
— Ой. — Она о чём-то задумалась. — Так у тебя остаток дня, выходит, свободен?

— ДА?

— Значит, урожай ты собрать успеешь.

— ЧТО?

— Чтобы без дела не сидеть. И отвлечься от всяких мыслей. К тому же я тебе деньги плачу. Шесть пенсов есть шесть пенсов.



Дом госпожа Торт был рядом, на той же улице Вязов. Ветром Сдумс постучался в дверь.

Через некоторое время его окликнул приглушённый голос:

— Есть там кто?

— Стукните один раз, это значит «да», — предложил Шлёппель.

Ветром приоткрыл крышку щели для писем.

— Извините, это госпожа Торт?

Дверь открылась.

Хозяйка оказалась не такой, как представлял

себе Ветром. Она была крупной, но не в том смысле, что толстой. Просто её будто лепили в увеличенном масштабе. Таким людям всю жизнь приходится слегка сутулиться и смущаться, когда они невольно нависают над другими. Волосы у неё оказались просто роскошные, они венчали голову и плащом ниспадали за спиной. Ещё у неё были острые уши и клыки — белые и красивые, но блестели как-то зловеще.

Ветром изумился, с какой скоростью обострённое чутьё зомби привело его к этим выводам. Он опустил глаза. Люпин сидел у его ног, прямой, как палка, такой восхищённый, что не смел даже вилять хвостом.

— Полагаю, *вы* вряд ли госпожа Торт, — предположил Ветром.

— А, вы к маме, — сказала высокая девушка. — Мама! Тут к тебе господин!

Бормотание вдалеке сменилось бормотанием вблизи, и вот госпожа Торт появилась рядом с дочерью, как луна, вышедшая из тени планеты.

— Чиво вам надо? — спросила госпожа Торт.

Ветром невольно отшатнулся. В отличие от дочери, госпожа Торт была небольшого роста и почти шарообразна. Но если дочь изо всех сил старалась казаться меньше, то мадам, наоборот,

буквально нависала над вами. Отчасти дело было в шляпе, которую, как он позже узнал, она упорно носила всюду, подобно волшебникам. Шляпа была огромной, чёрной и украшенной всякой всячиной, вроде крылышек птицы, восковых вишен и шпилек — Кармен Миранда могла бы надеть такую на похороны целого континента. Сама госпожа Торт маячила где-то под ней, как гондола под дирижаблем. Люди порой невольно разговаривали с ней, глядя ей в шляпу.

— Госпожа Торт? — заворожённо спросил Ветром.

— Вообще-та я тута, внизу, — ответил укоризненный голос.

Ветром опустил глаза.

— Ento я, да, — признала госпожа Торт.

— Я имею честь беседовать с госпожой Торт? — уточнил Ветром.

— Знаю, знаю, — ответила госпожа Торт.

— Меня зовут Ветром Сдумс.

— И ento я знаю.

— Я, видите ли, волшебник…

— Ладно, только ноги вытирайте.

— Могу я войти?

Ветром Сдумс запнулся. Он заново прокрутил последние строки разговора в контрольном цен-

тре своего мозга. А потом улыбнулся.

— Так и есть, — сказала госпожа Торт.

— Вы часом не ясновидящая от природы?

— Обычно секунд на десять, господин Сдумс.

Ветром снова запнулся.

— Вам надобно задать вопрос, — поторопила его госпожа Торт. — Ежели я провижу, шо люди зададут вопрос, а они его внаглую не задают, у мене мигрень начинается.

— А далеко ли вы провидите будущее, госпожа Торт?

Она кивнула.

— Ну, ладненько, — сказала она с явным облегчением и повела их по коридору в крохотную гостиную. — И страховидла может заходить, токмо пусть дверь снаружи оставит и прячется в погреб. Не люблю, когда страшилы по дому шастают.

— Батюшки, да я столько лет не бывал в настоящем погребе! — воскликнул Шлёппель.

— Там пауки.

— Шикарно!

— А вы хотите чашечку чаю, — сказала госпожа Торт Ветрому. Кто другой спросил бы «Не хотите ли чашечку чаю?», но она сказала это утвердительно.

— Да, если можно, — согласился Ветром. — Мне бы чашечку чаю.

— Это вы зря. От этой дряни зубы портятся.

Ветром задумался и понял:

— И две ложки сахару, пожалуйста.

— Да, неплохо.

— У вас тут очень миленько, госпожа Торт, — поспешно продолжил Ветром, соображая на ходу. От привычки мадам отвечать на вопросы, едва вы о них подумали, любой мозг закипит.

— Он умер лет десять назад, — ответила она.

— Эм-м? — поперхнулся Ветром, но вопрос был у него уже на языке: — Надеюсь, господин Торт в добром здравии?

— Да ничего. Мы с ним иногда ещё общаемся, — ответила госпожа Торт.

— Мне очень жаль.

— Ладно, если вам так удобнее.

— Эм-м… госпожа Торт, я уже немного запутался. А вы не могли бы… отключить… это ваше ясновидение?

Она кивнула.

— Извините. Вечно забываю его выключать, — сказала она. — Обычно-то тут токмо я, да Людмилла, да Один-Человек-Ведро. Это призрак, ежели что, — добавила она. — Я ж знала, что вы

это спросите.

— Да, я слыхал, что медиумам служат проводниками духи туземцев, — кивнул Ветром.

— Он-то? Да какой он проводник, так, дух на полставки, — махнула рукой госпожа Торт. — Я, знаете, не люблю всю эту мишуру с картами, трубами, досками вуй-джа, или как их там. А уж эктоплазма — просто гадость, я такого в доме не терплю. Потом ничем с ковра не выведешь. Даже уксусом.

— Да уж не сомневаюсь, — кивнул Ветром Сдумс.

— И завывания ещё эти. Терпеть их не могу. И вообще иметь дело со сверхъестественным. Оно неестественное, это сверхъестественное. Мне этого не надо.

— Эм-м, — осторожно начал Ветром. — Я знаю многих, кто сказал бы, что медиумы немного работают со… ну… сверхъестественным.

— Что? *Что?!* В мертвецах нет ничего сверхъестественного. Чепуха какая. Мы все рано или поздно умираем. Это *естественно*.

— Надеюсь, что так, госпожа Торт.

— Так чего вы хотели, господин Сдумс? Я сейчас не ясновижу, так что придётся вам сказать.

— Хочу знать, что происходит, госпожа Торт.

У них под ногами раздался приглушённый стук, а затем тихий голос восхищённого Шлёппеля.

— Ого! Тут ещё и крысы!

— Я ходила к этим вашим волшебникам и пыталась рассказать, — холодно начала госпожа Торт. — Но никто меня не слушал. Я заранее знала, что они не послушают, но надо же было попробовать, иначе откуда бы я это узнала.

— С кем вы говорили?

— Здоровенный малый в красном платье и с такими усами, будто кота проглотил.

— А. Это аркканцлер, — кивнул Ветром.

— И ещё там был такой толстяк. Ходит вразвалку, как утка.

— И правда, как утка. Это был декан, — добавил Ветром.

— Они назвали меня «дамочкой», — фыркнула госпожа Торт. — И сказали заняться своими делами. Не представляю, с чего бы мне помогать волшебникам, которые дамочками обзываются, хотя я тут единственная пытаюсь помочь.

— Боюсь, волшебники редко к кому-либо прислушиваются, — признал Ветром. — Я и сам никого не слушал сто тридцать лет.

— А почему?

— Думается, чтобы не слышать, какую чушь я

сам несу. Так что творится, госпожа Торт? Мне можете сказать. Я хоть и волшебник, но уже мёртвый.

— Ну…

— Шлёппель мне сказал, что дело в жизненной силе.

— Она копится, понимаете ли.

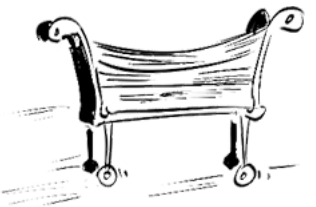
— Но что это *значит*?

— Её стало больше, чем надо. И получилось… — она неопределённо махнула рукой, — ну, то, что бывает, когда грузы на чашках весов не одинаковые…

— Неравновесие?

Госпожа Торт отстранённо кивнула, будто читала какой-то сценарий.

— Да, что-то такое… понимаете, порой это по мелочи случается, и появляются привидения, потому что жизнь уже больше не в теле, но и не ушла… Причём зимой этого бывает меньше, потому что жизнь как бы немного уходит, а по весне возвращается… А в некоторых вещах она копится…



Университетский садовник Модо, мурлыкая мелодию под нос, катил в свой закуток между библиотекой и Факультетом Высокоэнергетической магии[13] новую странную тележку, гружённую свежими сорняками для компоста.

Вокруг, похоже, творилась весёлая кутерьма. Как же всё-таки интересно работать с волшебниками!

Вся суть в командной работе. Они следили за космическим балансом, вселенскими гармония-

---

[13] Примечания: 13

Единственное в Университете здание младше тысячи лет. Старшие волшебники обычно не обращали внимания на то, чем занимаются волшебники помоложе, постройнее и поочкастее. Их вечные запросы на финансирование акселераторов чародейских частиц и защиты от радиации воспринимали как вымогательство карманных денег, а их захватывающие доклады о поисках элементарных частиц самой магии слушали как выступления комиков. Для старших волшебников это однажды может обернуться серьёзной ошибкой, особенно если они всё же *позволят* молодым построить ту шайтан-машину, которую они хотят разместить на поле для крикета.

Старшие волшебники полагали, что истинная суть магии в том, чтобы построить общественную пирамиду, в которой на вершине находятся волшебники, кушающие сытные обеды. Однако именно факультет ВЭМ сумел добыть один из редчайших деликатесов во вселенной

— антимакароны. Обычные макароны варят за несколько часов до того, как съедят их. Антимакароны же создаются через несколько *часов* после обеда, после чего движутся *назад во времени* и, если их правильно приготовить, попадают на вкусовые рецепторы точно вовремя, создавая истинный взрыв вкуса. Стоят они пять тысяч долларов за вилку, или чуть больше, если включить в цену очистку стен от томатного соуса после такой трапезы.

ми и равновесием измерений, а он следил, чтобы плющ не обвивал розы.

Что-то металлически звякнуло. Он выглянул из-за груды побегов.

— Ещё одна?

На пути стояла блестящая металлическая корзина из проволоки на колёсиках.

Может, их ему волшебники покупают? Первая оказалась такой полезной, правда, управлять ею сложновато — колёсики вечно пытались ехать в противоположных направлениях. Наверное, надо привыкнуть.

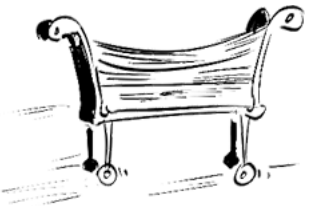
Ну, а в этой будет удобно возить поддоны для семян.

Он оттолкнул в сторону вторую тележку и услышал за спиной странный звук. Если его записать — если бы Модо вообще умел писать, — то, пожалуй, получилось бы «глоп».

Он обернулся и увидал, как крупнейшая из куч компоста пульсирует в темноте. Он сказал ей:

— Глянь, что я тебе принёс к чаю!

И тут она двинулась.



— И ещё в некоторых местах… — продолжила госпожа Торт.

— Так почему она копится-то? — перебил Ветром.

— Это как в грозу, смекаете? Знаете такое чувство, будто пальцы покалывает, перед грозой? Вот именно это происходит сейчас.

— Да, госпожа Торт, но почему?

— Ну… Один-Человек-Ведро говорит, что всё перестало умирать.

— Как?

— Бред, правда? Он говорит, жизни заканчиваются, но духи не уходят. Так и остаются.

— Что, типа как привидения?

— Не просто привидения. Это… скорее, как лужи. Когда луж много, получается море. И вообще, призраки бывают только у людей и им подобных. Не бывает же призраков кочана капусты.

Ветром Судмс откинулся в кресле. Ему представился огромный водоём жизни, озеро, питаемое

миллионом недолговечных притоков — это живые существа достигали финала своей жизни. Но вот жизненная сила переполнила его, давление выросло, и она прорывается то тут, то там.

— Может, мне перекинуться словечком с Одним… — начал он и запнулся.

Он вскочил и бросился к каминной полке госпожи Торт.

— Как давно это у вас, мадам? — вопросил он, схватив знакомый стеклянный предмет.

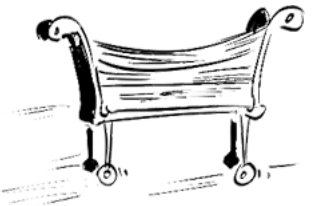
— Этот-то? Вчера купила. Миленький ведь, правда?

Ветром встряхнул шар. Этот почти не отличался от тех, что он нашёл у себя под половицей. Снежинки взмыли вверх и осели на аккуратной модели Незримого университета.

Это ему о чём-то очень сильно напоминало. Ну, модель весьма напоминала Университет, но форма всей этой вещи намекала на что-то, заставляя думать про…

…завтрак?

— Почему это происходит? — сказал он, в общем-то, самому себе. — Эти чёртовы штуки появляются на каждом шагу.



Волшебники бежали по коридору.

— А как убивать привидений?

— А мне почём знать? Обычно таких вопросов не возникает!

— Кажется, их изгоняют.

— Это как это? Гоняешь их кругами, как лошадей, пока не упадут без сил?

Декан не дал застать себя врасплох.

— Не «за», а «из», аркканцлер. Не думаю, что их кто-нибудь загоняет, эм-м, физически.

— Да уж наверняка. Ещё не хватало, чтобы под ногами загнанные призраки валялись.

И тут раздался леденящий душу крик. Он отразился эхом от тёмных колонн и арок и резко оборвался.

Аркканцлер замер на месте. Прочие волшебники влепились в него сзади.

— Кажется, это был леденящий душу крик, — сказал он. — За мной!

Он забежал за угол.

Раздался металлический лязг, а за ним последовал поток ругательств.

Что-то маленькое в красно-жёлтую полоску, с крохотными слюнявыми клыками и тремя парами крылышек вылетело из-за угла и пронеслось над головой декана со звуком маленькой бензопилы.

— Кто-нибудь знает, что это было? — пролепетал казначей. Странная штука облетела вокруг волшебников и скрылась в темноте под крышей. — И не мог бы он *так* не материться?

— Да ладно, — отмахнулся декан. — Пойдём лучше посмотрим, как он там.

— А это обязательно? — уточнил главный философ.

Они заглянули за угол. Аркканцлер сидел на полу, потирая лодыжку.

— Какой болван её здесь оставил? — воскликнул он.

— Оставил что? — уточнил декан.

— Эту *злогребучую* проволочную корзину на колёсиках! — бушевал аркканцлер. Рядом с ним в воздухе материализовалась маленькая лиловая тварь, похожая на паучка, и засеменила к трещине в стене. Волшебники не обращали на неё внимания.

— Какую корзину на колёсиках? — хором переспросили волшебники.

Чудакулли оглянулся.

— Да разрази меня гром, если я… — начал он.

Раздался ещё один крик.

Чудакулли неуклюже вскочил на ноги.

— Вперёд, ребята! — воскликнул он и отважно захромал дальше.

— И почему все бегут навстречу леденящему душу крику? — пробормотал главный философ. — Это противно всякой логике.

Они прошагали мимо келий в квадратный внутренний дворик.

В уголке старинного газона возвышался округлый тёмный силуэт. От него тонкими зловонными струйками валил пар.

— Это ещё что?

— Неужели посреди лужайки у нас куча компоста?

— Модо будет в ярости.

Декан пригляделся.

— Эм-м… ну да, тем более, кажется, это его нога торчит из-под кучи…

Куча качнулась в сторону волшебников и издала звук «глоп-глоп».

А затем двинулась.

— Ну, ладно, друзья, — Чудакулли нетерпеливо потёр руки, — у кого из вас есть наготове заклинание?

Волшебники принялись смущённо хлопать себя по карманам.

— Раз так, придётся мне отвлечь её внимание, а казначей и декан тем временем вытащат Модо, — сказал Чудакулли.

— Ну, ладно, — проблеял декан.

— А как отвлечь внимание кучи компоста? — спросил главный философ. — Не уверен, что у неё вообще есть внимание.

Чудакулли снял шляпу и робко шагнул вперёд.

— Эй, куча мусора! — рявкнул он.

Главный философ со стоном закрыл ладонью лицо.

Чудакулли помахал шляпой перед кучей.

— Биоразлагаемый хлам!

— Жалкое зелёное мессиво? — подсказал преподаватель современного руносложения.

— Вот вам задачка, — проворчал аркканцлер. — Как разозлить этого засранца.

(За спиной Чудакулли в воздухе появилась ещё какая-то невиданная тварь и с жужжанием улетела.)

Куча рванулась в сторону шляпы.

— Компост! — выпалил Чудакулли.

— Ну, вы и скажете, — простонал преподаватель современного руносложения.

Тем временем декан и казначей подкрались, схватили каждый по ноге садовника и со всех сил потянули. Модо выскользнул из-под кучи.

— Оно проело его одежду! — ужаснулся декан.

— А сам-то он в порядке?

— Пока дышит, — заметил казначей.

— Ему повезло, если он потерял обоняние, — добавил декан.

Куча набросилась на шляпу Чудакулли. Издала «глоп». Верхушка шляпы исчезла.

— Эй, там ещё почти полбутылки оставалось! — взревел Чудакулли. Главный философ схватил его за руку.

— Не надо, арккансцлер!

Куча повернулась и дёрнулась к казначею.

Волшебники отшатнулись.

— Она же не может быть разумной, верно? — уточнил казначей.

— Она только и делает, что медленно ползает и жрёт всё подряд, — сказал декан.

— Ага, надень на неё шляпу — и выйдет типичный сотрудник Университета, — признал арккансцлер.

Куча двинулась на них.

— А вот это уже, прямо скажем, было не медленно, — испугался декан. Все с нетерпением поглядели на аркканцлера.

— Бежим!

При всей своей дородности волшебники задали изрядного стрекача назад к кельям, распихали друг друга в дверях, захлопнули их за собой и прислонились спинами. Очень скоро с другой стороны вязко и глухо постучали.

— Мы оторвались от этой штуки! — сказал казначей.

Декан поглядел под дверь.

— Боюсь, оно вот-вот пройдёт сквозь дверь, аркканцлер, — пролепетал он.

— Не неси ерунды, старина, мы её спинами подпираем.

— Я имею в виду, не в дверной проём, а именно… *насквозь*…

Аркканцлер принюхался.

— Что горит?

— Ваши башмаки, аркканцлер, — заметил декан.

Чудакулли опустил глаза. Из-под двери вытекала зеленовато-жёлтая лужа. Древесина обугливалась, плитка на полу шипела, а кожаные

подошвы его башмаков явно попали в беду. Он буквально ощущал, как с каждым мигом становится ниже.

Он спешно расшнуровал башмаки и прямо с места перепрыгнул на ещё сухую плитку.

— Казначей!

— Что, аркканцлер?

— Отдай-ка мне свои ботинки!

— Что?

— Чёрт побери, ты глухой? Я велел отдать мне грёбаные ботинки!

На сей раз над головой Чудакулли возникло длинное создание с четырьмя парами крылышек, по две на каждом конце, и тремя глазами. Оно упало ему на шляпу.

— Но…

— Я тут аркканцлер!

— Да, но…

— Кажется, петли всё, — вмешался преподаватель современного руносложения.

Чудакулли загнанно огляделся.

— Мы отходим на перегруппировку в Главный зал, — сказал он. — Это… стратегическое отступление на подготовленные позиции.

— Подготовленные? — удивился декан.

— Ну, мы их подготовим, когда доберёмся, —

процедил аркканцлер сквозь зубы. — Казначей! Гони башмаки! Давай!

Они добрались до двойных дверей Главного зала, как раз когда дверь позади них полуобвалилась-полурастворилась. Двери Главного зала были куда прочней. Они заперли все засовы и задвижки.

— Освободите-ка столы и придвиньте их к двери, — скомандовал Чудакулли.

— Но древесину-то оно разъедает! — напомнил декан.

Тельце Модо, водружённое на кресло, издало стон и открыло глаза.

— Так, быстро! — бросился к нему Чудакулли. — Как убить кучу компоста?

— Эм-м… сомневаюсь, что это возможно, господин Чудакулли, сэр, — простонал садовник.

— Может, огнём? Я мог бы наколдовать небольшой огненный шар, — предложил декан.

— Не выйдет. Слишком сырая, — отрезал Чудакулли.

— Оно прямо за порогом! Оно проедает дверь! Оно проедает *дверь*! — возопил преподаватель современного руносложения.

Волшебники попятились как можно дальше от двери вглубь зала.

— Надеюсь, оно не *переест* древесины, — пробормотал ошеломлённый Модо с искренней заботой в голосе. — Просто жуть что начинается, ежели в них много углерода. Он слишком разогревает.

— Знаешь, это просто *идеальный* момент для лекции по производству компоста, Модо, — проворчал декан.

Но гному незнакомо было понятие «ирония».

— А, ну, если так… Кхе-кхе… Значит, важны правильные пропорции содержимого, правильное расположение слоями согласно…

— Двери каюк, — объявил преподаватель современного руносложения, подойдя к ним на трясущихся ногах.

Груда мебели начала раздвигаться.

Аркканцлер в отчаянии оглядел зал, надеясь на чудо. Его взгляд привлекла знакомая тяжёлая бутылка на одной полке.

— Углерод, значит, — сказал он. — А это сойдёт за углерод?

— Откуда мне знать? Я не алхимик, — фыркнул декан.

Куча компоста вынырнула из обломков, испуская клубы пара.

Аркканцлер с любовью поглядел на бутылочку

соуса Ухты-Ухты. Вынул пробку. Понюхал.

— Эх, не умеют местные повара готовить его как надо, — сказал он. — А из дома мне новый ждать несколько недель…

С этими словами он бросил бутылку в надвигавшуюся кучу. Она канула в сырой гуще.

— Жгучая крапива всегда полезна, — продолжал позади него Модо. — Добавляет железа. А ещё окопник, ну, его вообще много не бывает. Даёт, знаете ли, минералы. Ну а по личному опыту могу сказать, что если добавить чуточку дикого тысячелистника…

Волшебники высунулись из-за перевёрнутого стола.

Куча остановилась.

— Мне кажется или она становится больше? — спросил главный философ.

— И выглядит какой-то… довольной, — добавил декан.

— А пахнет *мерзко*, — добавил казначей.

— А чего вы хотели. Там была почти полная бутылочка соуса, — вздохнул аркканцлер. — Я её только-только на днях открыл.

— Природа творит чудеса, если подумать, — завёл своё главный философ. — И не надо так на меня коситься. Просто хотел это отметить.

— Бывают моменты, когда… — начал было Чудакулли, и тут куча взорвалась.

Ну, если это так назвать. Не было ни «баха», ни «бума». Вышел самый сырой и густой «плюх» в истории разрушительного газоиспускания. Багряное пламя, чёрное на излёте, ударило в потолок. Ошмётки кучи шрапнелью разлетелись по залу и влажно шмякнулись в стены.

Волшебники высунулись из-за своей баррикады, теперь густо покрытой чайными листьями.

Декану на голову мягко упала кочерыжка.

Он оглядел лужицу, вяло кипящую на плитках пола. И его лицо медленно пересекла улыбка.

— Ух ты! — сказал он.

Прочие волшебники тоже приходили в себя. Отходняк после адреналина сработал как чары. Они все заухмылялись и принялись игриво пихать друг друга в плечо.

— Пожри остренького! — ревел аркканцлер.

— К стенке тебя, мусор перебродивший!

— Вот тебе по мордасам! Можем повторить! — весело бурлил декан.

— Повторить-то как раз не можем. И не уверен, что у кучи компоста *вообще есть*… — начал было главный философ, но волна восторга охватила и его.

— Да уж, эта куча больше не посмеет задирать *волшебников*! — Декана несло. — Мы чёткие, мы дерзкие и как…

— Модо говорит, их там ещё три штуки, — перебил казначей.

Все смолкли.

— А давайте сходим за посохами, да? — предложил декан.

Аркканцлер потыкал ошмёток взорванной кучи мыском ботинка.

— Неживое оживает, — задумчиво произнёс он. — Не нравится мне это. Что дальше? Ходячие статуи?

Волшебники оглянулись на статуи покойных аркканцлеров, стоявшие вдоль стен Главного зала — да и, по правде, большинства коридоров Университета. Поскольку Университет насчитывал уже тысячи лет, а деканы в среднем могли протянуть месяцев одиннадцать, статуй тут хватало с лихвой.

— Знаете, вот зря вы это сказали, — заметил преподаватель современного руносложения.

— Так, просто пришло в голову, — отмахнулся Чудакулли. — Ладно, пойдём глянем на остальные кучи.

— Да! — воскликнул декан в приступе не при-

сущей волшебникам бравады. — Мы дерзкие! Мы же дерзкие, да?

Аркканцдер приподнял брови, а затем повернулся к остальным волшебникам.

– *Так что*, мы дерзкие? — вопросил он.

— Эм-м… Я себя ощущаю *умеренно* дерзким, — заявил преподаватель современного руносложения.

— Я уж точно очень дерзкий, — похвастал казначей. — А всё потому, что без башмаков остался, — добавил он.

— Ну, если все дерзкие, то и я тоже буду, — сдался главный философ.

Аркканцдер снова повернулся к декану.

— Да, — сказал он, — похоже, все мы тут дерзкие.

— Йоу! — воскликнул декан.

— Что — йоу? — не понял Чудакулли.

— Не что, а просто «йоу», — пояснил главный философ у него из-за спины. — Это типичное уличное приветствие и выражение согласия, принятое в воинственных мужских группировках, которое содержит подтекст ритуала братания.

— Чего-чего? Ну, то есть бодро и весело? — уточнил Чудакулли.

– *Полагаю*, так, — неуверенно согласился глав-

ный философ.

— Йоу!

— Йоу!

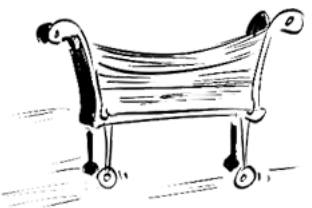
— Йо-йо!

Чудакулли вздохнул.

— Казначей?

— Да, аркканцлер?

— Ну ты хоть *постарайся* вникнуть, ладно?



Над горами сгущались тучи. Билл Дверь проходился взад-вперёд по первому полю, орудуя обычной крестьянской косой — ту самую, сверхострую, он пока спрятал в глубине сарая, чтобы не затупилась о воздух. Несколько жильцов госпожи Флитворт ходили за ним, увязывая снопы и складывая в стога. Как понял Билл Дверь, госпожа Флитворт никогда не нанимала на полную ставку более одного работника, а привлекала помощников лишь по необходимости, чтобы сэкономить хоть пенни.

— Впервые вижу, чтобы кто-то косил пшеницу косой, — удивился один из них. — Это же для серпа работа.

Они сделали обеденный перерыв и поели внизу под забором.

Билл Дверь прежде не уделял внимания именам и лицам людей сверх того, что нужно для дела.

По всему склону холма росла пшеница, она состояла из отдельных стеблей, и в глазах одного стебля другой мог быть замечательным, у него могли быть десятки ярких и необычных черт, выделяющих его среди других стеблей. Но для жнеца все они были… просто стеблями.

А теперь он начал замечать эти маленькие отличия.

Вот есть Вильям Крантик, а вот Болтун Виллс, а вот Герцог Боттомли. Все они старики, насколько мог судить Билл Дверь по коже, похожей на пергамент. Были в деревне и молодые люди, но с какого-то возраста они будто резко переходили к старости, не задерживаясь в промежуточной стадии. А потом оставались стариками очень долго. Госпожа Флитворт рассказывала, что, прежде чем устроить в этих краях кладбище, пришлось кого-то прихлопнуть лопатой по голове.

Вильям Крантик — тот, кто всегда пел за работой, начиная с долгого носового гудения, означавшего, что вот-вот начнётся народная песня. Болтун Виллс никогда ничего не говорил — за это, по словам Крантика, его и прозвали Болтуном. Билл Дверь не понял, в чём тут логика, но остальным, похоже, это было очевидно. Ну а у Герцога Боттомли родители были весьма амбициозны, но не улавливали суть сословий — поэтому его братьев звали Барон, Граф и Король.

Теперь они сидели в ряд под изгородью, оттягивая тот момент, когда надо будет вернуться к работе. С одного конца ряда раздался булькающий звук.

— Лето выдалось прям как в старые времена, — заявил Крантик. — И в кои-то веки погодка для хорошего урожая.

— Ай… не говори «гоп», пока не получишь в лоб, — отмахнулся Герцог. — Той ночью я видал, как паук в паутине задом наперёд вертится. Будет жуткая буря, это верная примета.

— Я чой-то сомневаюсь, что пауки такие вещи знают.

Болтун Виллс протянул Биллу Двери большой глиняный горшок. В нём что-то плескалось.

— ЧТО ЭТО?

— Яблочный сок, — сказал Крантик. Остальные засмеялись.

— А, — понял Билл Дверь. — КРЕПКОЕ СПИРТНОЕ, КОТОРОЕ В ШУТКУ ДАЮТ НИЧЕГО НЕ ПОДОЗРЕВАЮЩЕМУ НОВИЧКУ, ЧТОБЫ ПОСМЕЯТЬСЯ НАД НИМ, КОГДА ОН ПРОТИВ СВОЕЙ ВОЛИ ОПЬЯНЕЕТ.

— Ясен-красен, — признал Крантик. Билл Дверь сделал большой глоток.

— А ещё ласточки низко летают, — продолжил Герцог. — А куропатки ушли в лес. А ещё кругом много больших слизняков. А ещё…

— А мне вот думается, что никто из этих тварей ни бельмеса не смыслит в метеорологии, — перебил Крантик. — Думается, это ты ходишь по округе и говоришь им: «Эй, робяты! Приближается большая буря! Так что, господин Паукан, изобрази-ка что-нибудь похожее на примету».

Билл Дверь отпил ещё.

— КАК ЗОВУТ КУЗНЕЦА ИЗ ДЕРЕВНИ?

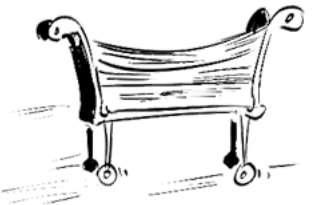
— Нед Кекс звать его, — кивнул Крантик. — Живёт на краю вон той лужайки. Но сейчас он, конечно, занят — сбор урожая и всё такое.

— У МЕНЯ ЕСТЬ ДЛЯ НЕГО РАБОТА.

Билл Дверь встал и направился к воротам.

— Билл!

— ДА? — остановился он.
— Бренди-то нам оставь.



В деревенской кузне было темно и мутно от жара. Но Билл Дверь отличался хорошим зрением.

Посреди сложной груды металла что-то двигалось. Это оказалась нижняя половина человека. Верхняя половина скрывалась в глубинах машины, откуда порой доносилось ворчание.

Когда Билл подошёл, из глубин вынырнула рука.

— Так. Дай-ка мне заглушку на три восьмых.

Билл огляделся. По всей кузне валялась масса разных инструментов.

— Давай, давай, — поторопил голос из машины.

Билл Дверь схватил случайный кусок металла и сунул в руку. Та втянулась в машину. Раздался металлический лязг, стон и ворчание.

— Я же сказал, заглушку! А это не… — раздался

скрежет ломающегося металла, — ай, палец, мой палец, из-за тебя… — что-то звякнуло, — а-а-ай! Теперь по голове! Ну, погляди, что я из-за тебя наделал. Храповая пружина снова отломилась от цапфовой арматуры, понимаешь?

— НЕТ. ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

Возникла неловкая пауза.

— Это ты, малыш Эгберт?

— НЕТ. ЭТО Я, СТАРИК БИЛЛ ДВЕРЬ.

Из машины раздалась серия ударов и звонов, и наконец верхняя часть человеческого тела выбралась из машины и оказалась молодым человеком с чёрными кудрями, чёрным лицом, в чёрной рубахе и чёрном фартуке. Он вытер тряпкой лицо, оставив розовую проплешину в черноте, и заморгал от пота, заливающего глаза.

— Кто-кто?

— СТАРИНА БИЛЛ ДВЕРЬ. РАБОТНИК ГОСПОЖИ ФЛИТВОРТ.

— Ах, да. Парень с пожара? Слышал-слышал, ты там был героем. Давай пять.

Он протянул чёрную руку. Билл Дверь недоуменно уставился на неё.

— ИЗВИНЯЮСЬ. Я ПРАВДА НЕ ЗНАЮ, КАК ВЫГЛЯДИТ ЗАГЛУШКА НА ТРИ ВОСЬМЫХ. И НА ПЯТЬ ТОЖЕ.

— Руку свою давай, говорю!

Билл Дверь не без колебаний вложил руку в ладонь юноши. Глаза, обрамлённые маслом, на миг расширились от удивления, но тут мозг поборол осязание, и кузнец улыбнулся.

— Кекс меня звать. Ну, как тебе?

— СЛАВНОЕ ИМЯ.

— Да я про машину. Гениально, да?

Билл Дверь осмотрел машину с вежливым недоумением. На первый взгляд она напоминала переносную мельницу, на которую напало исполинское насекомое. На второй взгляд — пыточную камеру инквизиции, которая вышла подышать свежим воздухом. Непонятные суставчатые рычаги торчали из неё под неожиданными углами. Тут были ремни и длинные пружины. И всё это водружено на шипастые металлические колёса.

— Конечно, её надо в движении смотреть, тогда оценишь, — признал Кекс. — А для этого требуется запрячь лошадь. Ну, пока требуется. У меня уже есть парочка радикальных идей по этому вопросу, — мечтательно добавил он.

— ЭТО КАКОЙ-ТО ПРИБОР?

Кекс будто слегка оскорбился.

— Мне больше нравится слово «машина», —

сказал он. — Она произведёт революцию в сельском хозяйстве и пинками загонит его в Век Летучей Мыши. Триста лет мои предки владели этим горном, но Нед Кекс не намерен до конца *своих* дней прибивать лошадям подковы, благодарю покорно.

Билл с недоумением глядел на него. Затем нагнулся и поглядел под машиной. Там к большому горизонтальному колесу была прикручена дюжина серпов. Хитроумный привод передавал тягу с колёс через ряд шкивов на целый лес металлических рычагов.

У него возникло ужасное предчувствие насчёт стоящей перед ним штуки, но всё же он спросил.

— Ну, самое сердце машины — это кулачковый вал. — Кексу явно польстил интерес. — Тяга идёт со шкива *здесь*, а коленвал управляет мотовилом — вот этими штуками, входная решётка жатки, которой управляет возвратно-поступательный механизм, опускается, при этом затвор опускается в паз вот *сюда*, и, конечно, одновременно с этим вращаются два латунных подшипника, листы соломотряса отфильтровывают солому в копнитель, а зерно опускается под действием гравитации по винтовому шнеку в бункер. Всё очень просто.

— А ЧТО ЗА ЗАГЛУШКА НА ТРИ ВОСЬМЫХ?

— Ой, спасибо, что напомнил! — Кекс порылся в бардаке на полу, схватил какую-то ребристую штуку и прикрутил к торчащей части механизма. — Очень важная штука. Она не позволяет эллиптическому кулачку постепенно съезжать вверх по валу и цепляться за фланцевый фальц — сам представляешь, к какой катастрофе это может привести.

Симмель отошёл и вытер руки тряпкой, замаслив их ещё сильнее.

— Я назвал его Уборочным Комбайном.

Билл Дверь вдруг ощутил себя старым. В общем-то, он и был старым. Но никогда ещё себя так не чувствовал. Где-то в глубине души он и без объяснений кузнеца понял, для чего предназначен Уборочный Комбайн.

— О.

— Мы на пробу запустим его сегодня после обеда на большом поле старика Пибдери. Должен сказать, всё выглядит многообещающе. Пред тобою будущее, Билл Дверь!

— ДА.

Билл Дверь провёл рукой по раме машины.

— А ЧТО НАСЧЁТ УРОЖАЯ?

— Хм-м? А что насчёт него?

— ЧТО ОН ОБ ЭТОМ ПОДУМАЕТ? ОН ЗАМЕТИТ РАЗНИЦУ?

— Заметит? — Кекс сморщил нос. — Ничего он не заметит. Пшеница есть пшеница.

— НУ А ШЕСТЬ ПЕНСОВ ЕСТЬ ШЕСТЬ ПЕНСОВ.

— И то верно, — протянул Кекс. — Так ты за чем заходил-то?

Рослая фигура печально провела пальцем по сочащемуся маслом механизму.

— Билл Две-ерь!

— ИЗВИНИ? О. ДА. У МЕНЯ ЕСТЬ ДЛЯ ТЕБЯ РАБОТА…

Он вышел из кузницы и почти сразу вернулся, неся какой-то шёлковый свёрток. Он аккуратно развернул его.

Для косы он сделал новую рукоять — не прямую, как принято в горах, а тяжёлую, дважды изогнутую, как делают на равнинах.

— Хочешь подправить её? Поменять тросик? Заменить фурнитуру?

Билл Дверь покачал головой.

— Я ХОЧУ ЕЁ УБИТЬ.

— Как это — убить?

— АБСОЛЮТНО. ЧТОБЫ КАЖДАЯ ЕЁ ЧАСТИЧКА БЫЛА УНИЧТОЖЕНА.

— Коса-то хорошая, — заметил Кекс. — Жалко

такую. Лихо ты её наточил…

— НЕ ТРОГАЙ!

Кекс сунул порезанный палец в рот.

— Странно, — сказал он. — Бьюсь об заклад, что я её даже не касался. Рука-то была в добром дюйме от лезвия. Что ж, она точно острая.

Он махнул ею в воздухе.

— Да. О/чень/ост/рая,/на/до ска/зать.

Он умолк, сунул мизинец в ухо и поковырял.

— Ты уверен, что хочешь этого? — спросил он.

Билл Дверь мрачно повторил просьбу.

— Что ж, — пожал плечами Кекс, — думается, я могу расплавить лезвие, а рукоять сжечь.

— ДА.

— Ладно. Твоя коса, твои правила. Да и в целом ты прав. Эта технология уже устарела. Не нужна.

— БОЮСЬ, ЧТО ТЫ ПРАВ.

Кекс ткнул грязным пальцем в сторону Уборочного Комбайна. Билл Дверь понимал, что перед ним лишь металл и холст, что машина не может хищно скалиться. Но она *скалилась*.

Причём скалилась с жуткой, металлической наглостью.

— Попросил бы ты госпожу Флитворт купить вам такую, а, Билл! Как раз подходит для фермы с одним работником. Прямо представляю, как ты

такой едешь, ветерок обдувает, шестерни жужжат, мотовило крутится…

— НЕТ.

— Да ладно. Ей это по карману. Все знают, что у неё там куча сокровищ с давних времён.

— НЕТ!

— Эм-м… — Кекс запнулся. В последнем «НЕТ» читалась явная угроза, словно в треске тонкого льда на глубокой реке. Оно как бы говорило: сделать ещё хоть шаг будет величайшей глупостью в жизни Кекса.

— Ну, как знаешь, тебе видней, — проворчал он.

— ДА.

— Займусь тогда косой, тебе это обойдётся… ну, в фартинг. — Кекс усмехнулся. — Извини, на это уйдёт куча угля, а чёртовы гномы всё цены поднимают…

— ДЕРЖИ. НУЖНО СДЕЛАТЬ ДО ПОЛУНОЧИ.

Кекс не стал спорить. Если спорить, Билл Дверь задержится в кузне, а ему отчаянно хотелось этого избежать.

— Ладно, ладно.

— ТЫ ПОНЯЛ?

— Понял, понял!

— ПРОЩАЙ ЖЕ, — торжественно изрёк Билл

Дверь и ушёл.

Кекс захлопнул за ним дверь и прижался к ней спиной.

Ух! Нет, славный он малый, конечно, все о нём так говорят, но проведёшь с ним хоть пару минут — и по телу такие мурашки, будто на твоей могиле танцуют джигу, хоть ту могилу ещё даже не вырыли.

Он прошёлся по заляпанному маслом полу, наполнил чайник и поставил на огонь в углу кузни. Поднял гаечный ключ, собираясь кое-что доделать в Уборочном Комбайне, и его взгляд остановился на прислонённой к стене косе.

На цыпочках он подошёл к ней, хоть и понимал, что ходить на цыпочках поразительно глупо. Она же не живая. Она не услышит.

Просто она *выглядит* такой острой!

Он замахнулся гаечным ключом, жалея о том, что придётся сделать. Но Билл Дверь сказал… вернее, он сказал нечто странное, используя неточную терминологию, не подходящую для описания обычного инструмента. Так или иначе, спорить с этим не приходилось.

Кекс обрушил ключ на косу.

Он не ощутил удара. Он готов был биться об заклад, что ключ просто распался надвое, будто

сделанный из хлеба, не дойдя до лезвия нескольких дюймов.

Неужели вещь может быть настолько острой, что обретает не просто режущую кромку, но самую сущность остроты, абсолютное режущее поле, выходящее за пределы атомов металла?

— Чер/ти бы/его/дра/ли!

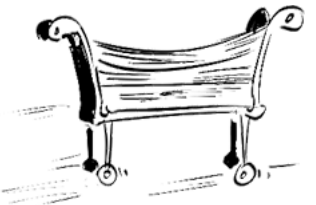
Он напомнил себе, что такие мысли — глупость и суеверие, тем более для человека, умеющего фланцевать заглушку на три восьмых. С возвратно-поступательным механизмом всё просто: он или работает, или нет. Никаких тайн он в себе не скрывает.

Он с гордостью посмотрел на Уборочный Комбайн. Конечно, для движения ему потребуется лошадь. Это немного портит всё дело. Лошади — из дня Вчерашнего, а Завтрашний принадлежал Уборочному Комбайну и его наследникам. Они сделают мир чище и лучше. Надо только убрать из уравнения лошадь. Он пробовал сделать заводной механизм, но не хватило тяги. Может, если в качестве пружины использовать…

У него за спиной чайник вскипел, и вода залила огонь.

Кекс бросился сквозь клубы пара. Вот так каждый раз, вечная проблема. Стоит только начать

умные рассуждения, как отвлекает какая-нибудь ерунда.



Госпожа Торт задёрнула занавески.

— А кто он такой, Один-Человек-Ведро? — спросил Ветром.

Она зажгла пару свеч и села.

— Он был родом из ентих, дикарей Очуднозе-мья, — кратко ответила она.

— Странное у него имя. Один-Человек-Ведро… — продолжил Ветром.

— Ентo сокращённое, — проворчала госпожа Торт. — Ладненько, теперь все возьмитесь за руки. — Она задумчиво поглядела на него. — Нам нужен кто-то третий.

— Могу позвать Шлёппеля, — предложил Ветром.

— Нетушки, не хватало ещё, шоб какой-то страшила у меня под столом сидел и под подол заглядывал, — отрезала мадам. — Людмилла! —

крикнула она. Через пару мгновений занавес на входе в кухню отодвинулся и вошла девушка, открывавшая Ветрому.

— Да, матушка?

— Садись-ка, деточка. Нам нужен третий для спиритизма.

— Да, матушка.

Девушка улыбнулась Сдумсу.

— Знакомьтесь, это Людмилла, — кратко представила мадам.

— Весьма польщён, — сказал Ветром.

Людмилла ответила ему белоснежной улыбкой, какая отлично получается у людей, давным-давно привыкших не выдавать настоящих чувств.

— Мы уже встречались, — добавил Ветром. *С полнолуния уже целый день прошёл*, подумал он. *Почти никаких следов не осталось. Почти. Ну и ну…*

— Позорище моё, — проворчала госпожа Торт.

— Матушка, не отвлекайся, — беззлобно перебила Людмилла.

— Взялись за руки, — скомандовала госпожа Торт.

Они посидели в полумраке. Наконец Ветром Сдумс ощутил, как госпожа Торт отпускает его руку.

— Ой, чтой-то я забыла главный прибор, — сказала она.

— А мне казалось, вы не терпите всяких там досок уийя и прочего… — начал было Ветром. От буфета донеслось журчание. Госпожа Торт поставила полный стакан на скатерть и снова села.

— Не терплю, — подтвердила она.

Вновь сгустилась тишина. Ветром нервно прокашлялся. Наконец госпожа Торт сказала:

— Ну, ладненько, Один-Человек-Ведро, мы и так знаем, шо ты тут.

Стакан дёрнулся. Янтарная жидкость в нём слегка колыхнулась. Бестелесный голос прокряхтел:

«привет вам из края вечной охоты, бледнолицые…»

— Кончай дурака валять, Один-Человек-Ведро, — перебила госпожа Торт. — Все знают, что тебя телега по пьяни сбила на Паточной.

«эй, я в этом не виноват! я разве заставлял своего прадеда сюда переехать? я заслуживал нормальной смерти — от когтей горного льва, или бивней мамонта, или чего-то такого. меня лишили права на смерть!»

— Тут господин Сдумс тебя спросить хотел, Один-Человек-Ведро, — сказала госпожа Торт.

«ей тут хорошо, она ждёт не дождётся, когда вы к ней присоединитесь», — ответил Один-Человек-Ведро.

— Кто ждёт? — переспросил Ветром.

Один-Человек-Ведро такого не ожидал и запнулся. Обычно такой ответ удовлетворял посетителей и не требовал никаких пояснений.

«а кого тебе надо? — спросил он осторожно. — и можно мне уже выпивку?»

— Погоди, Один-Человек-Ведро, — отрезала госпожа Торт.

«но мне без стакана никак! тут такая толпища!»

— Толпа? — поспешно переспросил Ветром. — То есть толпа духов?

«да их тут сотни», — ответил голос Одного-Человека-Ведро.

— Всего лишь сотни? — Ветром был разочарован. — Как-то маловато.

— Не все люди становятся призраками, — пояснила госпожа Торт. — Чтобы стать призраком, надо иметь, например, важное незавершённое дело, жажду мести или какое-нибудь вселенское предназначение, для которого ты рождён.

«или горящие трубы», — добавил Один-Человек-Ведро.

— Вы только послушайте! — влезла госпожа Торт.

«я просто хотел остаться в мире духов. и одеколона. и вина с пивом. хе-хе-хе».

— Так что происходит с жизненной силой? — уточнил Ветром Сдумс. — Это из-за неё тут такой бардак?

— Ну, давай, отвечай, — поторопила госпожа Торт, когда Один-Человек-Ведро замешкался с ответом.

«а какой у вас там бардак?»

— Вещи отвинчиваются. Одежда бегает сама по себе. Всё как будто живее обычного. Такой вот бардак.

«и всё? ерунда, слушай. просто жизненная сила просачивается везде, где может. да не парься ты об этом».

Ветром накрыл ладонью стакан.

— Но есть кое-что, о чём мне точно стоит волноваться, — отрезал он. — И связано оно с маленькими стеклянными сувенирами.

«не хочу об этом».

— Да скажите уже! — раздался голос Людмиллы, низкий, но на удивление приятный.

Люпин пожирал её глазами. Ветром усмехнулся. Вот один из плюсов посмертной жизни.

Подмечаешь вещи, на которые живые не обращают внимания.

Один-Человек-Ведро спросил, визгливо и раздражённо:

«ну и что он собирается делать, даже если я скажу? за такие дела знаете что бывает!»

— А можешь подтвердить, если я угадаю верно? — спросил Ветром.

«ну-у, пожа-алуй».

— Можешь ничего напрямки не говорить, — вмешалась госпожа Торт. — Просто дважды стукни, ежели «да», или один раз, ежели «нет», как в старые добрые деньки.

«а, ну ладно».

— Продолжайте, господин Сдумс, — сказала Людмилла таким голосом, какой Ветрому хотелось бы погладить.

Он прокашлялся.

— Думаю, — начал он, — они что-то вроде яиц. Мы тут про завтрак говорили… и тут я подумал… яйца…

Стук.

— Ой. Видимо, дурацкая была идея…

«извиняйте, я забыл, один стук „да“ или два?»

— Два! — процедила мадам.

СТУК СТУК.

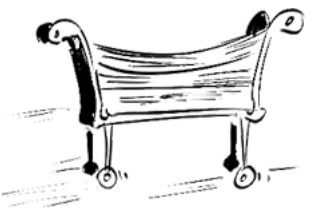
— Ага! — облегчённо вздохнул Ветром. — И из них вылупляются такие штуки с колёсиками?

«два раза — «да», точно?»

— Да!

СТУК СТУК.

— Я *так и думал*! Так и думал! Я одно нашёл у себя под половицей, оно пыталось вылупиться, но не хватало места! — воскликнул Ветром. Затем нахмурился. — Но что именно должно вылупиться?



Наверн Чудакулли вошёл в свой кабинет и взял посох волшебника со стойки над камином. Облизнул палец и осторожно потыкал навершие посоха. Сверкнула октариновая искорка и повис запах маслянистой жести.

Он направился обратно к двери.

Затем медленно обернулся. Его мозг только сейчас нашёл время оценить содержимое хлама в кабинете и заметить что-то лишнее.

— А это какого беса здесь делает?

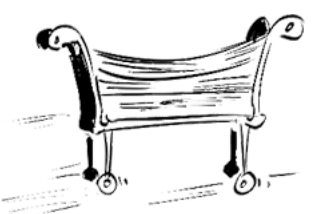
Он потыкал *это* кончиком посоха. *Это* издало звон и немного откатилось.

С виду это слегка, но не слишком, напоминало то, в чём горничные обычно возят мётлы, свежее бельё и что там ещё горничные возят. Чудакулли мысленно сделал заметку поговорить с завхозом. И сразу забыл о ней.

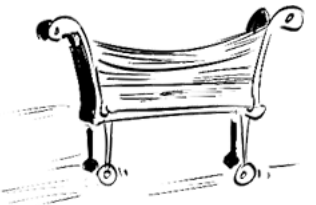
— Грёбаные корзинки на колёсах, спасу от них нет, — проворчал он.

При слове «грёбаные» в воздухе возникло что-то вроде большой синей медузы со вставными челюстями размером с кошку, бешено помахало отростками, пытаясь освоиться в новой среде, и полетело вслед за аркканцлером, который ничего не заметил.

Слова волшебников наделены мощью. Тем более — их ругательства. А когда жизненная сила буквально кристаллизуется в воздухе, она прорывается всюду, где только может.



«города, — сказал Один-Человек-Ведро — думаю, это яйца новых городов».



Старшие волшебники собрались в Главном зале. Даже главному философу передалось всеобщее возбуждение. Колдовать на своих коллег-волшебников считалось дурным тоном, а на простых граждан — неспортивным поведением. Но порой так хочется разочек жахнуть карающей молнией!

Аркканцлер оглядел коллег.

— Декан, а почему у тебя полоски на лице? — вопросил он.

— Камуфляж, аркканцлер.

— Камфуляж, да?

— Йоу, аркканцлер!

— Ну ладно. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы радовалось.

Он прокрались к лужайке, служившей владениями Модо. Ну, по крайней мере, большинство

кралось. Декан передвигался лихими прыжками, периодически прижимаясь к стенам спиной и бормоча «Хыщ! Хыщ! Хыщ!»

Он был жестоко разочарован, когда остальные кучи обнаружились неподвижно лежащими там, где Модо их соорудил. Садовник, который шёл поодаль и дважды чуть не был раздавлен деканом, немного покрутился вокруг них.

— Они просто притворяются, — заявил декан. — Предлагаю взорвать этих чёрто…

— Они просто ещё не созрели, — пояснил Модо. — Та, наверное, была самой старой.

— Хочешь сказать, сражаться нам не с кем? — уточнил аркканцлер.

Земля дрогнула у них под ногами. Раздался слабый звон со стороны келий.

Чудакулли нахмурился.

— Кто-то опять катает эти злогребучие тележки, — сказал он. — У меня в кабинете такая нашлась.

— Да ну? — удивился главный философ. — А у меня такая оказалась в *спальне*. Открываю я шкаф, а она там.

— Прямо в шкафу? Да кто мог её туда засунуть? — спросил Чудакулли.

— Точно *не я*. Я же говорю. Наверняка студенты

шутят. Как раз розыгрыш в их духе. Был случай, мне в постель подложили расчёску.

— А перед этим я ещё об одну тележку споткнулся, — продолжил аркканцлер, — но когда огляделся, её уже кто-то утащил.

Звон раздался ближе.

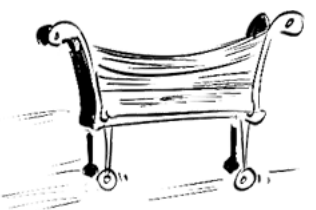
— Ну, погоди у меня, сударь Юный Так Называемый Шутник-Самоучка! — пригрозил Чудакулли, пару раз со значением хлопнув посохом по ладони.

Волшебники прижались к стене.

Незримый хозяин тележки почти добрался до них.

Чудакулли рыкнул и выскочил из засады.

— А-га, вот вы и попались, юноша… *что за грёбаная чертовщина!*



— Ой, да не вешай мне лапши, — возмутилась госпожа Торт. — Города не живые. Нет, мы порой так говорим, но не *буквально* же.

Ветром Сдумс повертел в руке шарик со снежинками.

— Что-то откладывает тысячи таких штук, — сказал он. — Конечно, они не все выживают. Иначе мы были бы уже по уши в городах, верно?

— Хотите сказать, из этих шариков вылупляются огромные города? — спросила Людмилла.

«не сразу. сперва у них мобильная стадия».

— Штуки на колёсах? — уточнил Сдумс.

«верно. да ты по ходу уже всё знаешь».

— Похоже, я знал, — признал Сдумс, — но не понимал. А что после мобильной стадии?

«без понятия».

Ветром встал из-за стола.

— Значит, пора это выяснить, — заявил он.

Он глянул на Людмиллу и Люпина. *Ах да. Почему бы нет*, подумал Ветром. *Если можешь между делом кому-то помочь, то и жизнь, или не-жизнь, прожита не зря.*

Он по-старчески сгорбился и добавил дребезжания в голос.

— Только ноги у меня нынче уже не те! — прокряхтел он. — Барышня, вы не могли бы меня проводить до Университета?

— Людмилле в последнее время нездоровится, она не выходит… — начала было госпожа Торт.

— С удовольствием, — перебила Людмилла. — Матушка, ты же знаешь, уже целый день прошёл с полно…

— Людмилла!

— Ну, прошёл же.

— В наши дни девушке небезопасно ходить по улицам, — настаивала госпожа Торт.

— А у господина Сдумса замечательный пёс, он точно отпугнёт даже самых *опасных* преступников, — возразила Людмилла.

Услышав это, Люпин как по команде гавкнул и принялся «служить». Госпожа Торт критически оглядела его.

— Что ж, по крайней мере, он очень послушный, — неохотно признала она.

— Вот и договорились, — сказала Людмилла. — Пойду возьму шаль.

Люпин перекатился пузиком кверху. Ветром ткнул его мыском в бок.

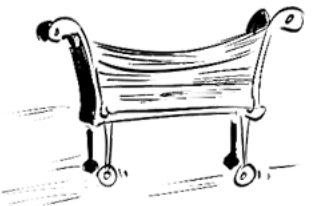
— Веди себя прилично, — сказал он.

Один-Человек-Ведро с намёком кашлянул.

— Ладно, ладно, — спохватилась госпожа Торт. Она взяла с полки пачку спичек, не глядя зажгла одну о ноготь и бросила в стакан виски. Тот загорелся синим пламенем и сгорел без следа, а вскоре и в мире духов его призрачного двойника

прикончили столь же быстро.

Уходя из дома, Ветром Сдумс мог поклясться, что слышал призрачный голос, распевающий песни.



Тележка остановилась. Повиляла туда-сюда, словно рассматривая волшебников. Затем резко развернулась на месте и покатила прочь во весь опор.

— Держи её! — возопил аркканцлер.

Он прицелился посохом и выпустил огненный шар, превративший часть плитки на дорожке в нечто жёлтое и пузыристое. Разогнавшаяся тележка бешено качнулась, но продолжила катиться, дребезжа и скрипя одним колёсиком.

— Это тварь из Подземного Измерения! — крикнул декан. — Раскатаем корзинку!

Аркканцлер положил ему руку на плечо, пытаясь успокоить.

— Не неси чепухи. У Подземных Тварей всегда

полно щупалец и всякого такого. Они не выглядят так, будто их *изготовили*.

Они обернулись на звук очередной тележки. Та беспечно катила по боковому коридору, но остановилась, увидев или как-то ещё почуяв волшебников, и очень убедительно притворилась обычной тележкой, которую тут просто забыли.

Казначей подкрался к ней.

— Не притворяйся! — прошипел он. — Мы знаем, что ты умеешь двигаться.

— Мы *видывали* тебя! — добавил декан.

Тележка продолжала не отсвечивать.

— Не может же она думать? — спросил преподаватель современного руносложения. — Тут даже места для мозга нет.

— А кто говорит, что она думает? — возразил аркканцлер. — Она только двигается. Разве для этого нужен мозг? *Креветки* и те двигаются.

Он провёл пальцами по металлу.

— Вообще-то, креветки довольно умны… — начал было главный философ.

— Заткнись, — отрезал Чудакулли. — Хм-м. А она *точно* изготовлена?

— Она из проволоки, — влез главный философ. — Проволоку-то надо изготовить. А ещё колёса. В природе ни у чего колёс не бывает.

— Но если приглядеться поближе, она выглядит…

— …Как единое целое, — закончил преподаватель современного руносложения, который скрючился и ползал на коленях, изучая её поближе. — Без швов. Сделана одним куском. Будто эту машину кто-то вырастил. Но это же бред.

— Может быть. Но говорят, в Овцепиках водится кукушка, которая вместо гнёзд строит себе часы, — вспомнил казначей.

— Да, но это у них просто такой брачный ритуал, — отмахнулся преподаватель современного руносложения. — К тому же их часы безбожно отстают.

Тележка рванулась в прореху между волшебниками и удрала бы, не окажись в этой прорехе казначей, который испустил крик и бросился прямо в корзинку. Тележка не остановилась и покатилась дальше к воротам.

Декан выхватил посох, но аркканцлер перехватил его руку.

— Ты так попадёшь в казначея!

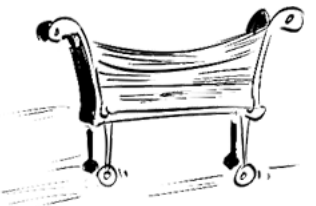
— Ну хоть маленький файербольчик?

— Понимаю, как тебе хочется, но нет. Вперёд! За ней!

— Йоу!

— Можно и так.

Волшебники поковыляли вдогонку. За ними летела, порхала и жужжала, покуда незамеченная, целая стайка ругательств аркканцлера. А чуть подальше Ветром Сдумс вёл в Библиотеку скромную делегацию.



Библиотекарь Незримого университета подбежал, опираясь на костяшки, к двери, которую сотрясал громогласный стук.

— Я знаю, что ты там! — донёсся голос Ветрома Сдумса. — Впусти нас. Это вопрос *жизни и смерти*!

— У-ук.

— Ах, не откроешь?

— У-ук!

— Тогда ты не оставил мне выбора…

Древняя каменная кладка медленно расступилась. Клубами пыли посыпался раствор. Наконец часть стены рухнула внутрь, и в центре дыры в

форме Ветрома Сдумса появился Ветром Сдумс. Он откашлялся от пыли.

— Жаль, что пришлось так поступить, — сказал он. — Не люблю подтверждать все эти дурацкие предубеждения насчёт нежити.

Библиотекарь бросился ему на плечи. К изумлению орангутана, это не подействовало. Обычно 140-килограммовый орангутан на плечах мешает человеку передвигаться, но для Ветрома он был словно не тяжелее воротника.

— Полагаю, нам нужен отдел древней истории, — сказал он. — Слушай, может, хватит откручивать мне голову?

Библиотекарь изумлённо выпучил глаза. Откручивание головы ещё никогда его не подводило.

И тут его ноздри вздулись.

Библиотекарь не всегда был обезьяной. Работать в магической библиотеке — дело опасное, так что в орангутана он превратился из-за взрыва магии. Человеком он был весьма безобидным, но теперь люди настолько привыкли к его новому облику, что позабыли, каким он был. А со сменой внешности ему достался целый ворох новых ощущений и генетической памяти. Одно из древнейших, базовых, въевшихся в самые кости

воспоминаний связано с силуэтами существ. Оно зародилось ещё на заре обретения разума. Если у существа длинная морда, острые зубы и четыре лапы, обезьяний разум автоматически относит его в категорию «Дурные вести».

Через дыру в стене вошёл крупный волк, а за ним — красивая девушка. Библиотекарь окончательно завис.

— А ещё, — пригрозил Ветром, — вообще-то, могу руки тебе связать узлом.

— И-ик!

— Он не совсем волк. Уж поверь мне.

— У-ук?

— Да и она не совсем девушка, — шёпотом добавил Ветром.

Библиотекарь поглядел на Людмиллу. Его ноздри снова вздулись. Лоб наморщился.

– У-ук?

— Ой, кажется, я неудачно выразился. Ладно, пусти их, они славные ребята.

Библиотекарь очень осторожно разжал лапы и спустился на пол, стараясь держаться так, чтобы между ним и Людмиллой оставался Ветром.

Ветром отряхнул мантию от пыли и кусочков раствора.

— Нам нужно узнать о городской жизни, — за-

явил он. — А в особенности…

Раздался едва заметный звон.

Из-за массивного книжного шкафа как ни в чём не бывало выехала проволочная тележка, гружённая книгами. Она остановилась, поняв, что её заметили, и сделала вид, будто вовсе и не думала двигаться.

— …О мобильной стадии, — выдохнул Ветром Сдумс.

Тележка пыталась отпрянуть, продолжая делать вид, что не двигается. Люпин зарычал.

— Это о них говорил Один-Человек-Ведро? — спросила Людмилла.

Тележка скрылась. Библиотекарь заворчал и погнался за ней.

— О, да. О чём-то на вид полезном, — ответил Ветром, которого вдруг охватило необъяснимое веселье. — Вот как это работает. Сначала — то, что люди заходят оставить и запихнуть куда-нибудь подальше. Из этих штук тысячи не попадут в нужные условия, но это и не важно, если их *будут тысячи*. А на втором этапе появится что-то полезное, такое, что может поехать куда угодно, и никто не заподозрит, что оно попало туда без посторонней помощи. Но всё это происходит не вовремя!

— Но как город может быть живым? Он же состоит из неживых частей! — удивилась Людмилла.

— Как и люди. Взять хоть меня. Я-то *знаю*. Но, думаю, ты права. Такого не должно происходить. Всё дело в этой лишней жизненной силе. Она… она нарушает равновесие. Делает реальным то, что нереально. И происходит это слишком рано или слишком быстро…

Библиотекарь издал писк. Тележка выскочила из-за очередного ряда шкафов, бешено крутя колёсиками, и метнулась к дыре в стене. Суровый орангутан держался за неё одной рукой и болтался позади тележки, словно очень некрасивый флаг.

Волк прыгнул.

— Люпин! — крикнул Ветром.

Но у псовых в крови неудержимая тяга гоняться за всем, что на колёсиках, — ещё с тех пор, как первобытный человек скатил с холма обрубок бревна. Люпин уже вцепился в тележку.

Его челюсти сомкнулись на колёсике. Раздался вой, затем крик Библиотекаря, и наконец обезьяна, волк и тележка свалились грудой у стены.

— Ой, бедняжка! — Людмилла бросилась к поверженному волку и опустилась рядом на ко-

лени. — Ему лапу отдавило, посмотрите!

— И наверняка он недосчитался пары зубов, — добавил Ветром и помог Библиотекарю встать. Глаза орангутана пылали яростью. Тележка пыталась украсть его книги. Пожалуй, для волшебников это стало бы лучшим доказательством, что мозга у тележки нет.

Он нагнулся и выдрал у тележки колёса.

— Раз — и готово, — произнёс Ветром.

— У-ук?

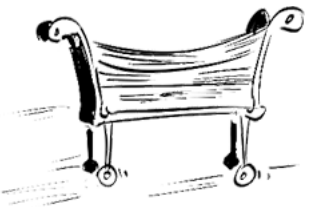
— Нет-нет, никаких «вкусен и скор».

Людмилла гладила Люпина, уложив его головой себе на колени. Бедняга потерял зуб, а его шерсть выглядела так, будто её взбивали. Он приоткрыл глаз и заговорщицки подмигнул Ветрому. *Пес неплохо устроился,* подумал Ветром. *Сейчас ещё лапку приподнимет и поскулит для большего эффекта.*

— Ну ладно, — сказал Ветром. — Итак, Библиотекарь… ты, кажется, собирался нам помочь.

— Бедный мальчик, храбрый мальчик, — причитала Людмилла.

Люпин жалобно приподнял лапку и заскулил.



Шатаясь под грузом орущего казначея, другая тележка так и не смогла развить скорость своей покойной товарки. Одно её колёсико бесполезно болталось туда-сюда и чуть не отвалилось, когда тележка выкатилась за ворота, забирая вбок.

— Вижу цель! Вижу цель! — кричал декан.

— Не стреляй! Попадёшь в казначея! — вопил ему Чудакулли. — И повредишь имущество Университета!

Но декан не слышал его — непривычный рёв тестостерона в венах заглушал всё. Пронзительный шар зелёного огня поразил перекошенную тележку. Колёсики взмыли в воздух.

Чудакулли вдохнул поглубже.

— Ах ты, тупой… — крикнул он.

Слово, которым он закончил, оказалось незнакомо остальным волшебникам, которые, в отличие от арккансцлера, не выросли на ферме и не имели представления о тонкостях спаривания скота. Но оно сразу же воплотилось у него перед

лицом: жирное, круглое, чёрное, лоснящееся и с чудовищными бровями. Новорождённое насекомое дерзко бзднуло ему в лицо и улетело прочь, влившись в рой прочих ругательств.

— А это какого хрена сейчас было?

Возле его уха появилась тварь поменьше.

Чудакулли схватился за шляпу.

— Чёрт! — К рою прибавилась ещё одна мелочь. — Меня укусила какая-то херовина!

Эскадрилья свежевылупившихся Чертей, Блинов и Ваших Матерей героически рванулась на волю. Он беспомощно замахал на них руками.

— Убирайтесь, грё… — начал было он.

— Тихо! Не говори! — цыкнул на него главный философ. — Заткнись!

Никто ещё никогда не смел затыкать аркканцлера. «Заткнись» говорил только он сам другим. Поэтому от неожиданности он заткнулся.

— Я к тому, что каждое твоё ругательство оживает, — поспешно объяснился главный философ. — Гадкие твари с крылышками — хлоп! — и появляются прямо в воздухе.

— Что за грёбаная хренотень? — воскликнул аркканцлер.

Хлоп. Хлоп.

Оглушённый казначей выкарабкался из ис-

корёженного остова тележки. Подобрал свою остроконечную шляпу, сдул с неё пыль, надел, нахмурился и вынул из шляпы колёсико. Коллеги не обращали на него внимания. Он услышал возглас аркканцлера:

— Но я же всегда ругался! Ничего плохого нет в старой доброй ругани, от неё только кровь быстрее в жилах. Осторожно, декан, у тебя херо…

— Выражайся как-нибудь иначе! — воскликнул главный философ, перекрывая гул и жужжание роя.

— Иначе — это как?

— Как-нибудь… типа… бяка.

— «Бяка»?

— Ага, или, например, «вонючка».

— «*Вонючка*»? Чтобы я да ругался *вонючками*?

Казначей незаметно присоединился к ним. Споры о ерунде на фоне вселенской катастрофы — старая добрая традиция волшебников, и он был рад к ней присоединиться.

— А мадам Панариция всегда восклицает «батюшки», если что-нибудь роняет, — вставил он.

Аркканцлер обернулся на него.

— Может, она и *произносит* «батюшки», — прорычал он, — но *имеет в виду* «бл…».

Волшебники пригнулись. Чудакулли усилием

воли остановился.

— Ой, батюшки, — униженно простонал он. Ругательства уютно расселись у него на шляпе.

— Ты им нравишься, — заметил декан.

— Ты их папочка, — добавил преподаватель современно руносложения.

Чудакулли скривился:

— Так, прид… парни, кончайте прикалываться над своим аркканцлером, и давайте уже выясним, что за хер… унда тут происходит.

Волшебники насторожённо огляделись. В воздухе ничто не появилось.

— Отлично справляешься, — похвалил преподаватель современного руносложения. — Так держать.

— Бяка, бяка, бяка, — пробормотал аркканцлер. — Батюшки, батюшки, батюшки. Вонючие-превонючие вонючки. — Он покачал головой. — Никуда не годится, совершенно не помогает выпустить пар.

— Зато воздух очищает, — возразил казначей.

Его впервые заметили. Оглядели останки тележки.

— Твари летают кругом, — проворчал Чудакулли. — Вещи оживают. Что творится?

Они обернулись на уже знакомый скрип колёс.

На площади за воротами катились ещё две тележки. Одна была набита фруктами. Другая — до половины фруктами, а на вторую половину — вопящим младенцем.

Волшебники наблюдали за ними, разинув рты. За тележками гналась толпа народу. Её возглавляла женщина решительного вида, которая пронеслась мимо ворот Университета, шинкуя воздух локтями.

Арккканцлер остановил коренастого мужика, азартно ковылявшего в хвосте толпы.

— Что случилось-то?

— Я только положил персики в эту тележку, как она вдруг раз — и сбежала!

— А откуда младенец?

— Да оттуда же. Его мама пришла с такой же тележкой, купила у меня персики, а потом…

Тут они все обернулись. Из переулка выкатилась очередная тележка, заметила их, благоразумно развернулась и бросилась наутёк по площади.

— Но почему? — спросил Чудакулли.

— Ну, в них так удобно всё возить, понимаете? — ответил мужик. — Надо же было им отвезти персики. Вы же знаете, они могут помяться.

— И теперь они все катят в одном направле-

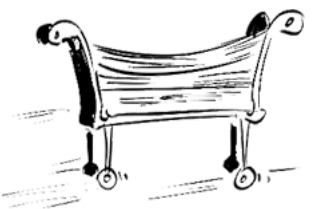
нии, — заметил преподаватель современного руносложения. — Вы обратили внимание?

— За ними! — воскликнул декан. Остальные волшебники поковыляли вслед за ним, слишком потрясённые, чтобы спорить.

— Нет… — начал было Чудакулли, но понял, что дело безнадёжно. Он утратил инициативу.

Призадумавшись, он сочинил самый приличный боевой клич в истории эвфемизмов.

— Копать-колотить зловонючих бяк! — воскликнул он и побежал следом за деканом.



Весь долгий день Билл Дверь трудился, а за ним следовала цепочка работников, которые увязывали и складывали снопы. Но вдруг кто-то крикнул, и парни побежали к ограде.

По ту сторону простирались поля Яго Пидбери. Его работники выкатывали из ворот Уборочный Комбайн.

Вместе со всеми Билл наблюдал, облокотив-

шись об изгородь. Вдали виднелся Кекс, раздающий распоряжения. В оглобли запрягали перепуганную лошадку. Кузнец взобрался на железное сиденье посреди механизмов и взял поводья.

Лошадь пошла. Развернулись рычаги мотовила. Завращались брезентовые ремни. Наверное, даже нарезной винт пришёл в движение. Но это было не важно, потому что где-то что-то издало «звяк!», и машина замерла.

Из толпы на заборе понеслись возгласы «А теперь убери козу!», «Дурень с возу — кобыле легче», «Систему менять надо!» и прочие проверенные временем остроты.

Кекс спустился, пошептался с Пидбери и его парнями, а затем ненадолго нырнул вглубь машины.

— Не взлетит!

— Грош цена в базарный день!

На сей раз Уборочный Комбайн проехал несколько метров, прежде чем один из его ремней лопнул и скомкался. Старики на заборе расхохотались пуще прежнего.

— Куплю металлолом недорого!

— Вжик — уноси готовенького!

Кекс снова спустился. Не реагируя на хор издё-

вок, он вытащил ремень и заменил на новый.

Не отрывая глаз от происходящего на соседнем поле, Билл Дверь вытащил из кармана точило и принялся точить косу, медленно и демонстративно. «Чирк-чирк» камня по металлу стало единственным звуком, повисшим в тяжёлом воздухе, не считая звяканья инструментов вдали.

Кекс снова взобрался на Комбайн и кивнул работнику, который вёл лошадь.

— Снова-здорово!

— Кони пьяные, хлопцы запряжённые!

— Не можешь срать, не мучай ж…

Крики понемногу затихли.

Шесть пар глаз следили, как Уборочный Комбайн прошёлся по полю, глядели, как развернулся на краю, пялились на то, как он катит назад.

Он проехал мимо, весь из себя возвратно-поступательный.

На другом краю поля он снова аккуратно развернулся.

Снова прожужжал мимо.

Наконец один из наблюдателей мрачно произнёс:

— Не приживётся эта штука, помяни моё слово.

— И то верно. Кому нужна такая железяка? —

добавил другой.

— Да, это ж просто как маятник в часах. Только и может, что ездить туда-сюда по полю…

— …Да ещё так быстро…

— …И жать пшеницу, и обмолачивать зерно…

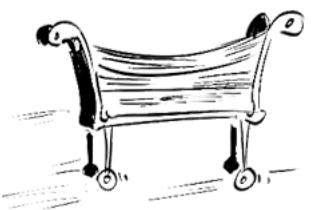
— Уже три ряда прошёл!

— Мать моя женщина!

— Эти штуки так мелькают, что и не разглядишь! Билл, а ты что думаешь? Билл?

Они оглянулись.

Он был ещё только на середине второго ряда, но явно догонял.



Госпожа Флитворт чуть приоткрыла дверь.

— Да? — сказала она с подозрением.

— Тут у нас Билл Дверь, госпожа Флитворт. Мы принесли его домой.

Она приоткрыла дверь пошире.

— Что с ним случилось?

Двое мужиков неловко ввалились в дом, пыта-

ясь поддерживать верзилу ростом на фут выше них. Тот приподнял голову и рассеянно поглядел на госпожу Флитворт.

— Не знаю, что на него нашло, — сказал Герцог Боттомли.

— Он прямо помешался на работе, — добавил Вильям Крантик. — Ваши деньжата он отрабатывает будь здоров, госпожа Фливорт.

— Что ж, в наших краях такое впервые, — проворчала она.

— Носился туда-сюда по полю как чёрт, пытался обогнать штуковину Неда Кекса. И почти обогнал. Мы вчетвером едва успевали снопы за ним вязать.

— Положите его на диван.

— А мы ему *говорили*, мол, не перетруждайся на солнцепёке…

Герцог вытянул шею и заглянул в кухню — а вдруг сокровища у неё валяются прямо на полках с посудой?

Госпожа Флитворт заслонила ему обзор.

— Не сомневаюсь. Спасибо, мальчики. А теперь, полагаю, вам пора.

— Можем ли мы ещё что-нибудь…

— Я знаю, где ты живёшь. И ты пять лет уже не платил за аренду. До свидания, Крантик.

Она вытолкала их за дверь и захлопнула у них перед носами.

Затем обернулась.

— Чем ты, чёрт возьми, занимался, господин Так Называемый Билл Дверь?

— Я УСТАЛ, А ОНА НЕ УСТАЁТ.

Билл Дверь схватился за череп.

— А ЕЩЁ КРАНТИК ДАЛ МНЕ В ШУТКУ ПЕРЕБРОДИВШЕГО ЯБЛОЧНОГО СОКУ. И ТЕПЕРЬ Я КАК БУДТО ЗАБОЛЕЛ.

— Неудивительно. Он эту бурду в лесу гонит. Там от яблок, дай бог, половина.

— РАНЬШЕ Я НЕ БОЛЕЛ. И НЕ ЧУВСТВОВАЛ УСТАЛОСТИ.

— Таково оно, быть живым.

— ДА КАК ЛЮДИ ЭТО ВЫНОСЯТ?

— Ну, тут очень помогает перебродивший яблочный сок.

Билл Дверь сел и хмуро уставился в пол.

— НО С ПОЛЕМ МЫ ЗАКОНЧИЛИ, — сказал он, и в его голосе промелькнуло торжество. — СТОЖИЛИ ВСЁ В СЛОГА. ТО ЕСТЬ НАОБОРОТ. — Он снова ухватился за череп. — АААА-Р!

Госпожа Флитворт скрылась в глубинах кухни. Заскрипел насос. Наконец она вернулась с влажным полотенцем и стаканом воды.

— В СТАКАНЕ ЛЯГУШКА!

— Значит, свежее[14]. — Госпожа Флитворт выловила амфибию и отпустила на дорожку, и лягушка сразу же ускакала в щель меж плиток.

Билл Дверь попытался встать.

— ТЕПЕРЬ Я ПОЧТИ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ МЕЧТАЮТ УМЕРЕТЬ, — сказал он. — Я СЛЫХАЛ О БОЛИ И МУЧЕНИЯХ, НО ДОСЕЛЕ НЕ ВПОЛНЕ ПОНИМАЛ, ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ.

Госпожа Флитворт глядела в пыльное окно. Во второй половине дня начали сгущаться тучи, серые, со зловещим оттенком желтизны. Жара давила как тисками.

— Приближается буря.

— ОНА ИСПОРТИТ НАШ УРОЖАЙ?

— Нет. Потом просохнет.

— КАК ТАМ ДЕВОЧКА?

Билл Дверь разжал пальцы. Госпожа Флитворт удивлённо вскинула брови. В руке были золотые часики, и верхняя чаша уже почти опустела. Они мерцали, то появляясь, то пропадая.

— Как они у тебя оказались? Они же наверху! Она их сжимает как… — она запнулась, — как

---

[14] Примечания: 14

Люди столетиями верили, что если в колодце водятся лягушки, значит, вода чистая и её можно пить. *Всё это время* им не приходило в голову спросить себя, куда лягушки ходят по-маленькому.

что-то, что надо крепко сжимать.

— ТАК И ЕСТЬ. НО ЧАСЫ ЕЩЁ И ЗДЕСЬ. И В ЛЮБОМ МЕСТЕ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЭТО ЖЕ ЛИШЬ МЕТАФОРА.

— Ну, у неё в руке выглядит вполне реально.

— А КТО СКАЗАЛ, ЧТО МЕТАФОРЫ НЕ МОГУТ БЫТЬ РЕАЛЬНЫ?

Госпожа Флитворт уловила в его голосе далёкое эхо, будто эти слова произносили сразу двое, и не вполне в унисон.

— Сколько тебе осталось?

— СЧИТАННЫЕ ЧАСЫ.

— А коса?

— Я ДАЛ КУЗНЕЦУ ЧЁТКИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Она нахмурилась:

— Ничего плохого про Кекса не скажу, но ты уверен, что он всё сделает? Ему нелегко будет уничтожить такую штуку.

— ВЫБОРА НЕ БЫЛО. ЗДЕШНИЙ ГОРН ТАКОГО ЖАРА НЕ ДАСТ.

— Чертовски острая вышла коса.

— БОЮСЬ, ЕЙ МОЖЕТ НЕ ХВАТИТЬ ОСТРОТЫ.

— А никто не пробовал вот так уложить *тебя*?

— ЗНАЕТЕ ПОГОВОРКУ «С СОБОЙ В МОГИЛУ НЕ УНЕСЁШЬ»?

— Да.

— А МНОГИЕ ЛИ В ЭТО ВСЕРЬЁЗ ВЕРЯТ?

— Помню, как-то раз читала, — вспомнила госпожа Флитворт, — обо всяких языческих царях где-то там в пустынях, они строили себе здоровенные пирамиды и всякое в них запихивали. Даже корабли. Даже гель для прозрачных штанов и крышки от кастрюль. Только не говори, что они были правы.

— Я НЕ ВПОЛНЕ УВЕРЕН, КТО ЗДЕСЬ ПРАВ, — признался Билл Дверь. — НЕ УВЕРЕН, ЧТО ТУТ В ПРИНЦИПЕ ЕСТЬ ПРАВДА. ИЛИ НЕПРАВДА. ЕСТЬ ПРОСТО МНЕНИЯ.

— Ну уж нет, что правда, то правда, а что нет, то нет, — возразила госпожа Флитворт. — Меня так батюшка воспитал.

— ОН ЖЕ БЫЛ КОНТРА-БАНДИТ.

— Кто-кто?

— ПЕРЕВОЗЧИК КОНТРАБАНДЫ.

— Да что плохого в контрабанде?

— ПРОСТО ЗАМЕЧУ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ СЧИТАЮТ ИНАЧЕ.

— Ну и плевать на них!

— НО…

Где-то на холме сверкнула молния. Раскат грома сотряс дом, пара кирпичей выпала из дымохода на каминную решётку. Окна задрожали

от яростного рокота.

Билл Дверь вышел из комнаты и распахнул дверь. О порог и пол кухни ударили градины размером с куриное яйцо.

— О. ДРАМАТИЧНО.

— Ой, чертовщина!

Госпожа Флитворт поднырнула под его рукой.

— И откуда такой ветрина?

— С НЕБА? — Билл Дверь удивился такому возбуждению.

— Быстрей! — Она метнулась обратно в кухню и нашарила в буфете фонарь со свечой и горсть спичек.

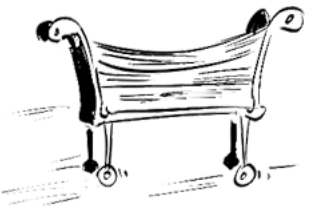
— ВЫ ЖЕ СКАЗАЛИ, ВСЁ ВЫСОХНЕТ.

— После обычного дождя-то да. Но при таком урагане? Всё пропадёт! Разбросает к утру по всему косогору!

Дрожащими руками она зажгла свечу и бросилась назад.

Билл Дверь поглядел на бурю. Мимо него пролетали соломинки, вращаясь на ветру.

— ПРОПАДЁТ? МОЙ УРОЖАЙ? — Он выпрямился. — ЧЁРТА С *ДВА*.



По крыше кузни лупил град.

Нед Кекс раздувал меха, пока угли в горниле не раскалились добела с лёгким оттенком желтизны.

Удачный выдался день. Уборочный Комбайн работал лучше, чем он смел надеяться. Старик Пидбери настоял, чтобы он прошёлся завтра и по другому полю, так что Нед оставил машину снаружи, лишь надёжно прикрыв брезентом.

Завтра он научит работать с комбайном кого-нибудь из крестьян, а затем начнёт работу над усовершенствованной моделью. Успех гарантирован. Будущее близко.

Надо только ещё с косой разобраться. Он подошёл к стене, на которой та висела. Загадочная штука всё-таки. Лучший образец инструмента, какой он видал. Даже затупить невозможно. Острота лезвия выходила далеко за пределы самого острия. И всё же ему полагалось её уничтожить. Разве это разумно? Нед Кекс почитал

разум, по крайней мере определённого рода.

Может, Билл Дверь просто хотел избавиться от неё? Это можно понять. Даже сейчас она словно излучала остроту, хотя невинно висела на стене. Над лезвием мерцало бледно-лиловое сияние — это сквозняк толкал злосчастные молекулы воздуха ей на рассечение.

Нед Кекс очень осторожно снял её со стены.

Странный малый, этот Билл Дверь. Сказал, хочет быть уверен, что коса абсолютно мертва. Будто можно убить *вещь*.

Да и как вообще уничтожить такую? Нет, рукоять можно сжечь, а металл — кальцинировать обжигом, и, если после этого как следует постучать молотом, в итоге останется только горстка пепла и праха. Этого заказчик и хотел.

С другой стороны, *в принципе* можно её уничтожить, просто сняв лезвие с рукояти… Ведь после этого она формально уже не будет косой. Будет просто, ну… деталями. Из которых, конечно, можно собрать косу — ну так и из пепла с прахом можно, наверное, если знать как.

Неду Кексу эти рассуждения весьма понравились.

В конце концов, Билл Дверь даже не просил доказательства, что эта штука была, кхм, убита.

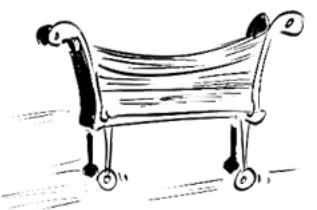
Он примерился и срезал косой краешек наковальни. Потрясающе. Абсолютная острота.

Он опустил руки. Так нечестно. Нельзя требовать от кузнеца уничтожить нечто столь совершенное. Это же произведение искусства.

Нет, куда там искусству. Бери выше. Это работа мастера.

Он подошёл к поленнице на другой стороне и засунул косу поглубже меж поленьев. Что-то резко и пронзительно пискнуло.

Ладно, всё будет нормально. Утром он просто вернёт Биллу этот фартинг.



Смерть Крыс материализовался за поленницей в кузне и засеменил к маленькому несчастному комку шерсти, который недавно был крысой и попал под косу.

Её испуганная душа стояла рядом. Гостю она, похоже, не обрадовалась.

— Писк? Писк?

— ПИСК, — пояснил Смерть Крыс.

— Писк?

— ПИСК, — подтвердил Смерть Крыс.

— [погладить усы], [покрутить носом]?

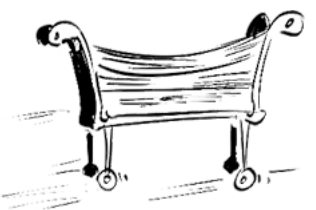
Смерть Крыс покачал головой.

— ПИСК.

Крыса в отчаянии поникла. Смерть Крыс положил ей на плечо костлявую лапку, пытаясь утешить.

— ПИСК.

Крыса грустно кивнула. Она прожила в кузне хорошую жизнь. Нед почти не прибирался и был, пожалуй, чемпионом мира по недоеденным из-за рассеянности бутербродам. Крыса пожала плечами и засеменила за фигуркой в капюшоне. Не то чтобы у неё был выбор.



Люди метались по улицам. В основном в погоне за тележками. Тележки были нагружены всем тем, что обычно люди грузят в тележки: дровами,

детьми, продуктами.

Теперь они больше не уворачивались от людей, а слепо двигались все в одном направлении.

Тележку можно было остановить, перевернув её, но колёсики продолжали безумно крутиться в воздухе. Волшебники заметили, как пара энтузиастов пыталась сломать тележки, но те оказались практически неразрушимы — они гнулись, но не ломались, и пока оставалось хоть одно колёсико, они не оставляли героические попытки укатиться.

— Гляньте на эту! — крикнул аркканцлер. — В ней моё бельё! Нет, серьёзно, моё бельё! Копать-колотить!

Он протолкался сквозь толпу и вонзил посох в колёсики тележки, отчего та перевернулась.

— В такой толпе народу ни во что нельзя пальнуть, — простонал декан.

— Да тут сотни тележек! — сказал преподаватель современного руносложения. — Они прямо

как дурностаи![15] А ну, брысь от меня, ты… *корзина* несчастная!

Он замахнулся посохом на тележку.

Поток тележек тянулся прочь из города. Люди, пытавшиеся его остановить, отстали или пали под вихляющимися колёсиками. Только волшебники продолжали преследование, покрикивая друг на друга и атакуя эту серебристую лавину заклинаниями. Это не помогало. Нет, магия работала отлично. Одна молния — и тележка превращается в тысячу маленьких проволочных головоломок. Но что толку? Миг — и на место павшей прикатят две новых.

Тележки вокруг декана разлетались в металлическую крошку.

— Он, похоже, лихо наловчился! — заметил главный философ, переворачивая вместе с казна-

---

[15] Примечания: 15

Дурностаи — маленькие чёрно-белые грызуны, что водятся в Овцепикских горах. Родичи леммингов, тех самых, про которых рассказывают, что они регулярно прыгают с обрывов и тонут в озёрах. Когда-то дурностаи тоже этим занимались. Вот только мёртвые звери обычно не размножаются, а потому за тысячелетия всё больше и больше дурностаев оказывались потомками тех, которые при виде обрыва пищали по-дурностайски что-то вроде «Ну вас к чёрту, мне жизнь дорога как память!». В наши дни дурностаи осторожно спускаются с обрывов и строят лодочки, чтобы переплывать озёра. Если же гон приводит их на берег моря, они смущённо сидят там какое-то время, стараясь не смотреть друг на друга, а затем уходят пораньше, чтобы успеть домой до часа пик.

чеем очередную тележку.

— Особенно кричать «йоу», — добавил казначей.

Декан не помнил, когда он в последний раз был так счастлив. Шестьдесят лет он подчинялся всем строгим правилам волшебников и вот наконец мог отвести душу как никогда прежде. Он раньше и не знал, что в глубине души всегда мечтал разносить вещи в клочья.

С навершия его посоха срывалось пламя. Ручки, обрывки проволоки, беспомощно вертящиеся колёсики разлетались вокруг него. Целям не было конца, и это приводило его в восторг. Вторая волна тележек, сгрудившись в узком проходе, пыталась проехать поверх тех, что ещё стояли на земле. У них не получалось, но они всё равно пытались. Потому что сзади на них уже накатывала третья волна, сминая их и пытаясь переехать.

Правда, слово «пытались» тут не совсем уместно. Оно предполагает некое сознательное усилие, вероятность, что возможен и вариант «не пытаться». А их неумолимое движение, то, как они врезались друг в друга, ломясь вперёд, давало понять: тележки в этом деле решали не больше, чем вода — в вопросе, течь ли ей вниз.

— Йоу! — выкрикнул декан. Сырая магия обру-

шилась на скрежещущую груду металла. Колёса посыпались градом.

— Отведайте горячих чар, вы, грё… — начал было декан.

— Не ругаться! Не ругаться! — Голос Чудакулли перекрыл шум. Он как раз пытался прогнать Чёртова Засранца, который нарезал круги над его шляпой. — Никогда не знаешь, что из этого выйдет!

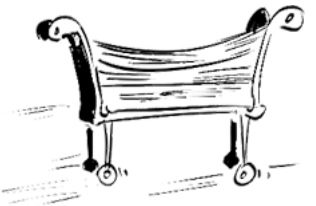
— Тьфу ты! — крикнул декан.

— Ничего не выйдет. Всё равно что пытаться остановить море, — признал главный философ. — Голосую за то, чтобы вернуться в Университет и вооружиться заклинаниями *покруче*.

— Согласен, — сказал Чудакулли, оглянувшись на лавину гнутой проволоки. — А есть идея, как это сделать?

— Йоу! Получите, негодники! — воскликнул декан. Он снова прицелился из посоха.

Раздался слабый звук, который можно записать примерно как «пффф». Жалкая искорка соскочила с навершия на брусчатку.



Ветром Сдумс захлопнул очередную книгу. Библиотекарь поморщился.

— Ничего! Вулканы, цунами, гнев богов, козни волшебников… Но мне не нужно знать, как другие города *погибли*, я хочу знать, как они кончились…

Библиотекарь взгромоздил на читальный столик очередную кипу книг. *Вот ещё один плюс быть мёртвым,* подумал Ветром, *легко понимаешь языки.* Он ощущал *смысл* слов, даже не зная, что именно они значат. В общем, смерть оказалась вовсе не глубоким сном. Скорее уж пробуждением.

Он оглянулся на Люпина, которому бинтовали лапу на том конце библиотеки.

— Библиотекарь? — тихонько сказал он.

— У-ук?

— Вот ты в своё время поменял биологический вид… а что бы ты сделал, если, для примера, встретил пару людей, которые… ну, допустим,

один из них волк, который в полнолуние превращается в человека, а другая — женщина, которая превращается в полнолуние в волчицу… то есть принимают схожие облики, но в противоположных направлениях. И вот они встретились. Что бы ты им предложил? Или пусть сами с этим разбираются?

— У-ук, — сразу ответил Библиотекарь.

— Не искушай.

— У-ук.

— Но госпоже Торт это не понравится.

— И-ик у-ук.

— И правда. Можно, конечно, было не так грубо выразиться, но ты прав. Каждый должен решать за себя.

Он вздохнул и перевернул страницу. И глаза у него полезли на лоб.

— Город Кан Ли, — произнёс он. — Слыхал о таком? Что за книга? «Невероятно-но-факт», гримуар Стрипфитля. Тут сказано… «малые тележки… никто не ведал, откуда они явились… столь полезные, что людей нанимали находить их и привозить в город… и вдруг ломанулись, подобно стаду… люди пошли за ними и узрели за воротами новый город, словно собранный из торговых лавок, и в него стекались тележки…»

Он перевернул страницу.

— Кажется, тут сказано…

«Я, должно быть, неправильно понял», — сказал он себе.

Один-Человек-Ведро говорил о размножении городов. Но это звучало как бред.

Конечно, города живые. Представьте себя медлительным великаном вроде считающих сосен. Что вы увидите, взглянув на город? Как растут здания, как отражают нападения, как тушат пожары. Вы увидите живой город, но не заметите людей, ведь они двигаются слишком быстро. Жизнью города управляет не какая-то таинственная сила. Жизнь города — это люди.

Он листал страницы, не вчитываясь…

Итак, города — огромные неподвижные создания, которые растут на одном месте и тысячелетиями не перемещаются. Плодятся они тем, что посылают людей заселять новые земли.

А сами они остаются на месте. Они живые — ну, так и медузы живые. Они как очень умные овощи. Зовём же мы Анк-Морпорк Большим Койхреном…

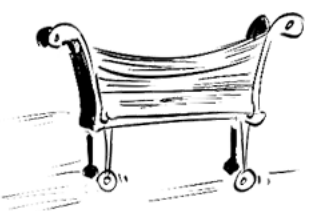
А где есть большие медленные создания, появляются мелкие и юркие, которые их жрут…

Ветром Сдумс ощутил, как зажглись клетки

мозга. Как строились связи. Как мысли хлынули в новом направлении. Эх, мыслил ли он хоть раз по-настоящему при жизни? Вряд ли. Он был просто набором сложных реакций, связанных с кучей нервных окончаний. Раньше всё, от праздных размышлений о будущем обеде до случайных навязчивых мыслей, отвлекало его от истинного мышления.

Итак, они вырастут внутри города, где тепло и безопасно. А затем вырвутся наружу, за город, и построят… что-то, не настоящий город, поддельный… чтобы выманить людей, носителей жизни, из их логова…

Самое подходящее слово тут — *хищники*.



Декан изумлённо уставился на свой посох. Встряхнул его и снова прицелился.

На сей раз получился звук «пфут».

Он поднял глаза. Клубящаяся волна тележек высотой до крыш готовилась обрушиться на него.

— Ой… *щьёрт*, — сказал он и закрыл руками голову.

Кто-то схватил его за ворот мантии и оттащил за миг до того, как рухнули тележки.

— А *ну-ка*, ходу! — скомандовал Чудакулли. — Если побежим, сможем от них оторваться.

— Магия кончилась! Магия кончилась! — стонал декан.

— У тебя много чего кончится, если не поспешишь, — одёрнул его арккканцлер.

Стараясь держаться вместе и врезаясь друг в друга, волшебники засеменили впереди тележек. Те лавиной лились из города на поля.

— Знаешь, что мне это напоминает? — пропыхтел Чудакулли на бегу.

— Ну, и что же? — пробормотал главный философ.

— Нерест лосося, — сказал арккканцлер.

— Что?

— В Анке такого не бывает, конечно, — признал Чудакулли. — Не представляю, чтобы лосось проплыл вверх по течению нашей реки…

— Разве что пешим ходом, — согласился главный философ.

— Но в некоторых реках их густо, как в супе, сам видел, — продолжил Чудакулли. — Они прямо де-

рутся за право быть первыми. Вся река — словно жидкое серебро.

— Славно, славно, — кивнул главный философ. — А для чего они это делают?

— Ну… это всё для размножения.

— Гадость какая. Как подумаю, а мы потом *пьём* эту воду, — скривился главный философ.

— Итак, мы вырвались на простор, теперь пора их окружить, — воскликнул Чудакулли. — Просто надо целиться на свободное пространство и…

— …И всё, — перебил преподаватель современного руносложения.

Со всех сторон на них катил вал скрежещущих и толкающихся тележек.

— Догоняют! Догоняют! — взвыл казначей. Декан вырвал у него посох. — Эй, это моё!

Декан оттолкнул его и молнией выбил колёса катящей впереди тележке.

— Это же мой посох!

Волшебники сгрудились спиной к спине в сужающемся кольце металла.

— Им не место в этом городе, — процедил преподаватель современного руносложения.

— Я понял, что ты хочешь сказать, — согласился Чудакулли. — Они чужаки.

— Друзья, ни у кого не завалялось при себе

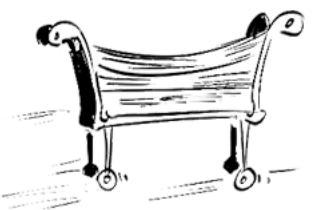
заклинание полёта? — поинтересовался главный философ.

Декан снова прицелился и расплавил очередную тележку.

— Ты помнишь, что моим посохом пользуешься вообще-то?

— Заткнись, казначей, — цыкнул аркканцлер. — А ты, декан, ничего не добьёшься, истребляя их по одной. Итак, парни! Нам надо нанести им ка можно больше ущерба разом. Бить будем аккуратно, но сильно…

Тележки всё надвигались.



— Ай! Ай!

Госпожа Флитворт ковыляла сквозь сырую рокочущую мглу. Под ногами хрустели градины. Канонада грома раскатывалась по небесам.

— Ну и больно бьют, а? — заметила она.

— ПРОСТО РИКОШЕТЯТ.

Билл Дверь подхватил несомый ветром сноп

и сложил его к остальным. Госпожа Флитворт пробежала мимо, согнувшись в три погибели под грузом пшеницы[16]. Они методично сновали туда-сюда по полю перед лицом бури, пытаясь вырвать урожай из её лап, прежде чем его погубят ветер и град. В небе сверкнула молния. То была не обычная буря. То надвигалась война.

— Дождь хлынет с минуты на минуту! — крикнула госпожа Флитворт, перекрывая шум. — До амбара не успеем донести! Сбегай принеси какой-нибудь брезент! На одну ночь хватит!

Билл Дверь кивнул и побежал сквозь сгущающийся мрак к строениям. Молния сверкала над полями так часто, что казалось, будто сам воздух мерцает, а над вершиной холма плясал ореол.

И там явилась Смерть.

Он увидел её над собою: скрюченный костлявый силуэт, готовый к прыжку, мантия развевалась и хлопала у неё за спиной на ветру.

Его сжало, словно тисками, чувство, которое требовало бежать прочь — и при этом не давало сделать ни шагу. Оно охватило его разум и пара-

---

[16] Примечания: 16

Грузоподъёмность худеньких старушек просто феноменальна. Исследования показали, что муравей может нести вес в сто раз больше собственного, но даже науке неведомы пределы того, что может поднять обычная восьмидесятилетняя бабушка из испанской деревни.

лизовало, подавив все мысли, кроме тоненького голосочка в самой глубине, который неожиданно спокойно произнёс: «ТАК *ВОТ* ЧТО ТАКОЕ УЖАС».

Сияние молний погасло, и новая Смерть исчезла, затем снова появилась, когда новый ореол вспыхнул на другом холме.

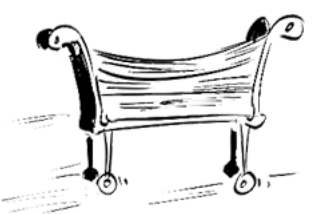
Тихий внутренний голосок спросил: «А ПОЧЕМУ ОНА НЕ ДВИГАЕТСЯ?»

Билл Дверь позволил себе шажок вперёд. Скрюченная тварь не отреагировала.

И тут до него дошло, что стоящее на той стороне склона лишь на первый взгляд выглядит как конструкция из рёбер, мослов и позвонков, одетая в мантию. А если взглянуть чуть иначе — это конструкция из рычагов, коленвалов и шестерней, накрытая почему-то неулетевшим брезентом.

Пред ним стоял Уборочный Комбайн.

Билл Дверь зловеще улыбнулся. В его голове пробудились не-Билл-Дверевские мысли. Он шагнул вперёд.



Волшебников окружил вал тележек.

Последний залп из посоха проплавил в них дыру, но её тут же заполнили новые тележки.

Чудакулли обернулся на товарищей. Они раскраснелись, их мантии были продраны, а у некоторых после неудачных выстрелов обгорели бороды и шляпы.

— Так что, ни у кого не осталось *хоть каких-то* заклинаний? — спросил он.

Они лихорадочно задумались.

— Кажется, я вспомнил одно, — проблеял казначей.

— Давай, дружище. В такой момент что угодно стоит попробовать.

Казначей вытянул руку. Закрыл глаза. Прошептал под нос несколько слогов.

На миг вспыхнул октариновый свет и…

— Ага, — сказал арккканцлер. — И это всё?

— Внезапный Букет Эрингия. — Глаза казначея блестели, он нервно ёрзал. — Не знаю почему, но этот фокус мне всегда удавался. Видимо, дар у меня.

Чудакулли оглядел пышный букет, появившийся в кулачке казначея.

— Но, смею заметить, толку от него сейчас мало, — заметил он.

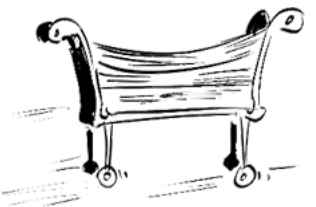
Казначей оглядел надвигающуюся стену тележек, и его улыбка растаяла.

— Кажется, так, — пробормотал он.

— У кого ещё есть идеи? — спросил Чудакулли.

Никто не ответил.

— Но розы удались на славу, надо сказать, — признал декан.



— Ну ты быстр, — удивилась госпожа Флитворт, когда Билл Дверь вернулся к стогам, волоча за собой брезент.

— ДА, КОНЕЧНО, — невпопад пробормотал он. Она помогла ему накрыть брезентом стог и придавить понизу камнями. Ветер подхватил полотно и попытался вырвать у них из рук, но с тем же успехом мог пытаться сдуть гору.

На поля хлынул дождь, прорывая клубы тумана, мерцавшие голубым от энергии молний.

— Ну и ночка, и не припомню такой, — вздохнула госпожа Флитворт.

Ветвистая молния вспыхнула на горизонте. Снова грянул гром.

Госпожа Флитворт вдруг схватила Билла Дверь за руку.

— А что это за… фигура на холме? — спросила она. — Кажется, я видела там… силуэт.

— ЭТО ПРОСТО МЕХАНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО.

Снова молния.

— На коне? — спросила госпожа Флитворт.

Уже третья молния пронзила небеса. И на сей раз ошибки быть не могло. На ближайшем холме высилась фигура всадника. В капюшоне. Гордо держащего косу наперевес, словно копьё.

– *КРАСУЕТСЯ*. — Билл Дверь повернулся к госпоже Флитворт. — *КРАСУЕТСЯ*. Я ТАК НИКОГДА НЕ ДЕЛАЛ. ЗАЧЕМ ТАК ДЕЛАТЬ? КАКОЙ В ЭТОМ СМЫСЛ?

Он разжал пальцы. На ладони появился золотой хронометр.

— Сколько у тебя ещё осталось?

— МОЖЕТ, ЧАС. МОЖЕТ, НЕСКОЛЬКО МИНУТ.

— Так давай, чего ты ждёшь!

Билл Дверь не сдвинулся с места. Он глядел на часы.

— Давай, говорю!

— НЕ ВЫЙДЕТ. Я ОШИБАЛСЯ, ДУМАЯ, ЧТО

ПОЛУЧИТСЯ. НО НЕТ. ЕСТЬ ВЕЩИ, КОТОРЫХ НЕ ИЗБЕЖАТЬ. НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ ВЕЧНО.

— Почему это?

Билл Дверь был потрясён.

— О ЧЁМ ВЫ?

— Почему это нельзя жить вечно?

— НЕ ЗНАЮ. ТАКОВА КОСМИЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ?

— Да что эта космическая мудрость знает о жизни? Давай уже, не медли!

Фигура на холме не шелохнулась.

Дождь превратил пыльную землю в жидкую грязь. Они соскользнули по склону, перебежали двор и вошли в дом.

— НАДО БЫЛО ЛУЧШЕ ПОДГОТОВИТЬСЯ. У МЕНЯ БЫЛИ ПЛАНЫ…

— Но тут помешала жатва.

— ДА.

— Можем мы как-нибудь забаррикадировать дверь, например?

— ВЫ ПОНИМАЕТЕ, О ЧЁМ ГОВОРИТЕ?

— Так придумай что-нибудь! Что могло бы сработать против тебя?

— НИЧЕГО, — ответил Билл Дверь не без гордости.

Госпожа Флитворт выглянула в окно, а затем

театрально припала спиной к стене рядом.

— Он пропал!

— ОНО, — поправил Билл Дверь. — У НЕГО ПОКА НЕТ РОДА.

– *Оно* пропало. Оно может быть где угодно.

— ОНО МОЖЕТ ВОЙТИ ДАЖЕ СКВОЗЬ СТЕНУ.

Она отскочила от стены, а затем недовольно смерила его взглядом.

— НУ, ЛАДНО. ЗАБЕРИТЕ ДЕВОЧКУ. ДУМАЮ, ПОРА УХОДИТЬ. — Тут его осенила мысль. — НЕМНОГО ВРЕМЕНИ У НАС ЕСТЬ. КОТОРЫЙ ЧАС?

— Не знаю. Ты же тут все часы остановил.

— НО ЕЩЁ НЕ ПОЛНОЧЬ?

— Думаю, в лучшем случае четверть двенадцатого.

— ЗНАЧИТ, У НАС ТРИ ЧЕТВЕРТИ ЧАСА.

— А с чего ты взял?

— ДРАМАТИЗМ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ. ТАКАЯ СМЕРТЬ, ЧТО КРАСУЕТСЯ НА ФОНЕ ГОРИЗОНТА В СПОЛОХАХ МОЛНИЙ, — в голосе Билла Двери мелькнуло осуждение, — НИ ЗА ЧТО НЕ ЯВИТСЯ В ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ ДВЕНАДЦАТОГО, ЕСЛИ МОЖНО ЗАЯВИТЬСЯ РОВНО В ПОЛНОЧЬ.

Она кивнула, побледнев, и скрылась наверху. Через пару минут она вернулась, неся Салли, завёрнутую в одеяло.

— Всё ещё спит, — сказала она.

— ЭТО НЕ СОН.

Дождь прекратился, но буря ещё бушевала в холмах. Воздух шипел, будто дрова в печке.

Билл Дверь повёл её мимо курятника, где Сирил с его престарелым гаремом сидели, нахохлившись, в темноте, стараясь все уместиться на одних и тех же вершках насеста.

Над дымоходом фермы висело бледно-зелёное сияние.

— Мы это называем Огнями Мамаши Кэри, — заметила госпожа Флитворт. — Это знамение.

— ЗНАМЕНИЕ ЧЕГО?

— Ой, я-то почём знаю? Просто знамение, думается. Одно из типичных знамениев. А куда мы идём?

— В ДЕРЕВНЮ.

— Чтобы коса была под рукой?

— ДА.

Он скрылся в амбаре. Затем вышел, ведя под уздцы Бинки, осёдланного и в упряжи. Сел в седло, наклонился и подсадил её вместе со спящей девочкой на коня перед собой.

— ЕСЛИ Я ОШИБСЯ, — сказал он, — ЭТОТ КОНЬ ОТВЕЗЁТ ВАС, КУДА ЗАХОТИТЕ.

— Да куда ж мне ехать, кроме как домой!

— КУДА ЗАХОТИТЕ.

Они выехали на дорогу к деревне, и Бинки припустил рысью. Ветер сдувал листья с деревьев, те проносились мимо них и падали на дорогу. Периодически небо прорезали змеистые молнии.

Госпожа Флитворт оглянулась на холм за фермой.

— Билл…

— ЗНАЮ.

— …Оно снова там…

— ЗНАЮ.

— Почему оно за нами не гонится?

— НАМ НИЧЕГО НЕ ГРОЗИТ, ПОКА НЕ КОНЧИТСЯ ПЕСОК.

— А когда кончится, ты умрёшь?

— НЕТ. КОГДА КОНЧИТСЯ ПЕСОК, Я *ДОЛЖЕН* БУДУ УМЕРЕТЬ. Я ОКАЖУСЬ МЕЖДУ ЭТИМ МИРОМ И ЗАГРОБНЫМ.

— Билл, я посмотрела, на чём он скачет… Думала, это просто лошадь, только тощая, но…

— ЭТО КОСТЯНОЙ ЖЕРЕБЕЦ. СМОТРИТСЯ КРУТО, НО НЕПРАКТИЧНО. БЫЛ У МЕНЯ ТАКОЙ, ПОКА У НЕГО ГОЛОВА НЕ ОТВАЛИЛАСЬ.

— От такой работы кони дохнут, да?

— ХА-ХА. УМОРИТЕЛЬНО, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Ладно уже, можешь не звать меня госпожой

Флитворт, — сказала госпожа Флитворт.

— НАЗЫВАТЬ ВАС РЕНАТОЙ?

Она была потрясена.

— Откуда ты узнал моё имя? Ах да. Оно у тебя, небось, давно записано, не так ли?

— ВЫГРАВИРОВАНО.

— На одних таких часиках?

— ДА.

— И в них течёт песок?

— ДА.

— Для всех такие есть?

— ДА.

— Значит, тебе известно, сколько мне ещё…

— ДА.

— Наверное, странно это, знать… то, что ты знаешь…

— НЕ СПРАШИВАЙТЕ.

— А знаешь, это нечестно. Если б мы знали, когда именно умрём, людям бы проще жилось.

— ЕСЛИ БЫ ЛЮДИ ЗНАЛИ, КОГДА ИМЕННО УМРУТ, БОЮСЬ, ОНИ БЫ И НЕ ЖИЛИ ВОВСЕ.

— Ой, философия пошла. Да что ты в этом смыслишь, Билл Дверь?

— ВСЁ.

Бинки проскакал по одной из немногочисленных деревенских улиц и зацокал по брусчатке

главной площади. Вокруг не было никого. В больших городах, вроде Анк-Морпорка, полночь — всего лишь поздний вечер, и понятия ночи просто нет: вечер плавно переходит в утро. Но здесь люди подчиняли свой жизненный график всяким там рассветам и крикам косноязычных петухов. Полночь здесь имела смысл.

Хотя в холмах рокотала буря, на самой площади было тихо. Тиканье часов на башне, незаметное в полдень, теперь будто отдавалось эхом от домов.

Как раз к их приходу что-то в шестерёнчатых недрах часов зажужжало. Минутная стрелка двинулась, гулко звякнув, и замерла на цифре 9. В циферблате открылась дверца, две механические фигурки с самодовольным жужжанием выехали и постучали в колокольчик, изображая, что это тяжкий труд.

Динь-динь-динь.

Фигурки выпрямились и снова втянулись в часы.

— Я их ещё с детства помню. Прапрапрадедушка Кекса их сделал, — сказала госпожа Флитворт. — Знаешь, мне всегда было интересно, чем они занимаются, когда не звонят. Я представляла, что у них там какой-нибудь маленький домик.

— ВРЯД ЛИ. ОНИ ЖЕ ПРОСТО ВЕЩИ. ОНИ НЕ

ЖИВЫЕ.

— Хм-м. Но им уже сотни лет. Можно же за это время заработать себе как бы жизнь?

— ДА.

Они стали ждать. Царила тишина, лишь изредка звякала минутная стрелка, ползущая вверх к полуночи.

— Мне… было очень приятно, что ты остановился у меня, Билл Дверь.

Он не ответил.

— И помог мне с урожаем и всем таким.

— ЭТО БЫЛО… ИНТЕРЕСНО.

— Ох, зря я тебя отвлекала ради дурацкой пшеницы.

— НЕТ. УРОЖАЙ — ЭТО ВАЖНО.

Билл Дверь поглядел на ладонь. Появились часы.

— Всё никак не пойму, как ты это делаешь.

— ЭТО НЕТРУДНО.

Шелест песка всё нарастал и наконец наполнил всю площадь.

— Скажешь какие-нибудь последние слова?

— ДА. Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ.

— Что ж, коротко и ясно.

Билл Дверь с изумлением заметил, что она хочет взять его за руку.

У него над головой стрелки наконец соединились, знаменуя полночь. В часах снова зажужжало. Дверца открылась. Автоматоны вышли. С щелчком замерли по бокам от колокола, поклонились друг другу и подняли молоточки.

Донн.

И тут раздался цокот копыт.

Госпожа Флитворт увидела, как край её зрения заполнили пурпурно-голубые пятна, какие остаются после яркого изображения, — только ничего яркого она не видела.

Если быстро повернуть голову и поглядеть краешком глаза, можно было различить фигурки в серых мантиях, парящие вдоль стен.

Налоговнюки, подумала она. *Пришли проследить, чтоб всё прошло, как им надо.*

— Билл? — сказала она.

Он сжал пальцы на золотых часах.

— ВОТ ТЕПЕРЬ ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ.

Цокот копыт стал громче, он отдавался эхом от домов вокруг.

— ПОМНИТЕ: ВЫ В БЕЗОПАСНОСТИ.

Билл Дверь шагнул во мглу.

Через миг появился вновь.

— ВЕРОЯТНО, — добавил он и вернулся во мрак.

Госпожа Флитворт села на ступени ратуши, баюкая тельце девочки на коленях.

— Билл? — окликнула она.

На площадь въехала фигура всадника.

И вправду, ехал он на костяном коне. Голубые языки пламени с треском лизали кости рысившего скакуна. Госпожа Флитворт невольно задумалась: настоящий ли это скелет, оживлённый какими-то чарами, был ли он когда-то внутри живой лошади, или это создание, которое *изначально* скелет? Странно было думать о таком, но всяко лучше, чем о приближающейся жуткой реальности.

Интересно, такой скелет полируют или просто протирают ветошью?

Всадник слез с коня. Был он куда выше Билла Двери, но мрак его мантии скрывал очертания. Он держал предмет, который выглядел не совсем косой, но коса явно была среди его предков — как самые хитроумные хирургические приборы когда-то произошли от острых палок. Но этот инструмент был очень далёк от всего, что когда-либо касалось травы.

Фигура подошла к госпоже Флитворт, взвалив косу на плечо, и остановилась.

— Где ОН?

— Не понимаю, о ком вы, — отрезала госпожа Флитворт. — А на вашем месте, юноша, я бы для начала покормила лошадь. Вон как отощала.

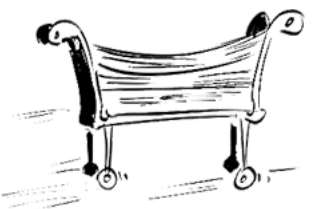
Фигуре, похоже, оказалось непросто переварить такие сведения, но наконец та нашла решение. Она сняла косу с плеча и опустила взгляд на девочку.

– *Я найду ЕГО*, — сказала фигура. — *Но сперва…*

Фигура напряглась.

Голос за её спиной произнёс:

— БРОСЬ КОСУ И ПОВЕРНИСЬ. МЕДЛЕННО.



Это должно быть что-то из города, подумал Ветром. *Города прирастают людьми, но также и торговлей, лавочками, церквями и…*

«Бред какой-то, — сказал он себе. — *Всё это просто вещи. Они не живые».*

А что, если жизнь можно заработать со временем?

Паразиты и хищники — но не из тех, что пита-

ются животными и растениями. Нет, это что-то вроде большой, медлительной формы метафорической жизни, что питается городами. Они вылупляются в городах, словно эти, как их там, стрёмные личинки ос. Ему теперь легко давалось вспоминать, и он вспомнил, что в студенчестве читал о тварях, откладывающих яйца в других живых существ. После этого он несколько месяцев не ел омлет и икру. Так, на всякий случай.

А эти яйца будут… выглядеть как-то по-городскому, чтобы граждане сами забирали их домой. Как кукушечьи яйца.

Интересно, сколько городов так умерло в прошлом? Облепленные паразитами, как коралловый риф — морскими звёздами. Они просто пустеют, теряя остатки своего духа.

Он встал.

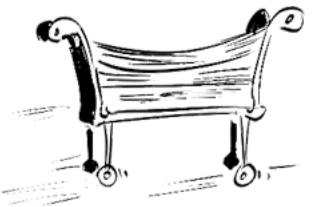
— Библиотекарь, а куда все ушли?

— У-ук у-ук.

— Так и знал. Бросились в бой, не разобравшись. Я тоже таким был. Да хранят их боги и да помогут им, если дойдут руки в перерывах между разборками в божественных семействах.

А затем он подумал: *«Ну, и что дальше? Я вот разобрался, а что мне делать-то?»*

Бросаться в бой, конечно. Но не спеша.



Центр груды тележек уже скрылся из виду.

Что-то происходило. Бледно-голубое сияние висело над исполинской пирамидой гнутого металла, из глубин которой периодически доносились сполохи молний. Тележки врезались в неё, словно астероиды, слепляющиеся в ядро новой планеты, но некоторые из них заходили дальше. Они ныряли в тоннели, открывающиеся в этой махине, и терялись в её сверкающем ядре.

Затем наверху груды что-то зашевелилось и пробилось сквозь изломанный металл. То был сверкающий столп, на котором высился шар двух метров в поперечнике. Он висел неподвижно пару минут, а затем, когда ветер высушил его, лопнул.

Наружу посыпались белые штучки, ветер подхватил их и осыпал ими Анк-Морпорк и глазеющую толпу.

Одна зигзагами пролетела над крышами и опустилась у ног Ветрома Сдумса, который как раз

ковылял из Библиотеки.

Штучка была всё ещё влажной, и на ней красовалась надпись. Ну, или попытка сделать надпись. Она напоминала странные письмена на подножии стеклянных шариков — слова, начертанные тем, кто не понимал, что такое слова.

РАСПРАДАЖА! РАСПРАДАЖА!!

НАЧИНАИТСЯ ЗАВТРА!!!

Ветром дошёл до ворот Университета. Мимо валом валила толпа.

Ветром хорошо знал анк-морпоркцев. Их хлебом не корми, дай на что-то поглазеть. Особенно на то, о чём пишут аж с тремя восклицательными знаками.

Он почувствовал, что на него смотрят, и обернулся. Из переулка за ним следила тележка. Она тут же развернулась и укатила прочь.

— Что творится, господин Сдумс? — спросила Людмилла.

На лицах прохожих застыло какое-то странное выражение. Как от неудержимого предвкушения. Необязательно быть волшебником, чтобы понять: что-то тут не так. А чувства Ветрома работали на полную, как генератор.

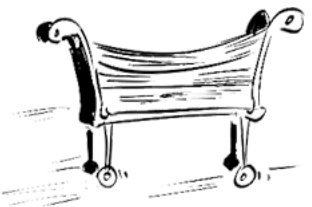
Люпин поймал в прыжке летящую по ветру бумажку и принёс ему.

ПАРАЗИТЕЛЬНЫЕ СКИДКИ!!!!!

Ветром печально покачал головой. Пять восклицательных знаков! Верный признак безумия.

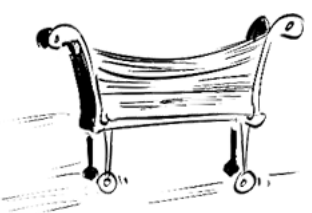
И тут он услышал музыку.

Люпин сел на мостовую и завыл.



В подвале дома госпожи Торт страшила Шлёппель доедал третью крысу, но вдруг замер и прислушался.

Затем поспешно закончил обед и подхватил дверь.



Граф Артур Подмигинс Носпиртату трудился над склепом.

Нет, лично он вполне мог бы прожить, или пронежить, или непрожить, или как там это называется, безо всякого склепа. Но склеп был положен. Дорин твёрдо требовала склеп. Он задавал тон всему жилищу, по её словам. Нужен склеп, а ещё подземелье и форт, иначе уважаемое вампирское сообщество засмеёт.

Когда начинаешь вампирствовать, тебе всего этого не рассказывают. И что надо самому строить склеп из дешёвых досок, купленных в лавке стройматериалов тролля Мелка. Большинству вампиров этого делать не приходится. По крайней мере, настоящим вампирам. Вроде графа Якулы. Нет, такая шишка сама строить не будет. Когда деревенщины приходят сжечь его замок, граф не спустится самолично к воротам, чтобы рубить разводной мост. Нет-нет, он просто скажет: «Игорь, — например, — Игорь, буть лубезен, разруби его, вжух-вжух».

Эх. А ведь он повесил объявление на бирже труда господина Кибля ещё несколько месяцев назад. Требуется горбун — ночлег, трёхразовое питание, горб за счёт нанимателя. И ни ответа, ни привета. А ещё говорят, что кругом безработица.

От такого со злости посереешь.

Он поднял очередную доску, развернул рулетку, поморщившись, и измерил длину. У Артура ломило спину с тех пор, как пришлось копать ров. Вот ещё о чём этим вашим знатным вампирам волноваться не надо.

Ров при такой работе тоже полагался, для стиля. И он должен окружать всё поместье. А у настоящих вампиров не бывает так, что с одной стороны улица, с другой — ворчливая госпожа Пиви, а с третьей — семья троллей, с которыми Дорин не здоровается. Им не приходится копать ров на собственном заднем дворе. Артур постоянно в него падал.

А ещё полагается кусать нежных дев за шею. Увы, как раз до этого так и не дошло. Но Артур в душе не сомневался, что к вампиршеству должны прилагаться девы, что бы там Дорин ни говорила. И непременно в батистовых пеньюарах. Артур не вполне представлял, как выглядит батистовый пеньюар, но читал об этом и решил, что обязательно должен такой повидать, пока жив… или не-жив…

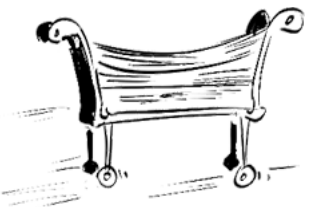
И вряд ли у других вампиров жёны произносят «ф» и «у» вместо «в», потому что настоящие вампиры якобы именно так говорят.

Артур вздохнул.

Ну что это за жизнь, или не-жизнь, или послежизнь, у простого торговца фруктами и овощами, которого заразили аристократией!

И тут через дыру в стене, которую он пробил, чтобы вставить готическую решётку, до него донеслась музыка.

— Ой, — сказал он и схватился за зубы. — Дорин?



Редж Башмак топнул по своей переносной трибуне.

— …И, скажем так, мы не будем просто лежать и ждать, когда у нас головы травой порастут! — вопил он. — И вы, конечно, спросите: «Каковы же твои Семь Шагов к Равноправию с живыми?»

Ветер ерошил сухую траву кладбища. Единственным, кто явно интересовался Реджем, был одинокий ворон.

Редж пожал плечами и понизил голос:

— Могли бы хоть как-то отреагировать, — сказал он в пустоту, загробному миру в целом. — Я тут надрываюсь, пальцы до костей стираю, — он продемонстрировал руки, — и хоть бы слово в ответ!

Он сделал паузу — на всякий случай.

Ворон — один из тех огромных и жирных, что населяют крыши Университета, — повернул голову набок и задумчиво оглядел Реджа Башмака.

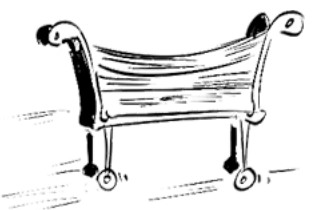
— Знаете, — вздохнул Редж, — порой уже хочется всё это бросить…

Ворон прочистил глотку.

Редж Башмак оглянулся на него.

— Только попробуй, — процедил он, — только *вякни*…

И тут он услышал музыку.



Людмилла осмелилась убрать ладони от ушей.

— Какой ужас! Что это, господин Сдумс?

Ветром пытался натянуть себе на уши остатки

шляпы.

— Понятия не имею, — ответил он. — *Похоже* на музыку. Для тех, кто музыки раньше не слышал.

То были не ноты. То был организованный шум, которым, видимо, пытались изобразить ноты — всё равно как если рисовать карту страны, которую и на карте-то не видел.

Хньип! Йньип! Хвьёмп!

— Звук доносится из-за города, — заметила Людмилла. — Оттуда, куда все… идут… Не может быть, им что, нравится?

— Не могу представить, кому это понравилось бы, — признал Ветром.

— Похоже на… помните тот случай с крысами в прошлом году? Когда парень с дудкой утверждал, что его музыку слышат только крысы?

— Да, но это же всё был обман. Это оказались Изумительный Морис и его учёные грызуны…

— А если бы вдруг это *стало* правдой?

Ветром покачал головой.

— Музыка, притягивающая людей? Ты к этому клонишь? Но такого не может быть. *Нас-то* она не притягивает. Даже, я бы сказал, отпугивает.

— Да, но вы не человек… не совсем человек, — заметила Людмилла. — А я… — Она запнулась и покраснела.

Ветром похлопал её по плечу.

— Конечно. Конечно. — Вот и все слова, что пришли ему в голову.

— Вы уже знаете, да? — спросила она, не поднимая глаз.

— Да. И если это важно, я не считаю, что этого нужно стыдиться.

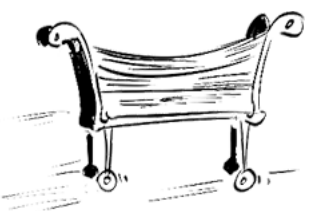
— А матушка говорила, позор будет, если узнают!

— Пожалуй, это зависит от того, кто именно узнает, — произнёс Ветром, глядя на Люпина.

— Почему ваш пёс на меня так глядит? — удивилась Людмилла.

— Он у меня очень умный, — выкрутился Ветром.

Он пошарил в карманах, вытряхнул оттуда пару горстей земли и наконец раскопал свой ежедневник. Итак, до следующего полнолуния двадцать дней. Люпин будет ждать с нетерпением.



Груда искорёженного металла начала рушиться. Вокруг неё вились тележки, а толпа анк-морпоркцев стояла кругом поодаль, пытаясь разглядеть, что там внутри. В воздухе разливалась немузыкальная музыка.

— Даже господин Достабль здесь, — заметила Людмилла, протискиваясь вместе со Сдумсом через толпу, которая расступалась довольно легко.

— И что он продаёт на сей раз?

— Кажется, ничего, господин Сдумс.

— Не может быть! Значит, дела совсем плохи.

В одной дыре в груде вспыхнул голубой свет. Обломки тележки покатились по земле как железные листья.

Ветром, кряхтя, нагнулся и подобрал остроконечную шляпу. Ей явно досталось, по ней проехалась орда тележек, но в ней ещё узнавался предмет, который по праву должен находиться на голове.

— Волшебники рядом, — сказал он.

На груде металла засверкал серебристый отсвет. Он тёк по ней, словно масло. Ветром протянул руку — и здоровенная искра соскочила с груды на его пальцы.

— Хм-м, — сказал он. — Сколько тут энергии…

И тут он услышал голоса вампиров.

— Ау-у, господин Сдумс!

Он обернулся. К нему приближалась чета Носпиртату.

— Вы… то есть уи тоше стесь? Мы бы раньше пришли, но…

— …Но я не мог найти чёртов воротничок, — проворчал Артур, который явно разгорячился. Он был одет в складной театральный цилиндр, которому отлично давалось складываться, а вот с цилиндричностью были проблемы. Казалось, будто Артур взирает на мир из-под баяна.

— Ага, здрасьте, — сказал Ветром. В верности Подмигинсов традициям вампиризма было нечто умилительное.

— Унд кто ше сия юная тама? — спросила Дорин, оглядев Людмиллу.

— Что-что, извините? — не понял Ветром.

— Тштоу?

— Дорин, то есть *графиня*, спросила, кто эта юная дама, — устало перевёл Артур.

— Главное, чтобы *я* поняла, что сказала, — огрызнулась Дорин нормальным голосом человека, родившегося и выросшего в Анк-Морпорке, а не в каких-то трансильванских дебрях. — Дай тебе волю, ты бы от традиций камня на камне не оставил…

— Меня зовут Людмилла, — вставила Людмилла.

— Ф уосхищении, — любезно ответила графиня Носпиртату. — Усегда приятно устретить сфешую крофь. Если пошелаете сочную косточку на прогулке, наши дфери усегда открыты.

Людмилла обернулась на Ветрома.

— У меня это что, на лбу написано? — вздохнула она.

— Они тоже не обычные люди, — осторожно пояснил Ветром.

— Я уж поняла, — хладнокровно ответила Людмилла. — Нечасто встретишь людей, которые всюду ходят в театральных плащах.

— Плащ мне полагается, — заметил граф Артур. — В качестве крыльев, понимаете ли. Как-то так…

Он драматично распахнул плащ. Раздался короткий хлопок — и на месте Артура в воздухе повисла жирная летучая мышь. Она поглядела вниз, негодующе пискнула и рухнула носом в пыль. Дорин подняла мышку за лапки и отряхнула.

— Вот чего я не выношу, так это спать с открытым окном, — сказала она невпопад. — Нельзя ли вырубить эту музыку? У меня от неё мигрень.

Снова раздался «*вжух*». Артур материализовался вверх тормашками и упал головой вниз.

— Не хватает высоты, — пояснила Дорин. — Здесь требуется разгон. Если нет высоты хотя бы в этаж, он не может набрать скорость для полёта.

— Не могу набрать скорость для полёта, — повторил Артур, с трудом подымаясь на ноги.

— Извините, — спросил Ветром, — а эта музыка на вас не действует?

— Ещё как действует, от неё зубы ноют, — сказал Артур. — А для вампира это особенно неприятно, уж поверьте.

— Господин Сдумс уверен, что музыка как-то воздействует на людей, — пояснила Людмилла.

— Что, от неё зубы ноют у всех?

Ветром оглядел толпу. На членов «Нового начала» никто не обращал внимания.

— Похоже, они чего-то ожидают, — заметила Дорин. — Ой, то есть ошитают.

— Это как-то жутко, — поёжилась Людмилла.

— Жутко — это даже хорошо, — возразила Дорин. — *Мы сами* жуткие.

— Господин Сдумс предложил забраться внутрь этой кучи, — сказала Людмилла.

— Отличная мысль, — поддержал Артур. — Заткнём, наконец, это чёртову музыку.

— Но вас там могут убить! — воскликнула Людмилла.

Ветром хлопнул ладонями и задумчиво потёр их.

— Ха, — сказал он, — с этим они уже припоздали.

Он вошёл в сияние.

Такого яркого света он прежде не видел. Казалось, он лился отовсюду, находя и безжалостно истребляя все тени до единой. Свет был куда ярче солнечного и совсем на него не похож — синева в нём резала глаза, словно ножом.

— Вы готовы, граф? — спросил он.

— Вполне, вполне, — ответил Артур.

Люпин зарычал.

Людмилла потянула груду сплетённого металла.

— Знаете, там, под кучей, что-то есть. Выглядит как… мрамор. Только оранжевого цвета. — Она провела по нему рукой. — И тёплый. Мрамор же не должен быть тёплым, верно?

— Не может это быть мрамор. Столько мрамора нет во всём… фо фсём мире, — удивилась Дорин. — Мы пытались добыть мрамора для постройки форта… — она посмаковала это слово и удовлетворённо кивнула, — да, *ф-ф*орта. Гномов

этих расстрелять мало за такие цены. Просто кошмар.

— Вряд ли это построили гномы, — заметил Ветром. Он неуклюже опустился на колени и осмотрел пол.

— Да уж наверняка не эти ленивые карапузы. Они за наш форт хотели семьдесят долларов. Помнишь, Артур?

— Почти семьдесят, — кивнул Артур.

— Думаю, это вообще никто не строил, — тихо произнёс Ветром.

Щели, подумал он. *Всегда бывают щели. Края, где одна плитка прилегает к другой. Не может весь пол быть одной бесконечной плитой. Да ещё и липкой.*

— В итоге Артур сам его построил.

— Да, я сам построил.

Ага! Вот и край. Но щели всё равно нет. Просто мрамор стал прозрачен, словно окно, и за ним открылось ярко освещённое пространство. Там были какие-то непонятные, будто оплавленные вещи, но как попасть к ним — непонятно.

Он полз всё дальше под болтовню Подмигинсов.

— Не совсем форт, такая фортеция. Но в ней есть подземелье. Правда, чтобы закрыть туда дверь,

приходится выходить в прихожую…

Как по-разному люди понимают аристократизм, подумал Ветром. *Для одних главное — не быть упырём. Для других — лепнина в виде летучих мышей на стене.*

Он провёл пальцами по прозрачному полу. Мир внизу состоял из прямоугольников. Там были углы и коридор, вдоль которого по бокам тянулись прозрачные окна. И не-музыка играла без умолку.

Не может же оно быть живым, да? Жизнь, она… более округлая.

— А ты что думаешь, Люпин? — спросил он.

Люпин гавкнул.

— М-м, да. Толку немного.

Людмилла опустилась рядом на колени и положила руку Ветрому на плечо.

— А в каком смысле это вообще никто не строил?

Ветром почесал затылок.

— Я не уверен… но это выглядит как… выделения.

— Выделения? Откуда? *Чьи*?

Они подняли глаза. Из бокового коридора, жужжа, выехала тележка и скрылась в проходе с другой стороны.

— Их? — изумилась Людмилла.

— Вряд ли. Они похожи на обслугу. Как в муравейнике. Или, может, пчелином улье.

— А что тогда их мёд?

— Пока не знаю. Но он ещё не готов. Похоже, они тут всего не закончили. Так что никому ничего *не трогать*.

Они шагали дальше. Проход вывел их под широкий, ярко освещённый купол. Вверх и вниз на другие этажи вели лестницы, а рядом бил фонтанчик и росли растения в горшках — слишком красивые для настоящих.

— Уосхитительно, не правда ли? — протянула Дорин.

— Только не пойму, где же люди? — спросила Людмилла. — Тут наверняка должно быть полно людей.

— Как минимум тут должны быть волшебники, — пробормотал Ветром Сдумс. — Полдюжины волшебников не могут взять и исчезнуть.

Все пятеро сгрудились поплотней друг к другу. Хотя в проход, по которому они пришли, свободно уместилась бы парочка слонов бок о бок.

— Как считаете, может, лучше вернуться? — спросила Дорин.

— А что это нам даст? — уточнил Ветром.

— Даст то, что мы не останемся здесь.

Ветром обернулся и посчитал. Из-под купола лучами на равных расстояниях расходились пять проходов.

— Сверху и снизу, вероятно, всё то же самое, — сказал он вслух.

— Тут очень чисто, — нервно заметила Дорин. — Правда же чисто, Артур?

— Тут очень чисто.

— А что за шум? — спросила Людмилла.

— Какой шум?

— Такой. Будто кто-то что-то сосёт.

Артур огляделся с явным интересом.

— Это не я.

— Это лестница, — сказал Ветром.

— Что за ерунда, господин Сдумс? Лестница не может сосать!

Ветром опустил взгляд.

— А эта сосёт.

Она была чёрной и текла, словно река. Тёмная материя выплывала из-под пола и превращалась в подобие ступеней, а затем они текли по склону и внизу скрывались вновь под полом. При появлении ступеньки издавали медленный ритмичный звук «шлюп-шлюп», словно кто-то пробует языком саднящее дупло в зубе.

— Знаете, — сказала Людмилла, — это, пожалуй, самое отвратительное, что я видела в жизни.

— Я видал и похуже, — признал Ветром. — Но это в первой десятке. Так что, пойдём вверх или вниз?

— Вы что, хотите на них *встать*?

— Не то чтобы хочу. Но волшебников на этом этаже нет, так что выбор невелик — по ступеням или по перилам. А вы перила эти видели?

Они поглядели на перила.

— Думаю, — тревожно сказала Дорин, — нам лучше *вниз*.

Они спустились в полном молчании. Артур споткнулся и упал на том месте, где подвижные ступени всасывались обратно в пол.

— У меня было жуткое чувство, будто меня вот-вот туда затянет, — извинился он и огляделся. — Большой домик, — заявил он. — Просторный. Поклеить сюда обои с текстурой под камень, и просто дворец будет.

Людмилла подошла к ближайшей стене.

— А знаете, — заметила она, — тут больше стекла, чем я видела в своей жизни. А вот эти прозрачные места выглядят как лавки. Может быть такое? Огромный магазин, полный маленьких магазинчиков?

— Пока ещё не созревших, — добавил Ветром.

— Извините, что?

— Да просто думаю вслух. Погляди, какой там товар?

Людмилла прикрыла глаза ладонями с боков.

— Всё очень цветастое и блестящее.

— Дай знать, если увидишь волшебника.

Кто-то закричал.

— Или услышишь, тоже сойдёт, — добавил Ветром.

Люпин опрометью бросился в проход. Ветром поспешно заковылял следом.

Кто-то валялся на спине, отчаянно отбиваясь от пары тележек. Они были крупнее тех, что Ветром видел раньше, и с позолотой.

— Эй! — крикнул он.

Они перестали таранить распластанную на полу фигуру и повернулись к нему на колёсиках.

— Ой, — сказал он, увидев, как они набирают скорость.

Первая увернулась от челюстей Люпина и боднула Ветрома под колени, сбив его с ног. Когда вторая накатила на него, он отчаянно схватился за какую-то её часть и дёрнул изо всех сил. Колёсико отлетело, и тележка врезалась в стену.

Он вскочил и увидел, как Артур сурово вце-

пился в ручку другой тележки и они кружат в безумном вальсе центрифуги.

— Отпусти её! Отпусти её! — кричала Дорин.

— Не могу! Не могу!

— Ну так сделай *что-нибудь*!

В воздухе раздался хлопок. Теперь тележка боролась не с упитанным оптовым торговцем фруктами и овощами средних лет, а лишь с маленькой перепуганной летучей мышкой. По инерции тележка влетела в мраморную колонну, срикошетила, ударилась о стену и приземлилась навзничь, бешено крутя колёсиками.

— Колёса! — крикнула Людмилла. — Сорвите ей колёса!

— Я займусь этим, — ответил Ветром. — А ты помоги Реджу.

— Что, и *Редж*, тоже здесь? — изумилась Дорин.

Ветром ткнул пальцем в соседнюю стену. Там красовалась надпись «Лучше поздно, чем ни…», а на конце её отчаянный потёк краски.

— Дай ему стену и краску, и он забудет, на каком он свете, — кивнула Дорин.

— Ну, на выбор у него только этот свет и тот, — напомнил Ветром, бросая колёсики тележки на пол. — Люпин, осмотрись, нет ли ещё кого.

Колёсики оказались острые, как коньки. Он ощущал порезы от них на ногах. Так, как там работает затягивание ран?

Реджа Башмака привели в сидячее положение.

— Что творится? — спросил он. — Никто не приходил, и я пошёл сюда посмотреть, откуда музыка, не успел оглянуться — и тут *колёса*…

Граф Артур вернулся в сравнительно человеческую форму, с гордостью огляделся, понял, что никто не обращает на него внимания, и сник.

— Эти выглядели куда опаснее прежних, — заметила Людмилла. — Больше, злее и с острыми лезвиями.

— Это солдаты, — заявил Ветром. — Раньше мы видели рабочих. Теперь перед нами солдаты. Точь-в-точь как у муравьёв.

— У меня в детстве был свой муравейник в банке, — невпопад вставил Артур, который крепко стукнулся о пол и с трудом возвращался в контакт с реальностью.

— Погодите-ка, — перебила Людмилла. — Муравьёв я знаю. У нас они водились на заднем дворе. Если есть рабочие и солдаты, значит, должна быть и…

— Знаю. Знаю, — простонал Ветром.

— …А знаете, как такие называют? Муравьиная

ферма! Хотя я никогда не видел, чтобы они там фермы разводили…

Людмилла прислонилась к стене.

— Она должна быть близко, — сказала она.

— Думаю, да, — согласился Ветром.

— Как вы думаете, как она выглядит?

— …А всего-то надо взять банку и немного муравьёв…

— Не знаю. Откуда мне знать? Но волшебники должны быть недалеко от неё.

— Не понимаю, потчему уи так уолнуетесь за них, — сказала Дорин. — Они ше уас зажифо похоронили только за то, что уи умерли.

Ветром услышал вдали звук колёс. С десяток тележек-солдат выехало из-за угла и построилось в боевой порядок.

— Они думали, что так будет лучше, — сказал Ветром. — Люди всегда так думают. Просто поразительно, какие идеи людям порой кажутся удачными.

Новый Смерть выпрямился.

– А то что?

— ЭМ — М. АХ ДА.

Билл Дверь отступил, развернулся и побежал со всех ног.

Он как никто другой знал, что лишь откладывает неизбежное. Бежит от Смерти. Но разве вся жизнь не состоит из этого?

От него никто из умерших не убегал. Многие пытались убежать до того, как умрут, и проявляли в этом дивную изобретательность. Но естественной реакцией души, внезапно вырванной из обычного мира в загробный, было беспомощно торчать на месте. Теперь-то зачем убегать? Ты ведь даже не знаешь, куда именно бежишь.

А призрачный Билл Дверь отлично знал куда.

Нед Кек запер кузню на ночь, но это проблемы не составляло. Не живой и не мёртвый, дух Билла Двери нырнул сквозь стену.

Пламя в горне уже погасло до едва заметного мерцания. Кузницу наполнял тёплый мрак.

А вот чего в ней не было, так это призрака косы.

Билл Дверь затравленно огляделся.

— ПИСК?

Крохотная фигурка в чёрной мантии сидела на стропилах у него над головой. Она яростно жестикулировала, указывая в угол.

Он увидел там тёмную рукоять, торчащую из поленницы.

Он попытался вытащить её пальцами, которые теперь были не плотнее тени.

— НО ОН ОБЕЩАЛ, ЧТО УНИЧТОЖИТ ЕЁ!

Смерть Крыс сочувственно пожал плечами.

Новый Смерть прошёл сквозь стену, держа косу обеими руками. Он надвигался на Билла Дверь.

Раздался шорох. Это кузницу наводнили серые мантии.

Билл Дверь в ужасе оскалился.

Новый Смерть остановился и замер в красивой позе в сиянии горна.

Затем махнул косой.

Чуть не потерял равновесие.

– Ты не имеешь права уклоняться!

Билл Дверь снова нырнул в стену и побежал

через площадь, пригнув череп; его призрачные ноги не издавали ни звука, касаясь мостовой. Он подбежал к ждущим его у часов.

— НА КОНЯ! ВПЕРЁД!

— Что происходит? Что происходит?

— НЕ СРАБОТАЛО!

Госпожа Флитворт испуганно оглядела его, но положила бессознательную девочку на спину Бинки и взобралась в седло. Затем Билл Дверь с размаху хлопнул коня по боку.

По крайней мере, его ощутили — Бинки существовал во всех мирах.

— ПОШЁЛ!

И, не оборачиваясь, побежал по дороге к ферме.

Оружие!

Что-нибудь, что можно взять в руки!

Единственное оружие в загробном мире теперь было в руках Нового Смерти.

На бегу Билл Дверь вдруг услышал тихий дробный топоток. Он опустил глаза. Смерть Крыс, который бежал рядом, не отставая, ободряюще пискнул ему.

Он пролетел сквозь ворота фермы и прислонился к стене.

Вдали раздался рокот грома. В остальном ца-

рила тишина.

Он слегка расслабился и осторожно прокрался вдоль стены вглубь дома.

Краем глаза он заметил металлический блеск. Тут, прислонённая к стене, стояла его коса — не та, какую он тщательно подготовил для битвы, а та, которой убирал урожай. Видимо, мужики из деревни оставили её здесь, когда принесли его с поля. Она была не острей того, что могут сотворить точильный камень и ласка стеблей, но, по крайней мере, её форма была знакомой. Он на пробу попытался её схватить. Рука прошла насквозь.

– Чем дальше бежишь, тем я ближе.

Новый Смерть неспешно вышел из тени.

– Ты ведь знаешь, не так ли, — добавил он.

Билл Дверь выпрямился.

– С каким же удовольствием мы с тобой разделаемся.

— С УДОВОЛЬСТВИЕМ?

Новый Смерть приближался. Билл Дверь отступал.

– Да. Забрать одну Смерть — всё равно что оборвать миллиард мелких жизней.

— МЕЛКИХ? ЖИЗНЬ — ЭТО ТЕБЕ НЕ ИГРА!

Новый Смерть замешкался.

– Что такое игра?

Билл Дверь ощутил проблеск надежды.

— МОГУ ПОКАЗАТЬ…

Рукоять косы врезала ему по челюсти и отбросила на стену, по которой он стёк наземь.

– Мы чуем уловку. Мы не слушаем. Жнец не слушает свой урожай.

Билл Дверь попытался встать.

Коса ударила его вновь.

– Мы не повторим твоих ошибок.

Билл Дверь поднял взгляд. Новый Смерть держал золотистый хронометр, и верхняя колба была пуста. Вокруг них всё плыло, менялось, краснело, приобретало нереальный облик — так реальность видится с той стороны…

— Ваше время истекло, господин Билл Дверь.

Новый Смерть откинул капюшон.

Там не было лица. Даже черепа не было. Лишь бесформенный дым клубился между мантией и золотой короной.

Билл Дверь приподнялся на локтях.

— КОРОНА? — Его голос дрогнул от гнева. — Я НИКОГДА НЕ НОСИЛ КОРОНЫ!

– *Ты никогда не хотел править.*

Новый Смерть размахнулся косой.

И тут вдруг до старого и нового Смертей дошло, что шелест времени ещё вовсе не прекратился.

Новый Смерть застыл, а затем вытащил золотые часы.

Встряхнул их.

Билл Дверь поглядел в пустоту вместо лица под короной. На ней застыло недоумение, пусть даже там не было никаких черт лица. Это выражение

висело в воздухе само по себе.

Он увидел, как повернулась корона.

Госпожа Флитворт стояла, держа руки перед собой и закрыв глаза. Меж её рук в воздухе перед ней парил бледный силуэт песочных часов, и песок из них стремительно утекал прочь.

Смерти разглядели на стекле витиеватую надпись: «Рената Флитворт».

На безликом лице Нового Смерти появилось выражение бесконечного изумления. Он повернулся к Биллу Двери.

– *Ради ТЕБЯ?*

Но Билл Дверь уже поднимался во весь рост с царственным гневом, рос и оживал на заимствованном времени. Он сунул руку за спину и нащупал простую полевую косу.

Коронованный Смерть был к этому готов и поднял оружие, но, кажется, ничто в мире не могло остановить это потёртое лезвие, разрезавшее воздух — ярость и возмездие придавали ему такую остроту, что превыше самого понятия «острое». Оно прошло сквозь металл, даже не замедлившись.

— НИКАКИХ КОРОН, — произнёс Билл Дверь, глядя прямо в клубы дыма. — НИКАКИХ КОРОН. ТОЛЬКО ЖАТВА.

Мантия сложилась вокруг его лезвия. Раздался тонкий стон, такой высокий, что вышел за пределы слышимости. Чёрный столп, будто негатив молнии, сверкнул из земли и скрылся в облаках.

Смерть немного подождал, затем осторожно потыкал мантию ногой. Из неё выкатилась слегка помятая корона и сразу испарилась.

— УФ, — проворчал он. — ДРАМА.

Он подошёл к госпоже Флитворт и осторожно свёл её руки вместе. Силуэт часов исчез. Лиловый туман по краям её поля зрения растаял, и на его место хлынула осязаемая реальность.

Вдали, в деревне, часы наконец закончили бить полночь.

Старушку трясло. Смерть щёлкнул пальцами у неё перед глазами.

— ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ? РЕНАТА?

— Я… я не знала, что делать, а ты сказал, это несложно, и…

Смерть вошёл в амбар. Вышел он уже одетым в чёрную мантию.

Она стояла на том же месте.

— Я не знала, что делать, — повторила она, похоже, уже не ему. — Так что произошло? Всё кончилось?

Смерть огляделся. На двор стекались серые

силуэты.

— ПОХОЖЕ, НЕТ, — сказал он.

Позади строя солдат появлялось всё больше тележек. Выглядели они как маленькие серебристые рабочие, лишь изредка бледным золотом блестел воин.

— Тумаю, нам стоит отступить к лестнице, — предложила Дорин.

— А мне кажется, нас туда и пытаются вытеснить, — возразил Ветром.

— Тем лучше для нас. Усё рафно, я не тумаю, что с этими колёсиками они могут подняться по ступеням.

— А драться насмерть вы по определению не сможете, — добавила Людмилла.

Люпин прижался к ней, не сводя глаз с медленно надвигающихся колёс.

— Нам не помешал бы хоть какой-то шанс, —

сказал Ветром. Они дошли до подвижных лестниц. Он огляделся. На площадке над лестницей, ведущей наверх, толпились тележки, а вот этаж ниже как будто пустовал.

— Может, мы найдём там другой подъём? — спросила Людмилла.

Они неловко спустились по движущейся лестнице. У них за спинами тележки сгрудились, преграждая путь обратно.

Этажом ниже нашлись волшебники. Они стояли так неподвижно среди растений в горшках и фонтанчиков, что Ветром поначалу прошёл мимо, приняв их за какие-то статуэтки или странную мебель.

Аркканцлер нацепил красный клоунский нос и держал шарики. Казначей рядом с ним жонглировал цветными мячиками, механически, как машина, глядя в пустоту.

Главный философ стоял чуть поодаль, и на нём висели две доски с плакатами. Надписи на них ещё не созрели, но Ветром готов был поспорить на всю свою загробную жизнь, что там окажется что-нибудь вроде «РАСПРОДАЖА!!!».

Прочие волшебники сгрудились в кучу, словно заводные куклы, у которых кончился завод. У каждого на мантии красовалась продолговатая

табличка. Уже привычные органические на вид буквы выросли в слово, выглядевшее так:

ОХРАНА

Почему именно это — оставалось загадкой. Волшебники меньше всего походили на людей, способных что-либо охранять.

Ветром щёлкнул пальцами перед закатившимися глазами декана. Тот не отреагировал.

— Он не мёртв, — заметил Редж.

— Просто отдыхает, — ответил Ветром. — Как бы отключился.

Редж толкнул декана на пробу. Волшебник качнулся вперёд и замер в опасно неустойчивой позе.

— Нет, ну мы не сможем тащить их на себе, — заявил Артур. — Как-нибудь можно их разбудить?

— Попробуйте поджечь пёрышко у него под носом, — предложила Дорин.

— Не думаю, что это поможет, — возразил Ветром. Он учитывал, что Редж Башмак и так находится у них прямо под носами, а любой, чей нюх не смущал аромат Реджа, на жалкое пёрышко и вовсе внимания не обратит. И даже на гирю, сброшенную на голову.

— Господин Сду-умс… — произнесла Людмил-

ла.

— А я видал голема, очень похожего на него, — перебил Редж Башмак. — Один в один. Здоровенный был детина, весь глиняный. В общем-то, как все големы. Чтобы он начал работать, на нём надо написать особое священное слово.

— Например, «охрана»?

— Почему бы нет.

Ветром вгляделся в декана.

— Нет уж, — наконец сказал он, — на такое никому глины не хватит. — Он огляделся. — Надо бы найти, откуда льётся эта чёртова музыка.

— В смысле, где прячутся музыканты?

— Не думаю, что тут есть музыканты.

— Брат, а как иначе? — удивился Редж. — Музыку должен кто-то играть.

— Во-первых, это не похоже ни на какую музыку, что я слышал, — ответил Сдумс. — А во-вторых, я всегда считал, что для света нужны масляные лампы или свечи. А тут их нет, и всё равно светло.

— Господин Сду-умс… — повторила Людмилла, ткнув его под рёбра.

— Что?

— У нас тут опять тележки.

Они перекрыли все пять проходов, ведущих в

центральный зал.

— Вниз лестницы нет, — сказал Ветром.

— Может, оно — *она!* — в какой-то из этих стеклянных штук? — предположила Людмилла. — В лавке?

— Не думаю. Они как будто недоделанные. И вообще, как-то это всё странно…

Люпин зарычал. На передних тележках блеснули шипы, но в атаку они не бросились.

— Похоже, они видели, как мы разделали их товарок, — предположил Артур.

— Но как они могли это видеть? — спросил Ветром. — Это наверху было.

— Может, они как-то общаются?

— А как они могут общаться? Как они могут думать? У них и мозгу-то спрятаться негде, одна проволока, — заметила Людмилла.

— Ну, муравьи и пчёлы тоже не особо думают, — напомнил Ветром. — Они подчиняются своей…

Он посмотрел наверх.

Все посмотрели наверх.

— Она откуда-то с потолка звучит, — сказал он. — Надо срочно найти откуда!

— Там же просто светящиеся доски, — возразила Людмилла.

— Что-то ещё! Ищите, откуда она может исходить!

— Да она *отовсюду* исходит!

— Что бы вы ни задумали, — Дорин достала растение из горшка и взяла наперевес, как дубину, — не тяните с этим.

— А это что там за чёрная кругляшка? — спросил Артур.

— Где?

— Вот, — показал Артур.

— Ладно, мы с Реджем подсадим вас, давайте-ка…

— Я? Я же высоты боюсь!

— Вы же вроде превращаетесь в летучую мышь?

— Да, в очень испуганную!

— Хватит ныть. Вот так: ногу *сюда*, руку туда, теперь ногу Реджу на плечо…

— Только в меня не провались, — попросил Редж.

— Не нравится мне это! — стонал Артур, пока его поднимали. Дорин наконец оторвалась от подкрадывающихся тележек.

– *Артуар*! Памятуй о *камильфоу*!

— Это что, какой-то вампирский кодовый язык? — шепнул Редж.

— Это значит что-то вроде: делай то, что положено графу, — ответил Ветром.

— Графу! — ворчал Артур, опасно пошатываясь. — Надо было того нотариуса к чёрту послать! Так и знал, что от длинных бурых конвертов одни проблемы. И всё равно я до этой чёртовой штуки не дотягиваюсь!

— А можете подпрыгнуть? — спросил Ветром.

— А вы можете взять и умереть?

— Нет.

— Вот, а я не прыгаю!

— Так взлетите. Превратитесь в мышь и взлетайте.

— Мне не хватит скорости для взлёта!

— Можем вас метнуть, — предложила Людмилла. — Знаете, как дротик в мишень.

— Ну уж фигушки! Я всё-таки граф!

— Только что вы не хотели им быть, — напомнил Ветром.

– *На земле* не хочу, но если меня предлагают кидать, как мячик…

– *Артуар*! Слушайся господина Сдумса!

— С чего бы мне…

— Артур!

В виде летучей мыши Артур оказался на удивление увесистым. Ветром взял его за уши, словно

неуклюжий шар для кегельбана, и прицелился.

— Только помните: — я редкий, вымирающий вид! — пропищал граф, когда Сдумс размахнулся.

Бросок получился точнёхоньким. Артур вспорхнул на диск в потолке и впился коготками.

— Можете сдвинуть его?

— Нет!

— Тогда держитесь крепче и превращайтесь обратно.

— Нет!

— Мы вас поймаем!

— Нет!

— Артур! — рявкнула Дорин, которая уже отталкивала надвигающуюся тележку самодельной дубиной.

— Ай, будь что будет!

Артур Подмигинс на миг возник на потолке, отчаянно за него цепляясь, и сразу же рухнул на Ветрома и Реджа, прижимая диск к груди.

Музыка резко смолкла. Из проделанной в потолке дыры потянулись розовые трубки, они кольцами обвились вокруг Артура, отчего он выглядел как дешёвая котлета в спагетти.

Фонтан на мгновение будто заработал на всасывание, а затем иссяк.

Тележки замерли. Задние врезались в перед-

ние, и раздался душераздирающий скрежет и лязг.

С потолка продолжали сыпаться трубки. Ветром приподнял одну. Она была липкой и противно розовой.

— Как думаете, что это? — спросила Людмилла.

— Думаю, — признался Ветром, — что лучше валить отсюда сейчас же.

Пол вздрогнул. Из фонтанчика повалил пар.

— И поскорей, — добавил Сдумс.

Аркканцлер застонал. Декан повалился ничком. Остальные волшебники устояли на ногах, но едва-едва.

— Приходят в себя, — заметила Людмилла. — Но лестницу вряд ли осилят.

— К лестницам сейчас лучше даже не приближаться, — заявил Ветром. — Поглядите-ка на них.

Движущиеся лестницы замерли. Чёрные ступени поблёскивали в странном свете, не оставляющем теней.

— Понимаю, — кивнула Людмилла. — Лучше уж по зыбучим пескам ходить.

— И то безопаснее будет, — согласился Ветром.

— А есть тут пандус? Как-то же тележки перемещаются.

— Это мысль!

Людмилла оглядела тележки. Они бесцельно кружили.

— Кажется, у меня есть мысль ещё лучше… — сказала она и схватила одну тележку за ручку. Та вяло посопротивлялась, но затем, не получая иных приказов, покорно замерла.

— Кто может ходить, пойдёт пешком, а кто не может, тех повезём. Ну-ка, дедуля… — Это относилось к казначею, которого удалось уложить в тележку. Он вяло простонал: «Йоу» — и снова закрыл глаза. Сверху на него усадили декана[17].

— Куда теперь? — спросила Дорин.

Часть плиток пола вздулась. Из-под них повалил серый пар.

— Наверное, выход где-то в конце коридора, — ответила Людмилла. — Пойдём.

Артур опустил глаза на туман, клубящийся у ног.

— Вот интересно, как они это делают? — спросил он. — Такие химикаты, знаете ли, достать непросто. Мы пробовали сделать нашу гробницу более… загробной, что ли, но в итоге просто надымили на весь дом и занавески сожгли…

---

[17] Примечания: 17

Есть такая старинная традиция — класть самое хрупкое на дно тележки.

– *Хватит*, Артур. Нам *пора*.

— Как думаете, мы не слишком много тут наломали? Может, нам оставить записку…

— Да, могу что-нибудь начертать на стене, если надо, — ответил Редж.

Он схватил за ручку упирающуюся тележку-рабочего и с явным наслаждением колотил её о колонну, пока не отвалились колёсики.

Сдумс проводил клуб «Новое начало» взглядом: они шагали в ближайший коридор, везя широкий ассортимент волшебников по низким ценам.

— Ну и ну, — сказал он. — Так просто! Вот и всё, что требовалось. Никаких драм.

Он шагнул было за ними и вдруг замер.

Розовые трубки пробились сквозь пол и оплелись вокруг его ног.

В воздух взлетели плитки. Лестницы развалились, обнажив тёмную, зубчатую и явно *живую* материю того, что приводило их в движение. Стены запульсировали и вогнулись, мрамор треснул, и под ним всё было вишнёвым и розовым.

Ну конечно, подумала крохотная частица Сдумса, оставшаяся спокойной, *всё это не было настоящим. Здания же на самом деле не живые. Это просто метафора, только сейчас метафоры — как свечи на пороховом складе.*

Если подумать, чем может быть королева этих пчёл? Она как пчеломатка, которая одновременно и сам улей. Как ручейник, который, если не ошибаюсь, строит себе кокон из всяких камушков для маскировки. Или как рачок-наутилус, который пополняет свою раковину по мере роста. Но судя по тому, как корёжит полы, больше всего она похожа на очень сердитую морскую звезду.

Интересно, как города защищаются от таких тварей? Живые существа обычно вырабатывают какую-нибудь защиту от хищников. Яды, шипы, жала, всё такое.

А на сей раз это, похоже, я. Колючий старик Ветром Сдумс.

По крайней мере, я могу сделать так, чтобы остальные выбрались целыми и невредимыми. Дай-ка заставлю её отвлечься на меня…

Он нагнулся, схватил пару пульсирующих трубок и рванул их.

Яростный визг Матки слышался аж до самого Университета.

Грозовые тучи стекались к холму и быстро громоздились в зловещую груду. Где-то в её глубине сверкали молнии.

— ВОКРУГ СЛИШКОМ МНОГО ЖИЗНИ, — сказал Смерть. — НО КТО Я ТАКОЙ, ЧТОБЫ НА ЭТО ЖАЛОВАТЬСЯ. ГДЕ ДЕВОЧКА?

— Я уложила её в постель. Уже спит. Обычным сном.

В вершину холма ударила молния. Затем откуда-то донёсся звенящий рокот.

Смерть вздохнул.

— М-ДА. СКОЛЬКО ДРАМЫ.

Он обошёл амбар, чтобы открылся хороший вид на сумрачные поля. Госпожа Флитворт следовала по пятам, прячась за ним, как за щитом, от тех ужасов, что могли там быть.

Вдали над гребнями холмов плясало и трещало голубое сияние.

— Что это?

— РАНЬШЕ ТО БЫЛ УБОРОЧНЫЙ КОМБАЙН.

– *Был*? А теперь это что?

— ЖАЛКИЙ НЕУДАЧНИК.

Комбайн катил по размокшим полям, его мотовило вертелось, рычаги метались, окутанные голубоватым нимбом. Оглобли для лошади беспомощно болтались в воздухе.

— Как он едет без лошади? Вчера в него лошадь запрягали!

— ЕМУ УЖЕ НЕ НУЖНА ЛОШАДЬ.

Он оглядел серых наблюдателей вокруг. Их уже были толпы.

— Бинки всё ещё во дворе. Уезжай!

— НЕТ.

Уборочный Комбайн разгонялся навстречу ему. «Шурх-шурх» его лезвий превратился в пронзительный вой.

— Он сердится, что ты украл его брезент?

— Я НЕ ТОЛЬКО ЭТО УКРАЛ.

Смерть улыбнулся наблюдателям. Поднял косу, повертел в руках и наконец, убедившись, что к нему прикованы все взгляды, дал ей упасть наземь.

Затем сложил руки на груди.

Госпожа Флитворт потянула его за рукав.

— Да что ты такое вытворяешь?

— ДРАМУ.

Комбайн врезался в ворота фермы и прошёл сквозь них как сквозь масло, подняв клубы опилок.

— Ты уверен, что всё получится?

Смерть кивнул.

— Ну… тогда ладно.

Колёса Комбайна вращались так быстро, что слились в мутные пятна.

— ВЕРОЯТНО.

А затем…

…что-то в его механизмах лязгнуло.

Комбайн продолжил движение, но по частям. Искры брызнули фонтаном с его осей. Несколько шпинделей и рычагов ещё умудрялось держаться вместе, но при этом они летели прочь кувырком, словно спеша убраться от этого жужжащего недоразумения. Циркулярное лезвие отвалилось, прорубилось сквозь замедляющуюся машину и ускакало в поля.

Что-то лязгнуло, бумкнуло и под конец отдельно *крякнуло*. Получился такой звуковой аналог мультяшной сцены, когда от злодея остаются одни дымящиеся ботинки.

И воцарилась тишина.

Смерть спокойно наклонился и подобрал хит-

роумного вида вал, подкатившийся к его ногам. Деталь согнулась почти пополам.

Госпожа Флитворт огляделась вокруг.

— Что случилось?

— ПОЛАГАЮ, ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ КУЛАЧОК ПОСТЕПЕННО СЪЕХАЛ ВВЕРХ ПО ВАЛУ И ЗАЦЕПИЛСЯ ЗА ФЛАНЦЕВЫЙ ФАЛЬЦ, ЧТО И ПРИВЕЛО К КАТАСТРОФЕ.

Смерть дерзко оглянулся на серых наблюдателей. Один за другим они начали исчезать.

Он подобрал косу.

— А ТЕПЕРЬ МНЕ ПОРА, — сказал он.

Госпожа Флитворт была в шоке.

— Что? Вот так просто?

— ДА. ИМЕННО ТАК. У МЕНЯ ПОЛНО РАБОТЫ.

— И я тебя больше не увижу? В смысле…

— О ДА. СКОРО. — Он попытался подобрать слова, но не сумел. — ОБЕЩАЮ.

Смерть приподнял мантию и сунул руку в карман штанов Билла Двери, которые всё ещё носил под ней.

— КОГДА ГОСПОДИН КЕКС ЗАЙДЁТ ЗА ОБЛОМКАМИ, ОН НАВЕРНЯКА БУДЕТ ИСКАТЬ ЭТО, — сказал он и положил ей в ладонь что-то маленькое и ребристое.

— А это что?

— ЗАГЛУШКА НА ТРИ ВОСЬМЫХ.

Смерть подошёл к коню и вдруг что-то вспомнил.

— И КСТАТИ, ОН ДОЛЖЕН МНЕ ФАРТИНГ.

Чудакулли открыл один глаз. Вокруг кружились люди. Было ярко и весело. Одновременно говорило множество людей.

Сам он как будто сидел в очень неудобной детской коляске, а вокруг жужжали странные насекомые.

Он слышал, как причитает декан, и стоны, которые могли исходить только от казначея, а ещё голос девушки. За кем-то ухаживали, но никто не уделял внимания ему. Ну уж дудки, если тут ухаживают, то за ним, чёрт возьми, тоже будут!

Он громко прокашлялся.

— Вы не могли бы, — обратился он к жестокому миру вокруг, — влить мне в рот бренди?

Над ним появилось видение, держащее над головой лампу. Лицо у видения было пятого размера, а кожа на нём — на тринадцатый. Оно обеспокоенно произнесло: «У-ук?»

— А, это ты, — вздохнул Чудакулли. Он попытался поскорее сесть, чтобы Библиотекарь не вздумал делать ему искусственное дыхание.

В его мозгу хаотично метались воспоминания. Он вспомнил стену лязгающего металла, затем что-то розовое, а потом… музыку. Бесконечную музыку, такую, что превращает живой мозг в творожок.

Он огляделся. Позади было здание, окружённое толпами людей — приземистое, словно прижавшееся к земле, как какое-то животное. Казалось, можно приподнять крыло этого здания — и услышишь, как присоски отделяются: «поп-поп-поп». Из окон лился свет, а из дверей клубами валил пар.

— Чудакулли очнулся!

Появились новые лица. Чудакулли подумал: *«Они что, в масках? Нынче не Ночь Духова Пирога вроде? Ой, блин».*

За его спиной послышался голос декана:

— Голосую за то, чтобы наколдовать Сейсмический Реорганизатор Герпетти и метнуть в дверь.

И всего-то делов.

— Нет! Мы слишком близко к городским стенам. Надо просто сбросить Притягатель Квандума в нужное место…

— А может, Зажигательный Сюрприз Стокопрыга? — Это уже был казначей. — Сжечь дотла, что может быть лучше…

— Да ну? Что ты смыслишь в военной тактике? Ты даже «йоу» нормально произнести не можешь!

Чудакулли схватился за борта тележки.

— Может, кто-нибудь уже скажет мне, — проворчал он, — что за… что за чушь тут происходит?

Людмилла протолкнулась сквозь ряды клуба «Новое начало».

— Пожалуйста, остановите их, арккканцлер! — взмолилась она. — Они собираются уничтожить большую лавку!

В голове Чудакулли всплыла целая туча противных воспоминаний.

— И правильно делают! — заявил он.

— Но господин Сдумс до сих пор там!

Чудакулли, прищурившись, уставился на светящееся здание.

— Как, *покойный* Ветром Сдумс?

— Артур полетел обратно, когда мы заметили, что он отстал, и говорит, что Сдумс там борется с чем-то вылезшим из стен! Он отвлёк эту тварь на себя! Мы встретили много тележек, но они нас не трогали. Благодаря ему мы выбрались!

— Как, покойный Ветром *Сдумс*?

— Нельзя же размагичить здание в клочья, пока там один из ваших волшебников!

— Как, покойный *Ветром* Сдумс?

— Да!

— Но он же умер! — заметил Чудакулли. — Верно? Он сам так сказал.

— Ха! — воскликнул кто-то, кому, по мнению Чудакулли, стоило натянуть побольше кожи. — Вопиющий живизм как он есть. Готов поспорить, будь там кто-нибудь живой, они попытались бы его спасти!

— Но он же хотел… ему не нравилось… он… — Чудакулли запнулся. Всё это было для него непостижимо, но такие мелочи Чудакулли надолго смутить не могли. Чудакулли был прост как палка. Это не значит — глуп. Это значит, что для внятного размышления он отбрасывал всякие сложности и мелочи.

Он сосредоточился на главном. Тот, кто формально до сих пор волшебник, попал в беду. Это

ему понятно. Это трогало за душу. А вопрос жизни и смерти может подождать.

Но ещё одна мелочь его всё ещё напрягала.

— Артур… полетел?

— Привет.

Чудакулли обернулся. Медленно моргнул.

— Славные у вас зубки, — пробормотал он.

— Благодарю, — ответил Артур Подмигинс.

— Все свои, да?

— О да.

— Поразительно. И вы, конечно, их регулярно чистите.

— Ну… да?

— Гигиена — это очень важно.

— Так что же вы собираетесь *сделать*? — перебила Людмилла.

— Ну, просто пойдём и заберём его, — заявил Чудакулли.

Да что не так с этой девушкой? Его так и подмывало погладить её по головке.

— Сейчас достанем немного магии и вытащим его. Вот. Декан!

— Йоу?

— Сейчас отправимся выручать Ветрома Сдумса.

— Йоу!

– *Что-о?* — воскликнул главный философ. — Вы с ума посходили?

Чудакулли постарался принять как можно более важный вид, насколько позволяло положение.

— Не забывай: я твой аркканцлер! — рявкнул он.

— Значит, ты с ума сошёл, мой аркканцлер! — ответил главный философ. И продолжил уже вполголоса: — И вообще, он же нежить. Не понимаю, как спасать жизнь нежити. Это как бы взаимоисключающие понятия.

– *Парадокс*! — подсказал казначей.

— Не думаю, что тут поможет и пара докторов.

— Кстати, а мы разве его не похоронили? — напомнил преподаватель современного руносложения.

— А теперь мы его вытаскиваем, — ответил аркканцлер. — Полагаю, это одно из чудес природы.

— Прямо как огурчики, — облизнулся казначей.

Тут даже члены «Нового начала» не нашлись что сказать.

— Так делают в далёких краях Очудноземья, — пояснил казначей. — Солят такие большущие банки огурцов, закатывают, а потом зарывают их

в землю на долгие месяцы, чтобы лучше настоялись и приобрели пикантный…

— Скажите, пожалуйста, — шепнула Людмилла на ухо Чудакулли, — а волшебники всегда такие?

— Наш главный философ — образцовый пример волшебника, — ответил Чудакулли. — В реальных делах смыслит не лучше картонного чучела. Я прямо горжусь, что он в моей команде. — Он потёр руки. — Итак, ребята, кто доброволец?

— Йоу! Хыщ! — выкрикнул декан, который уже улетел в какой-то свой собственный мир.

— Позор мне и моему делу, ежели я брошу брата в беде, — вызвался Редж Башмак.

— У-ук.

— Ты? Тебя мы не можем взять. — Декан в упор поглядел на Библиотекаря. — Ты ничего не смыслишь в партизанской войне.

— У-ук! — ответил библиотекарь и сопроводил это интуитивно понятным жестом, означавшим: то немногое, чего орангутан не знает о партизанской войне, уместилось бы в виде надписи на лепёшке, которая останется, например, от декана.

— Ладно, четверых хватит, — прекратил дебаты аркканцлер.

— Я что-то не слышал, чтобы он говорил «йоу», — проворчал декан.

Он снял шляпу — чего волшебники обычно не делают, если только не собираются из неё что-нибудь достать, — и отдал казначею. Затем оторвал лоскут от подола мантии, торжественно поднял его двумя руками и повязал на лоб.

— Это важная традиция, — ответил он на невысказанный, но висящий в воздухе вопрос. — Так поступают перед битвой воители Противовесного континента. А ещё надо крикнуть что-то вроде… — он попытался вспомнить то, что давно вычитал, — эм-м… бонсай. Да. Бонсай!

— А я думал, это когда от деревьев отрезают ветки, чтобы смотрелись поменьше, — усомнился главный философ.

Декан задумался. Он и сам не был уверен, если уж честно. Но настоящий волшебник не позволяет неопределённости встать на его пути.

— Нет-нет, точно бонсай, — сказал он. Немного подумав, радостно добавил: — Они кромсали врагов, как ветки деревьев. Да. Всё логично!

— Но нельзя же орать этот «бонсай» в *наших* краях! — заметил преподаватель современного руносложения. — У нас-то другие традиции. Никто не поймёт, что ты хочешь сказать.

— Я продумаю этот момент, — пообещал декан.

Он заметил, что Людмилла стоит с отвисшей челюстью.

— Это мы о волшебничьих делах говорим.

— Ну да, ну да, — протянула Людмилла. — Ни за что бы не догадалась.

Аркканцлер выбрался из тележки и с интересом катал её туда-сюда. На то, чтобы вызреть в голове Чудакулли, свежей идее требовалось время, но он уже инстинктивно чуял, что проволочная корзина на колёсиках в этом пригодится.

— Так что, мы до ночи тут стоять будем и головы себе бинтовать? — вопросил он.

— Йоу! — воскликнул декан.

— Йоу? — неуверенно повторил Редж Башмак.

— У-ук.

— Это такое «йоу»? — с подозрением уточнил декан.

— У-ук.

— Что ж… ну ладно.

Смерть сидел на вершине горы. Не очень высокой, не лысой и не зловещей. Тут не плясали нагишом ведьмы на шабашах — и вообще, на Плоском мире ведьмы никогда не раздевались без острой на то необходимости. Тут не блуждали призраки. И никакие голые карлики не сидели на вершине и не делились мудростью, потому что истинный мудрец лучше прочих понимает: сидя на горе, заработаешь не просто геморрой, а геморрой с обморожением.

Изредка люди поднимались на гору и подкидывали камень-другой в курган на вершине — видимо, просто чтобы доказать, что нет такой глупости, на какую человек не решится.

Смерть сидел на кургане и водил камнем по лезвию косы — медленно, тщательно.

Что-то шевельнулось в воздухе. Возникли трое серых служителей.

Один из них сказал: *Думаешь, ты победил?*

Один из них сказал: *Думаешь, ты одержал верх?*

Смерть повертел камень в руках, ища нетронутую сторону, а затем медленно провёл ею по всей длине лезвия.

Один из них сказал: *Мы доложим Азраилу.*

Один из них сказал: *Ты же всего-навсего Смерть.*

Смерть поднял лезвие под лунные лучи, повертел туда-сюда, любуясь игрой света на крохотных зазубринах на острие.

Потом он встал — резко, сразу. Служители поспешно отпрянули.

Стремительный, как змея, он рванулся, схватил одного из них за мантию и поднял пустой капюшон на уровень своих глазниц.

— ЗНАЕШЬ, ПОЧЕМУ УЗНИК В БАШНЕ ЛЮБИТ СМОТРЕТЬ НА ПТИЦ? — спросил он.

Тот сказал: *Убери от меня свои лапы… ой…*

На миг вспыхнуло голубое пламя.

Смерть опустил руку и поглядел на оставшихся двоих.

Один из них сказал: *Это дело ещё не окончено, не сомневайся.*

Они исчезли.

Смерть смахнул остатки праха с мантии и

встал на вершине горы во весь рост. Поднял косу над головой обеими руками и призвал те малые Смерти, что зародились в его отсутствие.

Вскоре они хлынули на вершину горы призрачной чёрной волной.

Они текли мерно, словно чёрная ртуть.

Это длилось и длилось, а потом кончилось.

Смерть опустил косу и осмотрел себя. Да, все здесь. Наконец-то он был Смертью, единственным, содержащим все смерти мира. Кроме…

Он поколебался. Где-то оставалась крохотная пустота, какой-то частицы его души не хватало. Что-то он забыл…

Но не мог точно сказать, что именно.

Он пожал плечами. Со временем выяснит. А пока у него много работы…

Он ускакал прочь.

Вдалеке, в норе под амбаром, Смерть Крыс разжал лапку, которой отчаянно цеплялся за балку.

Ветром Сдумс прыгнул обеими ногами на щупальце, выползавшее из-под плитки, и, пригнувшись, опрометью бросился сквозь пар. Рядом грохнулся кусок мрамора, осыпав его осколками. Затем он с размаху врезался в стену.

Он понял, что выхода, похоже, нет, а если и есть — ему не найти. Как-никак, он уже *внутри* этой твари. Она сотрясала и рушила собственные стены, пытаясь добраться до него. Что ж, по крайней мере, он устроил ей острое несварение желудка.

Он направился к отверстию, которое некогда было входом в широкий коридор, и неуклюже пролез в него, прежде чем оно сжалось окончательно. По стенам искрился серебристый огонь. Жизни тут скопилось столько, что уже не сдержать.

Несколько тележек бешено металось по трясущемуся полу — они были растеряны не меньше Ветрома.

Он бросился в очередной подходящий на вид коридор — правда, за последние сто тридцать лет он ещё не бывал в коридорах, которые бы так пульсировали и сочились.

Ещё одно щупальце вылезло из стены и поставило ему подножку.

Конечно, убить его невозможно. Но можно сде-

лать бестелесным. Как Одного-Человека-Ведро. Пожалуй, эта участь хуже смерти.

Он заставил себя встать. Но тут на него рухнул потолок, снова прижав к полу.

Он шёпотом досчитал до десяти и поковылял вперёд. Его окутал пар.

Он снова поскользнулся и вытянул руки.

Он понял, что теряет контроль над телом. Надо было управлять слишком многим. Чёрт бы с ней, с селезёнкой, одни только сердце с лёгкими отнимали все силы…

– *Вонзай!*

— О чём это ты?

— Это как бонсай, но по-нашему! Понял? Йоу!

— У-ук!

Ветром Сдумс поднял мутные глаза.

Ага. Похоже, он и над мозгом контроль теряет.

Сбоку из клубов пара вынырнула тележка, за которую цеплялись расплывчатые фигуры. Мохнатая рука и рука, на которой почти не осталось мяса, протянулись вниз, схватили его тело и взвалили в корзину. Четыре колёсика заскребли по полу, тележка ударилась о стену, выпрямилась и покатила прочь.

Ветром с трудом различал голоса.

— Жги, декан. Знаю, тебе не терпится. — Это

был аркканцлер.

— Йоу!

— Ты её наверняка убьёшь? Мне бы не хотелось, чтобы она потом оказалась в клубе «Новое начало». У нас таким не место. — А это Редж Башмак.

— У-ук! — Ну конечно, библиотекарь.

— Ты не волнуйся, Ветром. Декан, кажется, собрался сделать нечто воинственное, — сказал Чудакулли.

— Йоу! Хыщ!

— Ох ты, божечки.

Ветром увидел, как мимо проплыла рука декана, сжимая что-то блестящее.

— Что ты там задумал? — спросил Чудакулли, пока тележка катила сквозь пар. — Сейсмический Реорганизатор, Притягатель или Зажигательный Сюрприз?

— Йоу! — с довольным видом воскликнул декан.

— Что, все три разом?

— Йоу!

— Это уже перебор, разве нет? И кстати, декан, скажешь «йоу» ещё раз, и я тебя лично вышвырну из Университета, вызову самых страшных демонов, чтобы они тебя гнали до Краепада, порвали на мелкие клочья, провернули в фарш, смешали с соусом тартар и скормили собакам!

— Йо… — Декан поймал взгляд Чудакулли. — Йо… йёлки-палки, аркканцлер! Ну какой кайф владеть космическими силами и познавать тайны судьбы, если нельзя что-нибудь взорвать? Ну пожалуйста? У меня уже всё готово. Все же знают, что будут проблемы, если не применить заклинание, когда оно готово…

Тележка натужно въехала на дрожащий склон и зависла на двух колёсиках.

— Ой, ну ладно, — вздохнул Чудакулли. — Если

для тебя это так важно.

— Й… ой, извините.

Декан забормотал что-то себе под нос, а потом вдруг вскрикнул:

— Я ослеп!

— Это твоя бонсай-повязка на глаза сползла.

Ветром застонал.

— Как чувствуешь себя, брат Сдумс? — В поле зрения Ветрома появились останки лица Реджа Башмака.

— Ой, знаешь, — прокряхтел Сдумс, — бывало лучше, бывало и хуже.

Тележка отскочила от стены и рванулась в другую сторону.

— Ну как там твои заклинания, декан? — процедил Чудакулли сквозь зубы. — Мне уже очень трудно управлять этой штукой!

Декан пробормотал ещё несколько слов, а затем пафосно взмахнул руками. С его пальцев сорвалось октариновое пламя и осело где-то в тумане.

— Йух-ху! — возопил он.

— Декан?

— Да, аркканцлер?

— Помнишь, что я сказал насчёт слова на букву «й»?

— Что? Что?

— «Йух-ху» в этот список тоже входит.

Декан поник.

— Ага. Ясно, аркканцлер.

— И почему до сих пор не бабахнуло?

— Я поставил задержку, аркканцлер. Решил, что нам лучше бы выбраться, прежде чем всё сработает.

— Ого, а ты голова!

— Скоро мы тебя вытащим, Ветром! — пообещал Редж Башмак. — Мы своих не бросаем. Таков наш…

И тут пол перед ними разверзся.

А затем позади них.

То, что вылезло из развороченных плиток, было бесформенным — или, вернее, имело много форм. Оно злобно извивалось, огрызаясь на них своими трубками.

Тележка застыла на месте.

— Есть ещё магия, декан?

— Эм-м… нет, аркканцлер.

— А заклинания, которые ты выпустил, сработают…

— С минуты на минуту, аркканцлер.

— Так, значит… когда всё это случится… то и с нами тоже?

– *Именно так*, аркканцлер.

Чудакулли потрепал Ветрома по голове.

— Прости, дружище, — вздохнул он.

Ветром неуклюже развернулся и посмотрел в коридор.

Там, позади Матки, было что-то ещё. Выглядело как обычная дверь в спальню, но приближалось маленькими шажками, будто кто-то нёс её перед собой.

— Это ещё что? — спросил Редж.

Ветром приподнялся, насколько мог.

— Шлёппель!

– *Иди* ты! — изумился Редж.

— Это же Шлёппель! — закричал Ветром. — Шлёппель! Мы здесь! Можешь нас вытащить?

Дверь замерла. Затем отлетела в сторону.

И Шлёппель предстал перед ними во всей красе.

— Драсьти, господин Сдумс. Приветик, Редж.

Волосатый силуэт заполнял почти весь коридор.

— Эм-м, Шлёппель… ну… ты не мог бы расчистить нам путь? — проблеял Ветром.

— Надо так *надо*, господин Сдумс. Чего не сделаешь для друзей.

Сквозь туман протянулась лапа размером с тачку и разодрала заслон в клочья с необыкно-

венной лёгкостью.

— Ого, только поглядите! — сказал Шлёппель. — Ты был прав, Редж. Страшиле дверь нужна как рыбке зонтик! Говорю открыто и смело, прямо в лицо: я…

— А теперь не мог бы ты освободить дорогу, пожалуйста?

— Конечно. Конечно. Вот тебе! — Шлёппель ещё раз рубанул по Матке.

Тележка бросилась вперёд.

— И ты тоже с нами, не отставай! — крикнул Ветром, когда Шлёппель скрылся в тумане.

— Лучше не надо, — возразил аркканцлер, ускоряясь. — Только не с нами. *Что* он вообще такое?

— Страшила, — пояснил Ветром.

— А они разве не прячутся в шкафах и под кроватями? — крикнул Чудакулли.

— Он больше не прячется! — гордо заявил Редж Башмак. — Он нашёл себя.

— Славно, лишь бы он не нашёл нас.

— Но нельзя же просто его бросить…

— Можно! Ещё как можно! — отрезал Чудакулли.

Позади них раздался звук, будто взорвался болотный газ. Мимо пронёсся сполох зелёного света.

— Заклинания срабатывают! — крикнул декан.

— Ходу!

Тележка вылетела из входа и нырнула в прохладу ночи, вереща колёсиками. Толпа вокруг расступалась.

— Йоу! — воскликнул Чудакулли.

— Так что, *мне* тоже можно сказать «йоу»? — попросил декан.

— Ну ладно. Один разочек. Всем разрешаю по одному «йоу».

— Йоу!

— Йоу! — откликнулся Редж Башмак.

— У-ук!

— Йоу! — крикнул Ветром Сдумс.

— Йоу! — крикнул Шлёппель.

(А где-то в темноте, где меньше было толпы, тощий силуэт брата Иксолита, последнего в мире банши, скользнул к содрогающемуся зданию и дерзко подсунул под дверь записку.

Со словами «УУУУУиииУУУУУииииУУУИии».)

Наконец тележка остановилась. Никто не смел обернуться. Редж медленно произнёс:

— Ты у нас за спинами, да?

— Всё верно, господин Башмак, — бодро ответил Шлёппель.

— А как страшнее: когда он будет спереди? —

уточнил Чудакулли. — Или когда прячется сзади — это ещё хуже?

— Ха! Довольно прятаться! С *этого* страшилы хватит шкафов и погребов! — заявил Шлёппель.

— Какая жалость, а у нас в Университете *большущие* погреба, — быстро вставил Ветром Сдумс.

Шлёппель умолк на минуту. Затем осторожно поинтересовался:

— А очень большие?

— Огромные.

— Правда? А крысы есть?

— Крысы ещё что! Там есть беглые бесы разного рода. Погреба просто кишат всяким.

— Ты что несёшь? — зашипел Чудакулли. — Ты ж ему *наши* погреба рекламируешь!

— А ты бы предпочёл его под кроватью? — проворковал Ветром. — Или чтобы он за спиной прятался?

Чудакулли понимающе кивнул.

— Ой да, эти крысы, они вконец там распоясались! — громко произнёс он. — Там некоторые полметра с лишним длиной, правда, декан?

— Целый метр, — подхватил декан. — Как минимум.

— И жирные, что твоя свинья, — закончил Ветром.

Шлёппель задумался.

— Ну ладно, — неуверенно протянул он. — Может, как-нибудь загляну туда…

И тут огромная лавка взорвалась — наружу и одновременно вовнутрь. Обычно такого невозможно достичь без огромного бюджета на спецэффекты — или без трёх одновременно сработавших заклинаний. Казалось, будто огромное облако расширяется — и в то же время удаляется так быстро, что будто сжимается в точку. Стены вогнулись, и их всосало. Земля разверзлась на истерзанных полях и спиралью понеслась в воронку. Яростно громыхнула не-музыка и почти сразу стихла.

И не осталось ничего, кроме грязного поля.

И ещё тысяч белых листков, осыпающихся с предрассветного неба. Они тихонько кружили в воздухе и мягко опускались на толпу.

— Это же не семена,? — уточнил Редж Башмак.

Ветром подобрал один листок. Он был кривым прямоугольником, неровным и пятнистым. Если напрячь воображение, на нём можно было разобрать слова:

ЛИКВИДЯИЦА!

ПОЛНАЯ РАСДАПРОЖА!

— Нет, — сказал Ветром. — Похоже, что нет.

Он лёг и улыбнулся. Никогда не поздно начать жить как надо.

А пока никто не смотрел, последняя уцелевшая тележка на Плоском мире печально укатила в бездну ночи, одинокая и потерянная[18].

— Пуг-а-гре-фу!

Госпожа Флитворт сидела на кухне. Снаружи раздавалось унылое звяканье — это Нед Кекс с помощником разбирали перекуроченные останки Уборочного Комбайна. Ещё несколько мужиков делали вид, что помогают им, а на самом деле

[18] Примечания: 18

В тех мирах, где форма жизни «торговый центр» укоренилась, считается, что люди увозят тележки с собой и оставляют в неожиданных удалённых местах, так что приходится нанимать толпы юношей, чтобы те их искали и привозили обратно. На самом деле всё наоборот. На самом деле эти парни — охотники, которые выслеживают колёсные жертвы в дебрях, ловят их, укрощают, сломив их дух, и сгоняют в стада, как покорный скот. Ну, или как-то так.

пользовались поводом поглазеть. Она налила им всем чаю и оставила в покое.

Теперь она сидела, подперев подбородок и глядя в пустоту.

В открытую дверь постучали. Крантик просунул в комнату свою красную физиономию.

— Извините, госпожа Флитворт…

— Что?

— Извините, госпожа Флитворт… там у амбара бродит скелет коня. И сено жуёт!

— Как?

— Оно насквозь проваливается!

— Да ну? Что ж, тогда себе оставим. Такого кормить дёшево.

Крантик ещё поторчал в дверях, неловко переминая в руках шляпу.

— Вы в порядке, госпожа Флитворт?

— Вы в порядке, господин Сдумс?

Ветром смотрел в пустоту.

— Ветро-ом? — окликнул его Редж Башмак.

— А?

— Аркканцлер спрашивает, выпить хочешь?

— Он хочет воды, — заявила госпожа Торт.

— Что, простой воды? — удивился Чудакулли.

— Ну, этого он попросит.

— Мне бы стаканчик воды, пожалуйста, — попросил Ветром.

Госпожа Торт самодовольно улыбнулась. По крайней мере, та её часть, что была видна, выглядела самодовольной — то есть от шляпы до сумочки, служившей как бы противовесом шляпе и такой большой, что, когда мадам клала её на колени, та заслоняла хозяйку почти с головой. Познав, что её дочь пригласили в Университет, она тоже туда заявилась. Госпожа Торт так считала: куда пригласили Людмиллу, там и ей будут рады. Такие мамаши есть в любом мире, и ничего с ними не поделаешь.

Волшебники весело общались с членами «Нового начала», а те изображали, будто им интересно. Это была одна из тех встреч, где люди неловко молчат, многозначительно покашливают и иногда невпопад говорят что-то вроде «Ну вот и славно».

— Ветром, ты как будто был не с нами, — заметил Чудакулли.

— Я просто устал, аркканцлер.

— А я думал, зомби никогда не спят.

— И всё-таки я устал.

— А точно не хочешь попробовать ещё одни похороны? Можем в этот раз всё честь по чести сделать.

— Спасибо, конечно, но нет. Похоже, я просто не приспособлен к посмертной жизни. — Ветром поглядел на Реджа Башмака и виновато улыбнулся. — Ты уж извини. Не знаю, как с этим справиться.

— Ты вправе сам выбирать, быть тебе живым или мёртвым, — проворчал Редж.

— Один-Человек-Ведро говорит, люди снова нормально умирают, — сообщила госпожа Торт. — Так что вас, наверное, скоро ждёт гость.

Ветром огляделся.

— Она пошла выгуливать вашу псину, — ответила госпожа Торт.

— А где Людмилла? — спросил он.

Ветром неловко улыбнулся. Трудно привыкнуть к ясновидению госпожа Торт.

— Я рад, что за Люпином будет кому присмотреть, когда я… уйду, — сказал он. — А вы сможете

забрать его к себе?

— Ну… — неуверенно произнесла госпожа Торт.

— Но он же… — начал было Редж Башмак, но запнулся, увидев лицо Ветрома.

— Надо сказать, держать сторожевого пса в доме — дело правильное, — сказала госпожа Торт. — Я вечно волнуюсь за Людмиллу. Кругом, знаете ли, странный народ бродит.

— Но ваша до… — начал было Редж снова.

— Цыц, Редж, — осадила его Дорин.

— Что ж, договорились, — кивнул Ветром. — А штаны у вас есть?

— Что?

— Ну, в доме есть штаны?

— Думается, да, завалялись какие-то от покойного господина Торта. А почему…

— Извините, — вздохнул Ветром. — Кажется, я брежу. Несу какую-то ерунду невпопад.

— Ага, — просиял Редж. — *Понял*. Хочешь сказать, когда он…

Дорин яростно пихнула его под рёбра.

— Ой, — поник Редж. — Извините. Не обращайте на меня внимания. Я бы голову дома забыл, кабы она не была пришита.

Ветром откинулся в кресле и закрыл глаза.

До него доносились обрывки разговоров. Он услышал, как Артур Подмигинс спрашивает арк-канцлера, кто занимался его интерьерами и где Университет покупает овощи. И как казначей жалуется, во сколько ему обходится истреблять ожившие ругательства, которые почему-то никуда не исчезли и поселились под крышей. А если очень напрячь идеальный слух, он даже слышал, как Шлёппель радостно ухает в глубине подвалов.

Он им больше не нужен. Наконец-то. Мир может обойтись без Ветрома Сдумса.

Он тихонько встал и заковылял к двери.

— Пойду пройдусь, — сказал он. — Может быть, не скоро вернусь.

Чудакулли рассеянно кивнул ему и переключился на Артура, который рассказывал, как преобразится Главный Зал, если поклеить обои с текстурой под сосну.

Ветром закрыл за собой дверь и прислонился к толстой холодной стене.

О да. Вот так другое дело.

— Ты здесь, Один-Человек-Ведро? — тихонько спросил он.

«откуда ты знаешь?»

— А ты обычно всегда рядом.

«хе-хе-хе, а ты неслабую заварушку затеял! знаешь, что будет в следующее полнолуние?»

— Знаю. И мне почему-то кажется, они тоже знают.

«но он-то превратится в получеловека-полуволка».

— Да. И она — в полуволчицу.

«ладно, но что это за отношения будут — неделя через три?»

— Большинству людей и такого шанса на счастье не выпадает. Жизнь несовершенна, Один-Человек-Ведро.

«ой, и не говори».

— Слушай, а можно личный вопрос? — спохватился Ветром. — В смысле, я *правда* хочу это знать.

«ну».

— Как-никак, ты теперь один в астрале.

«ладно, ладно».

— Почему тебя назвали Один…

«и всё? думал, ты уже догадался, раз такой умный. в моём племени детей называют по первому, что мать увидит, выглянув из вигвама после родов. полное имя у меня — Один-Человек-Выливает-Ведро-Воды-На-Двух-Собак».

— Не повезло, — вздохнул Ветром.

«могло быть хуже, взять хоть моего брата-близнеца. ему мама имя дала, выглянув на десять секунд раньше».

— Не говори, я угадаю. — Ветром Сдумс задумался. — Две-Собаки-Дерутся?

«Две-Собаки-Дерутся? ха! да он бы правую руку отдал, чтобы его звали Две-Собаки-Дерутся!»

Настоящая история Ветрома Сдумса закончилась позже. Если под «историей» понимать то, что он сделал и причиной чему послужил. В деревеньке в Овцепиках, где пляшут настоящий танец моррис, например, считают, что никто не умирает окончательно, пока не осядут расходящиеся от него по миру круги, как на воде. Пока не остановятся часы, которые покойный завёл, пока не прокиснет сделанное им вино, пока не пожнут его посевы. Говорят, срок жизни — лишь часть подлинного существования.

Бредя сквозь туманный город на встречу, которая была назначена ещё при его рождении, Ветром ощущал, что предвидит этот конец.

Это случится через пару недель, когда луна снова станет полной. Тогда наступит кода, или послесловие, к жизни Ветрома Сдумса — того, кто родился в год Важного Треугольника в Век Трёх Пиявок (он всегда предпочитал древний календарь со старинными названиями, а не эти новомодные цифры) и умер в год Условного Змия в Век Летучей Мыши, или как-то так.

Две фигурки побегут в высокой траве через луг под луной. Не совсем волки, не совсем люди.

Если повезёт, они обретут лучшее от мира тех и других. И будут не просто чувствовать, но ведать.

Всегда надо брать лучшее от обоих миров.

Смерть сидел в кресле в своём тёмном кабине-

те, сложив руки перед лицом. Периодически он ёрзал в кресле туда-сюда.

Альберт принёс ему чашечку чаю и вышел, дипломатично не издав ни звука.

На столе Смерти остались одни часы. Он разглядывал их.

Круть-круть. Круть-круть.

Снаружи, в коридоре, тикали большие часы, убивая время.

Смерть побарабанил костлявыми пальцами по истерзанной столешнице. Перед ним лежали жизни величайших любовников Плоского мира, ощетинившиеся самодельными закладками на страницах[19]. Их довольно-таки однообразные истории совершенно ни о чём ему не говорили.

Он встал, подошёл к окну и оглядел свои мрачные владения, сжимая и разжимая руки за спиной. Затем взял со стола часы и вышел из комнаты.

Бинки ждал его в тёплой затхлой конюшне. Смерть быстро оседлал его, вывел на двор и ускакал в ночь — туда, к далёкой мерцающей звёздочке под названием Плоский мир.

---

[19] Примечания: 19

Одним из них был низенький, но упорный и невероятно успешный гном Казанунда, чьё имя с уважением и восторгом вспоминают на съездах продавцов лестниц-стремянок.

Он бесшумно приземлился во дворе фермы на закате.

Пролетел сквозь стену.

Подошёл к подножию лестницы.

Поднял песочные часы и поглядел, как утекает время.

Затем замешкался. Ему нужно было кое-что уяснить. Билл Дверь был весьма любопытным малым, а он помнил всё о том, как был Биллом Дверью. Он мог разглядывать эмоции как коллекцию бабочек, приколотых под стеклом.

Билл Дверь умер — или, по крайней мере, прекратил своё краткое бытие. Но чем оно было? Что, если физическая жизнь — лишь часть подлинного существования? Билл Дверь исчез, но от него осталось эхо. Память о Билле Двери что-то значила.

Смерть раньше не мог понять, зачем люди кладут цветы на могилы. Это казалось ему бессмысленным. Мёртвые же не могут почувствовать аромат роз. Но теперь… не то чтобы он понял, но было в этом нечто, что он способен понять.

В тёмной гостиной госпожи Флитворт, укрытой плотными шторами, сквозь черноту двигалось нечто ещё чернее, направляясь к трём сундукам на комоде.

Смерть открыл тот, что поменьше. Он был полон золотых монет. Они выглядели так, будто их никогда не трогали. Он открыл второй. Тот тоже был набит золотом.

От госпожи Флитворт он ожидал чего-то большего — а впрочем, даже Билл Дверь не понял бы, чего именно.

Он открыл большой сундук.

Сверху лежал слой упаковочного пергамента. Под ним — что-то белое и шёлковое, какая-то фата, пожелтевшая и обветшавшая от времени. Он непонимающе оглядел её и отложил прочь. Ниже оказались белые туфли. Очень непрактичные для фермы, как ему показалось. Неудивительно, что их убрали.

Опять пергамент — и пачка связанных писем. Он положил их на фату. Из того, что люди говорят друг другу, никогда ничего полезного не почерпнёшь. В языке они лишь прячут свои мысли.

И наконец, на самом дне лежала шкатулка. Он её достал и повертел в руках. Затем отпер защёлку и поднял крышку.

Зажужжали шестерёнки.

Мелодия была не то чтобы хороша. Смерть уже слышал всю когда-либо написанную музыку, и большая часть была лучше этой мелодии. Зву-

чала она как-то вроде «плимс-плямс», жестяной звон в ритме «раз-два-три». Внутри шарманки над деловито вращающимися шестернями вертелись два деревянных танцора, пародируя вальс.

Смерть понаблюдал за ними, пока завод не кончился. Затем прочитал надпись.

Это был подарок.

Часы рядом с ним сыпали последние песчинки в нижнюю колбу. Он не обращал внимания.

Когда завод кончился, он снова повернул ключ и завёл шарманку. Две фигурки вращаются времени назло. А когда музыка замолкает, можно просто снова завести.

Когда завод опять кончился, он посидел в темноте и тишине, обдумывая решение.

Оставались считанные мгновения. Для Билла Двери мгновения многое значили, ведь у него запас был ограничен. Для Смерти они не значили ничего — у него их вовсе не было.

Он покинул дремлющий дом, сел на коня и ускакал.

За мгновение он одолел расстояние, которое свет летел бы триста миллионов лет. Смерть путешествует в пространстве, где Время не властно. Свет считает себя быстрее всех — но он не прав. Как бы свет ни спешил, тьма всюду успевает

первой, чтобы дожидаться его.

У Смерти были попутчики — галактики, звёзды, ленты сияющей материи, струящиеся и скручивающиеся спиралью по направлению к далёкой цели. Смерть на бледном коне мчался сквозь мрак, словно пузырёк по реке.

А всякая река куда-то да течёт.

И вот внизу раскинулась равнина. Расстояние тут значило не больше, чем время, но ощущались исполинские масштабы. Равнина могла быть за версту или за миллион вёрст от него; её обрамляли долгие лощины и хребты, пролетавшие по бокам по мере того, как он приближался.

Наконец он приземлился.

Слез с коня и постоял в тишине. Затем опустился на колено.

Сменим точку зрения. Борозды поверхности тянутся в бесконечную даль, загибаясь по краям, и оказываются кончиком пальца.

Азраил поднёс палец к заполнявшему всё небо лицу, освещённому бледным мерцанием далёких галактик.

Есть миллиарды Смертей, но все они воплощения одной Смерти: Азраила, Великого Гравитатора, Смерти Вселенных, начала и конца времени.

Большая часть вселенной состоит из тёмной

материи, и лишь Азраил знает, кто в ней.

Глаза столь исполинские, что сверхновая звезда показалась бы лишь бликом на их радужке, медленно вгляделись в крохотную фигурку на бескрайних волнистых равнинах кончика его пальца. Рядом с Азраилом в сердцевине целой паутины измерений висели огромные Часы и тикали. В глазах его мерцали звёзды.

Смерть Плоского мира встал.

— ВЛАДЫКО, Я ПРОШУ…

Три служителя забвения материализовались рядом с ним.

Один из них сказал: *Не слушай его. Он обвиняется в нарушении.*

Один из них сказал: *И смертоубийстве.*

Один из них сказал: *И гордыне. И злонамеренном выживании с особым цинизмом.*

Один из них сказал: *И сговоре с хаосом против доброго порядка.*

Азраил приподнял бровь.

Служители кружили вокруг Смерти в предвкушении.

— ВЛАДЫКО, МЫ ЗНАЕМ, ЧТО НЕТ ИНОГО ПОРЯДКА, КРОМЕ ТОГО, ЧТО МЫ СОЗДАЁМ…

Лицо Азраила не переменилось.

— НЕТ НАДЕЖДЫ, ПОМИМО НАС. НЕТ

МИЛОСЕРДИЯ,
ПОМИМО НАС. НЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ. ЕСТЬ ТОЛЬКО МЫ.

Тёмное печальное лицо заполняло собой небеса.

— ВСЁ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ, НАШЕ. НО НАШ ДОЛГ — БЕРЕЧЬ ЭТО. ИБО ЕСЛИ НАМ ВСЁ РАВНО, НАС НЕ СУЩЕСТВУЕТ. А ЕСЛИ НАС НЕ СУЩЕСТВУЕТ, НЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ СЛЕПОЙ ПУСТОТЫ.

И ДАЖЕ ПУСТОТА ДОЛЖНА ОДНАЖДЫ ЗАКОНЧИТЬСЯ. ВЛАДЫКО, ПОЖАЛУЕШЬ ЛИ ТЫ МНЕ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ? РАДИ ВСЕОБЩЕГО РАВНОВЕСИЯ. ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ТО, ЧТО БЫЛО ДАНО. РАДИ ВСЕХ УЗНИКОВ И ПАРЯЩИХ ПТИЦ.

Смерть шагнул назад.

Разгадать, что выражает лицо Азраила, было невозможно.

Смерть покосился на служителей.

— ВЛАДЫКО, НА ЧТО ОСТАЁТСЯ УПОВАТЬ УРОЖАЮ, КАК НЕ НА ЛЮБОВЬ ЖНЕЦА?

Он подождал ответа.

— ВЛАДЫКО? — переспросил Смерть.

За то время, что он ждал ответа, образовалось несколько галактик, они покружили возле Азраила, как бумажные вертушки, схлопнулись и исчезли.

Затем Азраил ответил:

И другим пальцем сквозь мглу потянулся к Часам.

Служители издали сдавленные крики негодования, затем крики жуткого осознания, а затем мгновенно сгинули в голубом пламени.

Все прочие часы, даже лишённые стрелок часы Смерти, были лишь отражением этих Часов. Они сообщали миру, сколько сейчас времени, но

лишь эти Часы сообщали это *самому Времени*. Всё время проистекало из этого источника.

А устроены эти Часы были так: большая стрелка делала лишь один оборот.

Вторая мчалась по кругу, который даже свет описал бы лишь за несколько дней, и за ней неслись минуты, часы, дни, месяцы, годы, века и эпохи. Но стрелка Вселенной делала только один оборот.

По крайней мере, пока кто-то её не подкрутит.

И тогда Смерть вернулся домой с пригоршней времени.

Звякнул колокольчик на двери лавки.

Флорист Друто Шест высунулся из-за букетов флорибунды Мадам Пихот. Среди ваз с цветами кто-то стоял.

Выглядел этот кто-то неопределённо. Честно говоря, потом Друто так и не смог вспомнить,

кто именно побывал в его лавке и как именно звучали его слова.

Он скользнул навстречу, потирая руки.

— Чем я могу…

— ЦВЕТЫ.

Друто запнулся на миг.

— Ну, эм, а кому вы…

— ДЛЯ ДАМЫ.

— И есть у вас какие-то пред…

— ЛИЛИИ.

— Да? А вы уверены, что лилии…

— МНЕ НРАВЯТСЯ ЛИЛИИ.

— Ну… просто считается, что лилии слегка мрачно…

— МНЕ НРАВИТСЯ МРАЧ…

Фигура запнулась.

— А ВЫ ЧТО ПОСОВЕТУЕТЕ?

Друто наконец-то оказался в своей стихии.

— Всем дамам нравятся розы, — сказал он. — А ещё орхидеи. Многое сударь мне рассказывали, что в наши дни дамы предпочтут одну орхидею целому букету роз…

— ДАЙТЕ МНОГО.

— Орхидей или роз?

— ТЕХ И ДРУГИХ.

Пальцы Друтто извилисто сплелись, как жир-

ные угри.

— И я ещё думаю, возможно, вас заинтересуют эти чудесные веточки Нервозы Глориозы…

— И ПОБОЛЬШЕ ИХ.

— А если бюджеты сударя позволяют, могу ли я предложить один экземпляр чрезвычайно редкой…

— ДА.

— Может быть, ещё…

— ДА. ВСЕГО. И С ЛЕНТОЧКОЙ.

Когда колокольчик прозвенел, провожая клиента, Друтто поглядел на монеты в руке. Многие были ржавыми, все — странными, и одна или две — золотыми.

— Хм, — сказал он. — Что ж, удачная сделка…

Его прервал лёгкий шорох.

По всей лавке вокруг него осыпались лепестки.

— А ЭТИ?

— Это наш элитный ассортимент, — сказала дама в магазине шоколада. Заведение было такое дорогое, что продавало не конфеты, а «кондитерские шедевры». Зачастую в виде отдельных завитушек в золотой обёртке, от которых дыры в бюджете оставались даже больше, чем в зубах.

Высокий мрачный клиент взял коробку шириной в полметра. На крышке, мягкой, как атласная подушка, красовались два безнадёжно косоглазых котёнка, сидящих в башмаке.

— ПОЧЕМУ ОБИВКА НА КОРОБКЕ? НА НЕЙ НАДО СИДЕТЬ? И ОНО ЧТО, СО ВКУСОМ КОШАТИНЫ? — добавил он зловещим тоном — вернее, ещё более зловещим, чем ранее.

— Эм-м, нет. Это наш *престижный* ассортимент.

Клиент отбросил коробочку.

— НЕ ТО.

Хозяйка огляделась, не смотрит ли кто, и открыла ящик под прилавком, понизив голос до заговорщицкого шёпота.

— Конечно, — сказала она, — для таких *особых* случаев…

Коробочка была маленькой. А ещё кромешно чёрной, не считая надписи белыми буковками. Котят, даже с розовыми ленточками, к такой

коробочке не подпускали за версту. Такие коробочки с шоколадом доставляют незнакомцы в чёрном, спускаясь по канатам с крыш.

Незнакомец в чёрном вгляделся в буквы.

— «ТЁМНЫЕ ЧАРЫ», — прочитал он. — МНЕ *НРАВИТСЯ*.

— Для самых интимных моментов, — сказала дама.

Клиент задумался над значением этого слова.

— ДА. ПОХОЖЕ, ЭТО ПОДОЙДЁТ.

Хозяйка просияла.

— Так что, вам завернуть?

— ДА. С ЛЕНТОЧКОЙ.

— Ещё что-нибудь, сударь?

— ЕЩЁ? А ДОЛЖНО БЫТЬ ЧТО-ТО ЕЩЁ? ЕСТЬ ЧТО-ТО ЕЩЁ? ЧТО ЕЩЁ НУЖНО СДЕЛАТЬ?

— Простите, сударь?

— ПОДАРОК ДЛЯ ДАМЫ.

Хозяйка растерялась из-за внезапной смены темы. И уцепилась за надёжные клише.

— Ну, вы знаете, как говорят: бриллианты — лучше друзья девушки, — бодро сказала она.

— БРИЛЛИАНТЫ? А, БРИЛЛИАНТЫ. ЭТО ПРАВДА?

Они блестели, как звёзды на небе из чёрного бархата.

— Этот камень, — сказал продавец, — особо замечателен, не правда ли? Обратите внимание на этот огонь и изумительный…

— А ОН МОЖЕТ БЫТЬ ДРУГОМ?

Продавец запнулся. Он знал всё о каратах, об алмазном блеске, о «чистой воде», «мерцании» и «огне», но его никогда ещё не просили оценить драгоценные камни с точки зрения дружелюбия.

— Вы про его расположение? — рискнул он.

— НЕТ.

Пальцы продавца ухватились за другой осколок замороженного света.

— А *этот*, — сказал он, и уверенность вернулась в его голос, — из знаменитой шахты Коротконогих. Позволю себе обратить ваше внимание на изысканную…

Он ощутил, как пронзительный взгляд буравит

его затылок.

— Но, должен признать, он не славится дружелюбием, — проблеял он.

Мрачный посетитель недовольно оглядел лавку. В полумраке за тролленепробиваемыми стёклами алмазы сияли, как глаза драконов во тьме пещеры.

— А ИЗ ЭТИХ КАКИЕ МОГУТ БЫТЬ ДРУЗЬЯМИ? — спросил он.

— Сударь, думаю, что могу с уверенностью сказать: наша политика ассортимента никогда не была основана на симпатиях самих камней, — заявил продавец. Его снедало неприятное чувство, что всё как-то не так, и где-то в глубине души он понимал, *как именно* не так, но почему-то разум не позволял ему провести окончательную связь. И это действовало ему на нервы.

— А КАКОЙ КРУПНЕЙШИЙ В МИРЕ АЛМАЗ?

— Крупнейший? Ну, это просто. Он зовётся Слеза Оффлера и хранится в святая святых Затерянного Самоцветного Храма Погибели, посвящённого Богу-Крокодилу Оффлеру в тёмных дебрях Очудноземья. Весит он восемьсот пятьдесят карат. И, предвосхищая ваш следующий вопрос, сударь, лично я бы с ним даже переспал.

Что приятно в работе жреца Затерянного Самоцветного Храма Погибели — можно вставать попозже. Храм же затерянный. Даже ярые почитатели Бога-Крокодила Оффлера обычно не находили его. К счастью для себя.

По традиции только двое могли входить в святая святых: Верховный Жрец и другой, не столь верховный. Так продолжалось много лет, и они верховенствовали по очереди. Работёнка была непыльная, ведь большинство потенциальных прихожан оставалось пробито кольями, раздавлено, отравлено или разрезано на части ловушками, прежде чем добиралось хотя бы до забавного ящика для пожертвований с прозрачной шкалой наполнения[20] возле ризницы.

Они играли в «Обдери господина Луковицу» на высоком алтаре в тени изукрашенной драгоцен-

---

[20] Примечания: 20

«Пожертвуйте на ремонт кровли Затерянного Самоцветного Храма! Нужно всего 6000 золотых! Будьте щедры!! Благодарим вас!!!»

ными камнями статуи Самого Оффлера и вдруг услышали, как скрипнула главная дверь.

Верховный Жрец даже не обернулся.

— Хей-хо, — сказал он. — Ещё один ляжет под большой каменный шар.

Раздался грохот, а затем рокот и скрежет. И в конце — удар.

— Ладно, — сказал Верховный Жрец. — Какая у нас ставка?

— Два камушка, — сказал неверховный.

— Точно. — Верховный заглянул в свои карты. — Ладно. Твои два ка…

Раздались приглушённые шаги.

— На той неделе чел с кнутом дошёл аж до первых пик, — напомнил неверховный.

Раздался звук, как при сливе в очень старой уборной. Шаги остановились.

Верховный Жрец ухмыльнулся.

— Ладно, — сказал он. — Принимаю два камушка и поднимаю ещё на два.

Неверховный жрец раскрыл карты.

— Двойная Луковица! — объявил он.

Верховный Жрец поглядел на них с подозрением.

Неверховный сверился с бумажкой.

— Итого ты торчишь мне триста тысяч девять-

сот шестьдесят четыре камушка, — сказал он.

Снова раздались шаги. Жрецы переглянулись.

— Давно уже никто не проходил коридор с ядовитыми стрелами, — заметил Верховный.

— Ставлю пять, что пройдёт, — предложил неверховный.

— Принято.

Раздался звон металлических наконечников о камень.

— Ну, прощайся со своими камушками…

Снова раздались шаги.

— Ладно, но остаётся ещё… — скрип, плеск, — ров с крокодилами.

Снова шаги.

— Так, ну мимо чудовищного стража врат никто ещё не проходил…

Жрецы с ужасом переглянулись.

— Эй, — сказал тот, что не Верховный. — А вдруг это…

— Сюда? Ой, да брось. Мы посреди богами забытых джунглей. — Верховный попытался улыбнуться. — Не может это быть…

Шаги приближались.

Жрецы вцепились друг в друга от ужаса.

– Госпожа Торт!

Двери с грохотом распахнулись. В зал ворвался

тёмный ветер, задул свечи и рассыпал карты, словно снежинки.

Жрецы услышали звук, какой издаёт очень большой алмаз, извлекаемый из статуи.

— СПАСИБО.

Подождав какое-то время и убедившись, что ничего уже не происходит, тот жрец, что не был Верховным, наконец нащупал огниво и после нескольких неудачных попыток зажёг свечу.

Жрецы стояли в окружении пляшущих теней возле статуи, в которой теперь зияла дырка в форме очень большого алмаза.

Наконец Верховный Жрец вздохнул и сказал.

— Ну ладно, подумай вот что: а кто, кроме нас, узнает?

— Ага. Как-то не подумал. Эй, слушай, а можно я теперь буду Верховным?

— Твоя очередь только в четверг.

— Ой, да ладно тебе!

Верховный Жрец пожал плечами и снял тиару Верховного Жреца.

— А знаешь, это на самом деле печально, — сказал он, глядя на разорённую статую. — Некоторые просто не умеют прилично вести себя в храме.

Смерть пронёсся через весь мир и снова приземлился на ферме.

Солнце уже клонилось к закату, когда он постучал в дверь кухни. Госпожа Флитворт открыла, вытирая руки о фартук. Она близоруко прищурилась, разглядывая гостя, а затем шагнула назад.

— Билл Дверь? Ну ты даёшь…

— Я ПРИНЁС ВАМ ЦВЕТЫ.

Она уставилась на засохший гербарий.

— И ШОКОЛАДКИ. ГОВОРЯТ, ДАМЫ ТАКИЕ ЛЮБЯТ.

Она уставилась на чёрную коробочку.

— А ЕЩЁ БРИЛЛИАНТ, ОН БУДЕТ ВАМ ЛУЧШИМ ДРУГОМ.

В нём отразились лучи заходящего солнца.

Наконец к госпоже Флитворт вернулся дар речи.

— Билл Дверь, ты к чему это?

— Я ПРИШЁЛ УНЕСТИ ВАС ДАЛЕКО-ДАЛЕКО.

— Правда? И куда же?

До этого места Смерть не продумал.

— А КУДА ХОТИТЕ?

— Я сегодня никуда не пойду, кроме как на танцы, — твёрдо заявила госпожа Флитворт.

Этого Смерть тоже не продумал.

— А ЧТО ЗА ТАНЦЫ?

— На празднике урожая. Не знал? Традиция такая. Когда урожай собран, устраивают праздник, такой день благодарения.

— БЛАГОДАРЕНИЯ КОМУ?

— Чёрт знает. Кажется, никому конкретному. Просто благодарения в целом.

— Я ХОТЕЛ ПОКАЗАТЬ ВАМ ЧУДЕСА. ВЕЛИКИЕ ГОРОДА. ВСЁ, ЧТО ВЫ БЫ ЗАХОТЕЛИ.

— Всё-всё?

— ДА.

— Тогда мы идём на танцы, Билл Дверь. Я на них каждый год хожу. Народ там на меня рассчитывает. Ты знаешь, как это бывает.

— ДА, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

Он взял её за руку.

— Что, уже? Я ещё не готова…

— ПОГЛЯДИТЕ.

Она опустила глаза и увидела, во что теперь одета.

— Это же не моё платье. Оно всё в блёстках.

Смерть вздохнул. Величайшие в истории любовники просто не встречали госпожу Флитворт. Казанунда бы повесился на своей лестнице.

— ЭТО БРИЛЛИАНТЫ. СТОИМОСТЬЮ С ЦЕЛОЕ КОРОЛЕВСТВО.

— Какое именно королевство?

— ЛЮБОЕ.

— Ух!

Бинки легко рысил по дороге к посёлку. После перелётов через бесконечность простая пыльная дорога казалась ему облегчением.

Госпожа Флитворт сидела боком в седле позади Смерти и, шурша обёрткой, изучала содержимое коробочки с «Тёмными чарами».

— Ну вот, — сказала она, — кто-то съел все трюфели с ромом.

Снова зашуршала обёртка.

— И нижний слой тоже. Ну что такое? Кто же ест нижний слой, не закончив с верхним! И наверняка это ты был, потому что в крышке есть картинка и на ней нарисованы трюфели с ромом. А, Билл Дверь?

— МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Этот твой большой алмаз тяжеловат. Но милый, — неохотно добавила она. — Где ты его достал?

— У ЛЮДЕЙ, СЧИТАВШИХ ЕГО СЛЕЗОЙ БОГА.

— А это правда слеза?

— НЕТ. БОГИ НЕ ПЛАЧУТ. ОБЫЧНЫЙ УГЛЕРОД, ПОБЫВАВШИЙ ПОД ДЕЙСТВИЕМ БОЛЬШОГО ЖАРА И ДАВЛЕНИЯ, ВОТ И ВСЁ.

— Выходит, в каждом угольке таится алмаз, готовый вырваться наружу?

— ДА, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

Какое-то время тишину нарушало лишь цоканье копыт Бинки. Наконец госпожа Флитворт лукаво сказала:

— Знаешь, не понимаю, что происходит. Я же видела, сколько песку осталось. А ты, значится, подумал: «Старая клюшка-то славная, устрою-ка я ей несколько часов веселья, а потом, когда она меньше всего ожидает, тут я и устрою секир-трава», верно?

Смерть ничего не ответил.

— Я права, да?

— ОТ ВАС НИЧЕГО НЕ СКРОЕШЬ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Ха, я полагаю, это должно мне польстить, да? Ведь у тебя, полагаю, нынче много вызовов.

—

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ МОЖЕТЕ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

— Ну в таком случае можешь, если угодно, снова называть меня Ренатой.

На лугу за стрельбищем горел костёр. Смерть увидел, как перед ним двигаются фигуры. Изредка доносился болезненный стон — это кто-то настраивал скрипку.

— Всегда хожу на танцы на празднике урожая, — между делом заметила госпожа Флитворт. — Не плясать, конечно. Я в основном занимаюсь готовкой и всем таким.

— ПОЧЕМУ?

— Ну, кто-то же должен готовить.

— В СМЫСЛЕ, ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ТАНЦУЕТЕ?

— Старая я уже, вот почему.

— ВЫ НЕ СТАРШЕ, ЧЕМ ПОЗВОЛЯЕТЕ СЕБЕ СЧИТАТЬ.

— Ха! Да ладно? Такое только болваны говорят.

Вечно твердят: «Честное-благородное, вы замечательно сохранились!» Говорят: «Есть ещё порох в пороховницах», «Года не беда, коль душа молода» и всё такое. Бред всё это. Как будто старости можно радоваться! Как будто этой горе-философией зарабатываешь себе *очки*! Нет, котелок мой ещё варит, как в молодости, но колени уже совсем не те. И спина. И зубы. Попробуй, скажи моим коленям, что они не старше, чем думают, и поглядим, будет ли толк.

— СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ.

У костра собиралось всё больше фигур. Смерть заметил полосатые столбы, обмотанные лентами.

— Парни обычно приносят пару дверей от амбаров и сколачивают их вместе, чтобы получился нормальный пол, — сказала госпожа Флитворт. — А затем всё начинается.

— НАРОДНЫЕ ТАНЦЫ? — устало спросил Смерть.

— Ну уж нет. У нас есть *достоинство*, знаешь ли.

— ПРОСТИТЕ.

— Эй, это же Билл Дверь, верно? — Из сумрака вышла фигура.

— Старина Билл!

— Привет, Билл!

Смерть окружила толпа простодушных лиц.

— ПРИВЕТСТВУЮ, ДРУЗЬЯ.

— А говорили, что ты уехал, — сказал Герцог Боттомли. Он бросил взгляд на госпожу Флитворт, которой Смерть помогал слезть с коня. Он запнулся, пытаясь оценить происходящее.

— А вы выглядите сегодня… очень… блестяще, госпожа Флитворт, — галантно закончил он.

В воздухе пахло тёплой влажной травой. Любительский оркестр всё ещё настраивался под навесом.

Столы на козлах были накрыты такой едой, какую можно назвать словом «трапеза»: пироги со свининой, похожие на обжаренные бастионы, банки с демонически солёным луком, картошка в мундире, утопающая в холестериновом океане сливочного масла. Местные старейшины уже устроились на скамьях и стоически жевали беззубыми ртами с таким видом, будто готовы просидеть тут до утра.

— Приятно видеть, как старики веселятся, — заметила госпожа Флитворт. Смерть поглядел на едоков. Большинство из них были младше его спутницы.

Из густого мрака, докуда не доставал свет кост-

ра, донёсся смешок.

— И молодёжь, — спокойно добавила госпожа Флитворт. — В моё время была поговорка про это время года. Как-то вроде… «Пшеницу собрали, амбары полны. Юбчонки задрали, спустили…» Как-то так. — Она вздохнула. — Как летит время, а?

— ДА.

— Знаешь, Билл Дверь, а может, ты и был прав насчёт думать о хорошем. Этой ночью мне намного лучше.

— ДА?

Госпожа Флитворт как бы невзначай глянула на танцпол.

— А девчонкой-то я танцевала хоть куда. Могла всю ночь напролёт плясать. От восхода луны… До захода солнца…

Она развязала ленты, сжимавшие её волосы в тугой пучок, и тряхнула ими, как белоснежным водопадом.

— Думается, вы у нас танцуете, господин Билл Дверь?

— Я ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНЦОР, ГОСПОЖА ФЛИТВОРТ.

В оркестре скрипач кивнул товарищам, сунул скрипку под подбородок и топнул по доскам…

— И-раз! И-два! И-раз, два, три, четыре…

Представьте долину, над которой парит рыжий полумесяц луны. А там, внизу, — круг света вокруг костра.

Тут плясали старые добрые танцы — кадрили, рилы, гопаки и такие хитроумные пляски, что, если раздать танцорам фонари, получилась бы топологическая задача, непосильная современной физике. И даже такие танцы, от которых вроде бы разумные люди начинают орать что-нибудь вроде «Ай-на-нэ!» или «Йих-ха!» и впервые за долгое время не краснеть от этого.

Когда первые павшие выбыли, уцелевшие перешли к польке, мазурке, фокстроту, «Яблочку», а потом к «Груше», «Арбузу», «Дыне» и прочим фруктам. А потом к танцам, в которых люди образуют арку, а другие под ней танцуют — к слову, так в народе отразилась память о казнях.

А потом такие танцы, в которых люди образуют круг — это, кстати, так в народе отразилась память о чуме.

И всё это время две фигуры кружили, будто в последний раз.

Скрипач-солист смутно запомнил, что, едва он останавливался переводить дух, из толпы, пританцовывая чечётку, выныривала фигура, и какой-то голос шептал ему в ухо:

— ПРОДОЛЖАЙ. Я В ТЕБЯ ВЕРЮ.

Когда он второй раз замешкался, на половицы перед ним упал алмаз размером с его кулак. А фигурка поменьше плавно отделилась от танцоров и сказала:

— Если твои парни не продолжат играть, Вильям Крантик, я лично всем вам жизнь испорчу.

И вернулась в толчею из тел.

Скрипач опустил глаза на алмаз. На него можно было купить пять любых королевств, какие первыми вспомнятся. Он поспешно загнал его ногой позади себя.

— Что, рука-то уже отваливается? — улыбнулся ему барабанщик.

— Заткнись и играй!

Он вдруг осознал, что на кончиках его пальцев пляшут мелодии, которых сам он в жизни не слы-

хал. Барабанщик и флейтист тоже это ощутили. Музыка будто лилась в них откуда-то. Они её не играли. Это она играла ими.

— А ТЕПЕРЬ САМОЕ ВРЕМЯ НАЧАТЬ НОВЫЙ ТАНЕЦ.

— Там-там-там-там, тарара-та-рам, — промычал скрипач. Его захватила новая мелодия. Пот лил градом из-под его подбородка.

Танцоры неуверенно закружились, не зная пока, как плясать. Но одна пара двигалась среди них с грацией хищников, полуприсев, сплетя руки и выставив перед собой, словно бушприт смертоносного галеона. На краю танцпола они развернулись, превратившись в вихрь конечностей, казалось, отрицавший человеческую анатомию, и ринулись обратно сквозь толпу.

— Как он называется?

— ТАНГО?

— А это точно законно?

— КАЖЕТСЯ, ДА.

— Потрясающе.

Музыка переменилась.

— А этот я знаю! Это щеботанский танец перед боем быков! Р-раз…

— …И ГОТОВО?

В ритм музыки внезапно понёсся стремитель-

ный каскад сухих щелчков.

— Кто играет на маракасах?

Смерть ухмыльнулся.

— МАРАКАСЫ? Я ОБХОЖУСЬ БЕЗ… МАРАКАСОВ.

И вот настал тот час.

Луна на горизонте казалась призраком себя. С другой стороны уже занималась бледная заря нового дня.

Они ушли с танцев.

То, что заставляло оркестр играть без умолку всю ночь, плавно угасло. Музыканты переглянулись. Скрипач Крантик опустил глаза на алмаз. Он никуда не делся.

Барабанщик растирал запястья, пытаясь вернуть рукам жизнь.

Крантик беспомощно посмотрел на измождённых танцоров.

— Ну ладно… — сказал он и в последний раз поднял скрипку.

Госпожа Флитворт со спутником слушали его из тумана, клубившегося вокруг поляны в лучах рассвета.

Смерть узнал этот медленный настойчивый ритм. Он заставлял вспомнить о деревянных фигурках, кружащих сквозь Время, пока не кончится завод пружины.

— ЭТОТ ТАНЕЦ Я НЕ ЗНАЮ.

— Это последний вальс.

— ВРЯД ЛИ ЕСТЬ ТАКОЙ.

— А знаешь, — протянула госпожа Флитворт, — я весь вечер думала: как это случится? Как ты это сделаешь? В смысле, люди же всегда умирают *от чего-то*, не так ли? Я думала, может, от усталости — но я чувствую себя прекрасно. Я повеселилась, как никогда в жизни, и даже не выдохлась ещё. По правде сказать, Билл Дверь, даже второе дыхание открылось. И я…

Она запнулась.

— Я не дышу, не так ли. — Это был не вопрос. Она поднесла руку к лицу и подула на неё.

— НЕ ДЫШИТЕ.

— Всё ясно. При жизни я никогда так не веселилась… ха! Так что… в какой момент?

— ПОМНИТЕ, КАК ВЫ СКАЗАЛИ «НУ ТЫ ДАЁШЬ»?

— Ага?

— ВОТ ТОГДА Я НА САМОМ ДЕЛЕ ВЗЯЛ.

Госпожа Флитворт уже не слушала. Она осматривала себя так, будто увидела впервые.

— Кажется, ты кое-что поменял, Билл Дверь, — сказала она.

— НЕТ. ПЕРЕМЕНЫ ТВОРИТ ТОЛЬКО ЖИЗНЬ.

— В смысле, я выгляжу моложе.

— ЭТО Я И ИМЕЛ В ВИДУ.

Он щёлкнул пальцами. Бинки перестал жевать траву на опушке и подбежал.

— А знаешь, — сказала госпожа Флитворт, — я часто думала… Часто думала, что у всех есть свой, так сказать, *подлинный возраст*. Видала я детей, которые в десять лет ведут себя так, словно им тридцать пять. Иные даже рождаются сразу средних лет. И мне приятно думать, что всю жизнь мне было… — она оглядела себя, — ну где-то восемнадцать. Всю жизнь, в глубине души.

Смерть ничего не ответил. Лишь подсадил её на коня.

— Знаешь, если поглядеть, что жизнь творит с людьми, *ты* уже не кажешься таким страшным, — сказала она нервно.

Смерть щёлкнул зубами. Бинки пошёл шагом.

— А ты не встречал Жизнь, случайно?

— ЧЕСТНО СКАЗАТЬ, НЕ ВСТРЕЧАЛ.

— Наверное, она вся такая белая и искристая. Как буря с грозой в штанах, — предположила госпожа Флитворт.

— ВРЯД ЛИ.

Бинки поднялся в рассветное небо.

— И кстати… смерть всем тиранам! — добавила госпожа Флитворт.

— ДА.

— А куда мы едем?

Бинки перешёл на галоп, но мир вокруг не двигался.

— Отличный у тебя конь. — Голос госпожи Флитворт дрогнул.

— ДА.

— Только что это он *делает*?

— РАЗГОНЯЕТСЯ.

— Но мы же никуда не *движемся*…

Они исчезли.

Они появились вновь.

Теперь вокруг был снег и зеленоватый лёд на скалистых горах. То не были старые горы, источенные временем и стихией до плавных горнолыжных склонов. Нет, то были молодые, дерзкие горы-подростки. Такие, у которых есть тайные ущелья и безжалостные расселины. Йодль, спетый одиноким козопасом не в том месте, вызвал бы не весёлое эхо, а пятьдесят тонн снега экспресс-доставкой.

Конь приземлился на сугроб, который по всем законам физики должен был под ним провалиться. Смерть спешился и помог спуститься госпоже Флитворт. Они пошли по снегу к обледенелой дороге, огибавшей склон горы.

— Зачем мы здесь? — спросила душа госпожи Флитворт.

— Я СТАРАЮСЬ НЕ ФИЛОСОФСТВОВАТЬ НА ТАКИЕ ВСЕЛЕНСКИЕ ТЕМЫ.

— В смысле, здесь, на этой горе. На этой территории, — терпеливо поправилась госпожа Флитворт.

— А ЭТО НЕ ТЕРРИТОРИЯ.

— Что же это тогда?

— ИСТОРИЯ.

Они завернули за поворот. Там стоял пони с

сумой на спине и жевал ветви куста. Тропа кончалась у вала из подозрительно чистого снега.

Смерть извлёк песочные часы из бездны своей мантии.

— ПОРА, — сказал он и ступил на снег.

Она глядела на него, не решаясь следовать за ним. Уж очень трудно отказываться от привычки иметь твёрдое тело.

А затем поняла, что ей и не нужно идти.

Кое-кто сам вышел навстречу.

Смерть поправил уздечку Бинки и сел в седло. На миг он задержался, изучая две фигурки возле лавины.

Они были уже почти неразличимы, их голоса — не более чем дрожью в воздухе.

— И он только сказал: «ОТНЫНЕ ВАС НИЧТО НЕ РАЗЛУЧИТ НА ВАШЕМ ПУТИ». А я ему: «Каком пути?» А он говорит, мол, не знаю. Что случи-

лось-то?

— Руфус, дорогой, тебе трудно будет в это поверить...

— Так кто был этот парень в маске?

Они оба оглянулись.

Там никого не было.

В той деревеньке в Овцепиках, где умеют плясать правильный моррис, его танцуют всего раз, на рассвете, в первый день весны. Потом, когда наступает лето, его больше не танцуют. Потому что какой смысл? Какой от него тогда толк?

Но в один из дней, когда ночи становятся всё длинней, танцоры пораньше заканчивают работу и достают с антресолей и из сундуков *другие* костюмы, чёрные, и *другие* колокольчики. И по одному стекаются в долину под сенью нагих ветвей. Они не разговаривают. Не играет музыка. Трудно представить, что сейчас будет.

Колокольчики не звенят. Они сделаны из магического металла — октирона. Но это не немые колокольчики. Тишина — лишь отсутствие звука. Они же издают противозвук, нечто вроде густо насыщенной тишины.

И тогда, холодным вечером, когда свет иссякает в небесах, среди замёрзших листьев, на сыром ветру, они пляшут *другой* моррис. Во имя мирового равновесия.

Говорят, обязательно надо плясать оба танца. Иначе лучше уж совсем не плясать.

Ветром Сдумс шагал через Латунный мост. Настало то время суток, когда ночные жители Анк-Морпорка ложились спать, а дневные только просыпались. В кои-то веки кругом почти не было ни тех, ни других.

Ветрома что-то тянуло сюда, в это место, в эту ночь, сейчас. Не то чувство, когда он предчув-

ствовал свою смерть. Скорее, ощущение, когда шестерню вставляют в часы, — всё начинает вращаться, распрямляется пружина, и именно здесь тебе самое место…

Он остановился и наклонился через ограду. Тёмная вода, или, вернее, текучая грязь, чавкала у подножия каменных опор. Есть старинная легенда… как там оно? Если бросить монетку в Анк с Латунного моста, обязательно вернёшься? Или там надо *блевануть* в Анк? Нет, кажется, первое. Что ж, большинство горожан, уронивших монету в реку, обязательно вернутся — за монетой, конечно.

Из тумана вышел силуэт. Ветром напрягся.

— Доброе утро, господин Сдумс.

Ветром расслабился.

— А, сержант Колон? Я думал, вас тут нет.

— Да, это я, вашество, — бодро откликнулся часовой. — Такой вот я легавый, вечно появляюсь, когда не ждут.

— Я гляжу, ещё одна ночь прошла, и мост по-прежнему на месте. Отличная работа, сержант.

— А я всегда говорю: бдительность лишней не бывает.

— Уверен, горожане могут мирно спать друг у друга в постели, зная, что никто не стащит у

них мост весом в пять тысяч тонн, — продолжил Ветром.

В отличие от гнома Модо, сержант Колон знал, что значит «ирония». Он считал, что это когда что-нибудь уронят. Он с уважением улыбнулся Ветрому.

— Надо быть находчивым, чтобы опережать современных международных преступников, господин Сдумс, — ответил он.

— Молодец. Эм-м. А вы, эм-м, не видели тут вокруг никого?

— Ночью всё как будто мертво, — ответил сержант. Затем вспомнил, с кем говорит, и добавил: — Без обид.

— Ага.

— Ну, я пойду тогда, — сказал сержант.

— Славно. Славно.

— Вы в порядке, господин Сдумс?

— Славно. Славно.

— Не будете больше в реку бросаться?

— Не буду.

— Точно?

— Да.

— Ну ладно. Тогда спокойной ночи. — Он вдруг спохватился: — Ой, скоро голову свою забуду! Один малый просил вам это передать. — Он про-

тянул ему жёваный конверт.

Ветром вгляделся в туман.

— Какой малый?

— Вот этот… ой, уже пропал. Высокий такой. Странного вида.

Ветром развернул бумажку и прочитал:

«УУУУиииииУУУУиииииУУУУиииии».

— Ага, — сказал он.

— Что, дурные новости? — спросил сержант.

— Это как посмотреть, — ответил Ветром.

— А. Ясно. Ладно. Ну… тогда доброй ночи.

— Всего хорошего.

Сержант Колон на миг замешкался, затем пожал плечами и пошёл дальше.

Когда он ушёл, тень позади Сдумса пошевелилась и улыбнулась.

— ВЕТРОМ СДУМС?

Ветром не стал оборачиваться.

— Да, а что?

Уголком глаза Ветром увидел, как на парапет легли костяные руки. Раздался звук, какой издаёт фигура, пытаясь устроиться поудобнее, а затем спокойная тишина.

— Ага, — сказал Ветром. — Полагаю, мне следует пройти с вами?

— Я НЕ ТОРОПЛЮ.

— А мне казалось, вы всегда пунктуальны.

— В НАШЕМ СЛУЧАЕ ПАРА ЛИШНИХ МИНУТ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТ.

Ветром кивнул.

— Я повстречал таких людей, о которых даже не подозревал. Я столько всего переделал. Я наконец-то познал, кто такой Ветром Сдумс на самом деле.

— И КТО ЖЕ ОН?

— Ветром Сдумс.

— ПОЛАГАЮ, ЭТО БЫЛО ПОТРЯСЕНИЕМ.

— Ну да.

— ВСЕ ЭТИ ГОДЫ ВЫ ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЛИ ОБ ЭТОМ.

Ветром Сдумс знал, что такое ирония *на самом деле*, и даже про сарказм был в курсе.

— Вы очень любезны, — проворчал он.

— ПОЖАЛУЙ.

Ветром снова поглядел в реку.

— Славно было, — сказал он. — После стольких лет… Хорошо быть полезным.

— ДА. НО ПОЧЕМУ?

Ветром удивился.

— Не знаю. Почём мне знать? Наверное, потому, что мы в этом мире все заодно. Потому что мы не бросаем своих. Потому что я понял, как давно я был мёртв. Потому что всё что угодно лучше, чем быть одиноким. Потому что люди — это люди.

— А ШЕСТЬ ПЕНСОВ — ЭТО ШЕСТЬ ПЕНСОВ. НО ПШЕНИЦА — НЕ ПРОСТО ПШЕНИЦА.

— Правда?

— ДА.

Ветром присел. Камни моста ещё не остыли после жаркого дня. К его изумлению, Смерть присел рядом.

— ПОТОМУ ЧТО ВЫ — ЭТО ВСЁ, ЧТО У ВАС ЕСТЬ, — сказал Смерть.

— Что? А. Да. И это тоже. А вокруг только огромная и безразличная вселенная.

— ВАС ЖДЁТ СЮРПРИЗ.

— Одной жизни слишком мало.

— ОЙ, НЕ ЗНАЮ.

— Хм-м?

— ВЕТРОМ СДУМС?

— Что?

– *ВОТ ТАКОЙ* БЫЛА ТВОЯ ЖИЗНЬ.

И с великим облегчением, неизменным оптимизмом и ощущением, что в целом могло быть и хуже, Ветром Сдумс умер.

Где-то в ночи Редж Башмак огляделся, достал потрёпанную кисть и баночку краски из пиджака и начертал на подходящей стене:

«Внутри каждого живого прячется покойник, ждущий освобождения…»

И вот тогда всё закончилось. Конец.

Смерть стоял у окна своего мрачного кабинета, глядя в сад. В его покойных владениях ничто не двигалось. Тёмные лилии цвели у пруда с форелью, которую ловили гипсовые гномики-скелетики. Вдали высились горы.

Тут был его мир. Не отмеченный ни на одной карте.

Но теперь в нём как будто чего-то не хватало.

Смерть выбрал себе косу на стойке в большом зале. Прошёл мимо огромных часов без стрелок и вышел наружу. Прошагал через чёрный цветник, где Альберт возился с ульями, и вышел к небольшому валу на окраине сада. Вдали, до самых гор, земля не сформировалась — она была твёрдой, в каком-то смысле реальной, но он не находил причин придавать ей какую-то форму.

До этого момента.

Позади него появился Альберт, пара чёрных пчёл всё ещё кружила у его головы.

— Что это вы делаете, хозяин? — спросил он.

— ВСПОМИНАЮ.

— Ась?

— Я ПОМНЮ, КАК ВСЁ ЭТО БЫЛО ЛИШЬ ЗВЁЗДАМИ.

Как же там было? Ах да…

Он щёлкнул пальцами. Появились поля, а затем плавные изгибы холмов.

— Золотистые, — заметил Альберт. — Очень миленько. Всегда считал, что нам тут немного цвета не хватает.

Смерть покачал головой. Всё ещё чего-то не

хватало. И тут он наконец понял. Часы жизни, огромный зал, наполненный рокотом утекающих жизней, — дело грамотное и нужное, без него не было бы должного порядка. Но…

Он щёлкнул пальцами вновь, и подул ветерок. Поля заколыхались, волна за волной проносилась по склонам.

— АЛЬБЕРТ?

— Да, хозяин?

— НЕТ ЛИ У ТЕБЯ КАКОЙ-НИБУДЬ РАБОТЫ СЕЙЧАС? ЧЕМ-НИБУДЬ ЗАНЯТЬСЯ?

— Кажется, нет, — ответил Альберт.

— В СМЫСЛЕ, ПОДАЛЬШЕ ОТСЮДА.

— Ага. Я понял, вы хотите побыть одни, — догадался Альберт.

— Я ВСЕГДА ОДИН. НО ИМЕННО СЕЙЧАС Я ХОЧУ БЫТЬ ОДИН НАЕДИНЕ С СОБОЙ.

— Ясно. Я тогда пойду и, ну, займусь всякой мелочовкой по дому, — кивнул Альберт.

— ДАВАЙ.

Смерть постоял в одиночестве, наблюдая, как пшеница пляшет на ветру. Конечно, это лишь метафора. Люди — не просто урожай. Они метались толпой в своих крошечных жизнях, движимые буквально *часовым* механизмом, и наполняли свои дни от края до края отчаянными попытками

жить. И с точки зрения вечности все их жизни были одной длины, даже самые долгие и самые короткие.

Где-то в глубине возразил голос Билла Двери: «А с точки зрения владельца, длинные лучше!»

— ПИСК.

Смерть опустил взгляд. У его ног стояла фигурка.

Он наклонился, поднял её и поднёс к пытливым глазницам.

— Я ТАК И ЗНАЛ, ЧТО КОГО-ТО УПУСТИЛ.

Смерть Крыс кивнул.

— ПИСК?

Смерть покачал головой.

— Я НЕ МОГУ ТЕБЯ ОСТАВИТЬ, — сказал он. — У МЕНЯ ЖЕ НЕ ФИРМА С СОТРУДНИКАМИ.

— ПИСК?

— А ТЫ ПОСЛЕДНИЙ?

Смерть Крыс разжал костлявую лапку. Оттуда вылез крохотный Смерть Блох, смущённый, но гордый.

— НЕТ УЖ. ТАКОГО *НЕ ДОЛЖНО* БЫТЬ. Я НЕУМОЛИМ. Я СМЕРТЬ… Я ОДИН.

Он поглядел на Смерть Крыс.

Вспомнил Азраила в его обители одиночества.

— СОВСЕМ ОДИН…

Смерть Крыс поднял на него глазнички.

— ПИСК?

Представьте высокую тёмную фигуру среди пшеничных полей.

— НЕТ, ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ ЕЗДИТЬ НА КОШКЕ. НУ КАКАЯ СМЕРТЬ ЕЗДИТ НА КОШКАХ? СМЕРТЬ КРЫС ДОЛЖЕН ЕЗДИТЬ НА КАКОЙ-НИБУДЬ СОБАКЕ.

Представьте ещё больше полей, тянущихся до самого горизонта, плавно изгибаясь волнами…

— НЕ СПРАШИВАЙ, *МНЕ-ТО* ОТКУДА ЗНАТЬ? НА ТЕРЬЕРЕ, НАПРИМЕР.

…пшеничные поля, живые, что-то шепчущие на ветру…

— ЛАДНО. И ПУСТЬ СМЕРТЬ БЛОХ ТОЖЕ НА НЁМ ЕЗДИТ. УБЬЁМ ДВУХ ЗАЙЦЕВ ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ.

…дожидаясь круговорота времён года.

— МЕТАФОРИЧЕСКИ.

А в конце всех историй Азраил, который знал ответ, подумал: «Я ПОМНЮ, КАК ВСЁ ЭТО СЛУЧИТСЯ ВНОВЬ».